

XX съезд. Материалы конференции к 40-летию XX съезда КПСС. Горбачев-Фонд, 22 февраля 1996 года. - М.: Изд-во «Апрель-85», 1996.-158 с.

Оглавление

ГОРБАЧЕВ М.С.	
Вступительное слово	3
НАУМОВ В.П.	
К истории секретного доклада Н.С.Хрущева	9
ЖУКОВ Ю.Н.	
Крутой поворот ... назад	29
ЗУБОК В.М.	
XX съезд и «мировая империя»	36
МИКОЯН С.А.	
Реплика	38
МЕДВЕДЕВ Р.А.	
Доклад не был «закрытым»	40
БАРСУКОВ Н.А.	
Записка Поспелова и доклад Хрущева	44
СЛАВИН Б.Ф.	
Идея демократического социализма жива	49
ЛИСТОВ В.С.	
Реплика	52
БУЗГАЛИН А.В.	
Надо сдвигаться влево	52
БУТЕНКО А.П.	
Блажен, кто верует!	55
ШЕЙНИС В.Л.	
Почему захлебнулись реформы, или можно ли превратить яичницу в свежие яйца?	62
ЗАГЛАДИН В.В.	
Реплика	74
МЕЖУЕВ В.М.	
Сталинизм возможен и без Сталина	75
КЪЕЗА ДЖУЛЬЕТТО (Италия)	
Комплекс провинциализма	80
ВОЛОБУЕВ О.В.	
Внутренние мотивы политических акций	81
СЕРЕБРЯКОВА З.Л.	
Оттепель, заморозки, оттепель...	84

ЗЛОБИН Н.С.	
Хороших диктатур не бывает	91
ЗЕВЕЛЕВ А.И.	
Сталинизм не исчез из нашей жизни	96
ИОРДАНСКИЙ В.Б.	
Тогда... и сорок лет спустя	101
АБРАМОВА Ю.А.	
Жуков и XX съезд КПСС	108
АКСЮТИН Ю.В.	
Новые документы бывшего архива ЦК	110
ДАНИЛОВ А.А.	
О границах «оттепели» и «преждевременности» реформ	120
ЛОГИНОВ В.Т.	
Проблема регионализации СССР после XX съезда	123
МУРАРКА ДЭВ (ИНДИЯ)	
XX съезд КПСС и мир	135
МЕДВЕДЕВ В.А.	
Судьбы отечественной реформации	142

Горбачев М.С.

Вступительное слово

Позвольте приветствовать всех участников «круглого стола» и открыть наше заседание.

Откровенно говоря, я предвкушаю интересную дискуссию. Слишком много политических страстей кипело 40 лет назад и кипит сейчас вокруг XX съезда. Влиятельные круги слишком долго замалчивали этот съезд, делая вид, будто его и не было. Им казалось, что они сводили счеты с конкретным лицом – Хрущевым, а получалось, что сводили счеты с историей, причем с очень важным моментом нашего исторического процесса в новейшее время.

И сегодня, мне кажется, эта тема не менее актуальна. Атаки на XX съезд и ныне продолжаются с двух сторон. Фундаменталисты не скрывают своих симпатий к Сталину и положительного отношения к многим формам общественной и государственной жизни его времени, считают, что главная ошибка съезда – в оценке исторической роли Сталина. Если бы они говорили, что процесс изучения данной проблемы не завершен, я бы согласился с ними. Потому что, думаю, нам предстоит еще многое сделать для исследования этого вопроса. Но они говорят о другом. О том, что XX съезд – это своего рода «первое предательство» (второе, разумеется, – перестройка). Иными словами, XX съезд подвергается критике за «либеральные ошибки».

К сожалению, многие из тех, кто считал себя «детьми XX съезда» и демократами, кто до последнего времени не стеснялся об этом говорить, и говорить с воодушевлением, сегодня оценивают съезд как чистейший «миф», ибо, как они заявляют, «съезд не создал подлинно демократического общества».

И это говорят люди, которые прошли эти 10 лет от начала перестройки и видели, что значит шаг за шагом двигаться по пути демократических преобразований. Они упрекают Хрущева и тех, кто поддержал его доклад, принципиальную позицию критики сталинизма, в том, что, видите ли, съезд мало что значил и мало что изменил в реальной жизни страны. По их мнению, историю демократизации вообще следует отсчитывать с нынешних демократов.

Думаю, что еще не одно поколение будет работать над тем, чтобы мы получили подлинно демократическое общество, где мы чувствовали бы себя свободными гражданами.

Что же такое XX съезд, каково его место в нашей истории и вообще какое значение имеет он для сегодняшнего дня?

Мне кажется, если посмотреть на XX съезд в контексте того реального времени и дополнить его с нынешней временной дистанции, это даст нам с вами какие-то преимущества по сравнению с оценками современников съезда. Помню, тогда я работал в комсомоле и принял съезд сразу же – для меня проблемы тут не было. Но когда, будучи заместителем заведующего отделом пропаганды крайкома комсомола, я по поручению Ставропольского крайкома партии поехал в Ново-Александровский район разъяснять итоги съезда, секретарь, который меня встретил в райкоме, мой хороший знакомый, сказал: «Я думаю, Михаил Сергеевич, тебя подставили. Мы вот сидим и не знаем, что делать.» Спрашиваю: «Почему? Есть же материалы, есть пресса.» Он отвечает: «Вот поедешь, послушаешь, что говорят люди, тогда и узнаешь... Не понимают... И не принимают.»

Вот как трудно это шло тогда. Не у всех, наверное, но трудно. Потому что это был крутой поворот, подобный электрическому шоку огромной мощности. И тем не менее сейчас мы можем сказать без всяких приписок (а мы мастера большие в этом, не только в экономике, но и в философии и политике), что XX съезд явился в нашей новейшей истории событием поистине историческим. Мы раньше все съезды называли историческими. И с точки зрения того, что все события принадлежат истории, это верно. Но вот с точки зрения последствий и исторической роли конкретного события, этот съезд без всякой натяжки действительно заслуживает того, чтобы его так назвать.

И этим съезд обязан докладу Никиты Сергеевича Хрущева о культе личности Сталина. Я бы просил вас, участников «круглого стола», не упустить в дискуссии анализ состояния, если можно так сказать, «посталалинского общества». Оно явно переживало кризис. Думаю, истинная картина того общества до сих пор еще не воссоздана. Ни историками, ни философами, ни политологами. А она могла бы дать ответ всем же-

лающим вернуть нас в те времена, хотя, конечно, никто открыто не говорит, что он хотел бы насаждать сталинизм или неосталинизм.

В общем, путь к XX партийному съезду был тяжелым. Политическая борьба за наследие Сталина фактически развернулась уже в последние годы жизни Сталина и в связи с его болезнью. Тогда сформировались группы. Помните мощную группировку во главе с Ждановым? И Берия сыграл с Маленковым на этом: все – Попков, Кузнецов, Родионов были уничтожены. Остался, пожалуй, один Косыгин.

Не думаю, что там действительно была группировка, которая ставила своей целью свержение Сталина или какой-то коренной поворот. Скорее, все это политическая борьба за передел власти, который назревал в связи с болезнью лидера. Это чувствовал Сталин. И тогда он пригласил Хрущева с Украины. В 1947 году там был страшный голод, унесший, по некоторым данным, жизни около миллиона человек. А в это время в закромах, в резерве страны лежало несколько десятков миллионов тонн хлеба. Не знаю, для чего же еще тогда существуют резервы. Только из войны вышли, столько перебито было, а оставшиеся в живых умирали с голода. Так или иначе, Сталин послал туда Кагановича, а Хрущева на какое-то время переместил на пост Председателя Совета Министров. А потом настроение переменилось, и Никита Сергеевич оказался в Москве.

После смерти Сталина надо было решить проблему Берии, разобраться во взаимоотношениях между партией и государством, в распределении постов в партии и правительстве. Отсюда и вся эпопея отношений с Маленковым. Ну и, наконец, Никита Сергеевич видел, что ему не сдвинуть эту махину к новым берегам, если не потеснить все сталинское окружение – Молотова, Ворошилова, Кагановича и других.

Так появилась комиссия Поспелова. Это был очень верный шаг, который вооружил какими-то знаниями и необходимой информацией. Я материалы этой комиссии видел, когда стал генсеком и дал дальнейший импульс уже новому этапу данного процесса. Но это было потом. А тогда, во время XX съезда, благодаря умелой тактике, Никите Сергеевичу удалось провести заседание Президиума ЦК и настоять на своем выступлении с материалами поспеловской комиссии перед делегатами. То есть до последнего момента, и уже во время съезда, шла ожесточенная борьба

ба. Думаю, это был огромный политический риск, особенно если – в контексте того времени – мы реально представим себе, на что замахивался, на что поднимал руку Хрущев.

Я полагаю, это тот случай, когда мы еще раз должны вспомнить о Никите Сергеевиче и воздать ему должное. Ибо тут как в космосе... Потом, после Гагарина, был второй космонавт, третий, четвертый, а сейчас я уже и не знаю, который. Так вот и здесь. Начинал именно этот человек. И именно ему мы обязаны воздать должное за политическое мужество и за то, что он все-таки оказался человеком нравственности. Он положил начало разоблачению преступлений сталинского режима. Начало освобождению миллионов заключенных. Реабилитации тех, кого успели превратить в «лагерную пыль». Начало возвращению репрессированных народов, восстановлению их доброго имени. Он нес в себе это нравственное зерно, без чего политика вообще вряд ли может быть эффективной.

Борьба продолжалась и после съезда. 1957 год, вся история с «антипартийной группой» – это же, по сути дела, попытка остановить Хрущева и дезавуировать XX съезд. А потом был XXII съезд. И тут я уже выступаю как очевидец, свидетель. На XXII съезде я участвовал уже как делегат. За все голосовал, в том числе за Программу, за все остальное и, в частности, за то, чтобы вынести Сталина из Мавзолея.

Хрущев, конечно, был реформатором. Но в его деятельности очень много противоречий. Часть из них связана с сугубо субъективным пониманием происходивших процессов. А часть определялась приверженностью, ангажированностью, включенностью в эту систему. Я это по себе хорошо знаю. Но представьте себе другое время – время Никиты Сергеевича, когда он из одного мира должен был шагнуть в другой. Все это, безусловно, сказалось и на реформах. И тем не менее, то, что он реализовал через съезд, дает нам возможность говорить, что съезд стал важным моментом в истории. И мне думается, вся эта эпопея заслуживает более глубокого анализа.

XX съезд – переломный этап в жизни страны. Обнадеживающие перемены охватили тогда все сферы – партию, государство, экономику, социальные отношения, науку, культуру; вообще изменилась общественная атмосфера.

Вспоминаю о своей тогдашней комсомольской деятельности. Став секретарем горкома комсомола, я открыл дискуссионный клуб в городе. И туда буквально валила молодежь. Не хватало помещения. И тогда городской отдел милиции предоставил нам свой большой клуб.

Шло как бы всеобщее пробуждение. Я все это хорошо помню, все это пережил. Случилась в нашем клубе такая история. Один парень сказал: «У нас, я думаю, по-настоящему свободы творчества и культуры нет. Ну что же это за свобода, если мы имеем право говорить только в рамках социалистических ценностей?» Помню, как вместе с зав. кафедрой педагогики Руденко Илларионом Анисимовичем я бросился в атаку, чтобы развенчать этого молодого оратора за такой выпад.

Делал я это по убеждению, будучи в полной уверенности в своей правоте. А еще из опасения, как бы завтра не прикрыли наш дискуссионный клуб. Много я пережил за свои 65 лет и за 40 лет в политике, а этот случай так и остался в моей памяти. Даже в мемуарах я вспомнил об этом и написал, потому что есть такие события, которые влияют на всю жизнь.

Вот так оживало, просыпалось к другой жизни общество, шел поиск путей совершенствования управления экономикой, страной. Да, политика была противоречивой и непоследовательной. Не были решены многие проблемы, а некоторые вопросы и ставились неправильно. Откат начался еще при Хрущеве, а в брежневские времена страну вообще попытались вернуть вспять. И все-таки я убежден, что после XX съезда реставрация сталинизма в его прежнем виде стала невозможной. В этом и заключается историческая заслуга съезда.

Я бы очень попросил вас связать анализ того, что было до, во время и после XX съезда, с нынешними событиями. Ведь вспомните, какие были тогда замыслы. Я сейчас их больше стал понимать. Ведь была попытка Хрущева децентрализовать страну, дать больше кислорода республикам и регионам. И он получил огромную поддержку оттуда. Но ситуация принципиально изменилась, как только он взялся за изменение роли и положения партии. Как только попытался хоть как-то ослабить ее монополию. Помните, он пошел по линии создания промышленных и сельских партийных организаций, когда из сельских райкомов сделали партийные комитеты, ставшие как бы политической частью новых тер-

риториальных управлений. Это сразу же задело всю местную элиту, прежде всего партийную. И вот те партийные «генералы», которые выручили и поддержали Хрущева в 1957 г., теперь, понимая далеко идущий замысел Никиты Сергеевича, выступили против него. Вот вам проблема элиты во все времена. Я это и по своему опыту знаю.

Думаю, что XX съезд все-таки дал импульс демократическим процессам. Они идут тяжело, болезненно. Это факт. Факт и то, что импульс не угас, что новый импульс мы дали перестройкой, пытаясь соединить социализм с демократией. Эта попытка – я бы сказал, колоссальная попытка – многое нам дала и многое сохраняется и работает до сих пор. Но многое и не получилось и, может быть, из-за того, что мы соединяли несоединимое. Я ставлю вопрос так резко потому, что все эти проблемы открыты для обсуждения. Мы не можем предаваться политическим страстям и с маху расправляться со своим наследством. Даже тяжелое наследство заслуживает – а может быть, и в первую очередь, – чтобы мы тщательно и осторожно с ним разбирались. Тем более такое наследство, с которым связаны первые шаги к демократии.

Так что же, мы обречены? Не способны жить в условиях демократии? Ведь договариваются и до этого. Я уверен: если мы погубим демократию, мы погубим себя на много десятилетий. Вот как все здесь перемешивается – прошлое и будущее...

Логинов просил меня не очень в политику ударяться, но я подумал: что же, ученые весь политический и научный анализ возьмут на себя? Но о политической стороне вопроса я-то буду обязательно говорить. И я понимаю, что только на своем поле надо играть. И еще: я вижу логическую связь всего того, что было, с тем, над чем мы мучаемся сейчас. В этом году опять мы будем стоять перед выбором. Причем, выбор, который мы сделаем, будет определять, какими мы станем на десятилетия. Итак, приглашаю вас к ответственному анализу, без, так сказать, наездничества, к разговору по существу, пусть и самому острому, – о прошлом и о сегодняшнем времени.

Прошу Владлена Терентьевича Логинова вести наше заседание дальше.

Наумов В.П.

К истории секретного доклада Н.С.Хрущева

40 лет тому назад состоялся XX съезд КПСС, сыгравший значительную роль в истории страны. Воздавая ему должное, мы, однако, мало знаем об этом выдающемся событии. Да и наши суждения о нем опираются на те стереотипы и штампы, которые выработала партийная пропаганда того времени.

XX съезд состоял из двух неравных частей. Первые 19 заседаний ничем особенно не выделяли этот партийный форум. Может быть, только отсутствием аллилуйщины в адрес вождей да еще тем, что обошлись без непомерных восхвалений «великого вождя всех времен и народов» – Сталина.

Большая часть съезда была как бы поставлена для «партии и советского народа», и ее предполагалось обнародовать. Но была другая часть, которую Президиум ЦК решил провести в чрезвычайной секретности. Делегаты съезда готовы были услышать «нечто» особо важное, касающееся Сталина. Накануне им разослали ленинские работы, ранее не публиковавшиеся в открытой печати: обращение к XII съезду партии – т.н. «Завещание», письма по национальному вопросу и другие документы. Делегатов поставили в известность, что на съезде с докладом «О культе личности» выступит Хрущев.

И вот, когда съезд исчерпал повестку дня, избрал руководящие органы и фактически закончил работу, состоялось еще одно, 20-е заседание, на котором выступил Хрущев. Именно этот доклад всколыхнул все советское общество, имел отзвук во всем мире и определил особое место съезда в истории.

Однако до сих пор покрыто тайной все, что связано с рождением самой идеи – поставить такой доклад на съезде. С борьбой мнений в Президиуме ЦК вокруг проблем, нашедших отражение в докладе. Поэтому в литературе, в средствах массовой информации так много досужих вымыслов и фантастических предположений, рождающихся из «свободного» комбинирования мозаичных фактов и вольных допущений.

Отчасти это объясняется тем, что в распоряжении историков были воспоминания только одного участника событий. Но память человеческая – об этом надо помнить – несовершенный инструмент, особенно,

когда речь идет о мемуарах. Эгоцентризм и некритическая оценка собственной личности, прошедших событий, участником которых был, видимо, вполне естественны.

Спустя 40 лет на юбилей XX съезда КПСС широко откликнулась российская пресса. Причем, как уже говорилось, в публикациях представлены полярные точки зрения, соответствующие политической позиции авторов и органов печати.

Ортодоксальные большевики, пожалуй, впервые так открыто и прямо оценили доклад Хрущева как начало катастрофы, которая произошла в 1991 году. Катастрофы, надо понимать, для коммунистической партии.

Бывшие партийные реформаторы оценивали доклад Хрущева как важный и осуществимый шаг на пути обновления партии, демократизации общества, как начало перестройки 50-х годов. Проводилась аналогия с политическими реформами 80-х. Провал реформаторских усилий Хрущева объяснялся сопротивлением консервативных сил внутри руководящего ядра партии.

Менее четкое освещение получила точка зрения, что кризис партии был обусловлен ее характером, внутренне присущими ей неразрешимыми противоречиями. Как показала история, партия не поддавалась реформированию. К тому же вся деятельность руководящего ядра партии, в том числе и все решения XX съезда были направлены на укрепление монопольной власти партии в обществе, на преодоление крайностей, проявившихся в сталинские времена во внутренней и внешней политике, а не на принципиальный отказ от этой политики. Попытки соединения таких антагонистических категорий, как демократия и диктатура, полностью провалились.

Исходя из различных концепций, по-разному оценивались и история подготовки секретного доклада, мотивов его постановки на съезде, порядок проведения закрытого заседания, реакция коммунистов на доклад Хрущева, положение в партии после съезда.

Следует отметить, что вторая часть съезда готовилась очень тщательно и эта работа сопровождалась острыми и резкими дискуссиями в Президиуме ЦК. Сразу же после смерти Сталина новое руководство МГБ предприняло шаги к широкой огласке действий органов безопасности по

фальсификации судебных дел, пыток и истязаний заключенных как обычной практике их деятельности и о причастности Сталина к этим преступлениям. В печати опубликовали факты, связанные с фальсификацией «дела врачей», дела грузинских политических деятелей, «Ленинградского дела». В этой связи предали гласности и методы действия Следственной части по Особо важным делам МГБ СССР. Группа сотрудников этого министерства была уволена и даже арестована.

За короткое время были пересмотрены дела генералов Телегина К.Ф., Крюкова В.В., Голушкевича В.С., Ласкина И.А., адмирала Алафузова В.А. и других. Многих из них арестовали во время войны или вскоре после ее окончания и по нескольку лет содержали под стражей без следствия и суда. Была реабилитирована группа руководящих комсомольских работников, видные специалисты авиационной промышленности, Главного артиллерийского управления, значительное число крупных партийно-советских работников, а также большая группа генералов, которые во время Отечественной войны попали в немецкий плен. С каждым днем тайные дела сталинских застенков становились все более явными. Вначале для узкого круга, но постепенно этот круг все более расширялся.

Первое открытое сообщение о зверствах, которые творились в органах безопасности, о методах действия ее сотрудников появились еще весной 1953 года. Инициатором таких публикаций был Берия. После его ареста появились сообщения, что он несет прямую, а может быть, и главную ответственность за политические репрессии 30-40-х годов. В связи с подготовкой судебного процесса над Берией и его сообщниками, следственные органы рассматривали дела репрессированных видных партийных, советских работников, осужденных после того, как летом 1938 года Берия появился в НКВД в качестве его фактического руководителя и начальника Главного управления государственной безопасности. Именно тогда были расстреляны Р.Эйхе, П.Постышев, Я.Рудзутак, А.Косарев и другие. В ходе следствия по делу Берии был выявлен очень важный материал, раскрывающий факты незаконных репрессий, фальсификации следственных дел, применения пыток и истязаний заключенных.

Как известно, судебный процесс над Берией и его сообщниками был закрытым. Но после того как приговор был приведен в исполнение, по указанию Президиума ЦК текст обвинительного заключения по этому

делу разослали в местные партийные организации. С ним знакомили партийных функционеров вплоть до райкома партии, руководителей кафедр общественных наук. Это был обширный документ, объемом 48 страниц типографского текста брошюры большого формата.

Таким образом в конце 1953 г. большая группа партийного актива была информирована о преступлениях, совершенных органами безопасности. После этого поток обращений к членам Президиума ЦК с просьбой пересмотреть дела жертв политических репрессий 30-40-х годов стал нарастать с каждым днем.

Вспоминает А.И.Микоян: «После смерти Сталина ко мне стали поступать просьбы членов семей репрессированных о пересмотре их дел. Я отправлял эти просьбы Руденко (Генеральный прокурор СССР). Очень много случаев было, когда после проверки они полностью реабилитировались. Меня удивляло: ни разу не было случая, чтобы из посланных мною дел была отклонена реабилитация».

Прокуратура и КГБ рассматривали дела репрессированных, принимали решения о реабилитации и направляли все документы в Комитет партийного контроля для решения вопроса о партийности реабилитированных. После этого окончательное решение по всему делу принималось Президиумом ЦК КПСС. Прокуратура и КГБ работали очень активно. И, безусловно, в этом они опирались на поддержку Хрущева.

К осени 1955 г. в Президиуме ЦК накопился значительный материал о политических репрессиях и ответственности Сталина за совершенные преступления в отношении коммунистов и партийных руководителей во второй половине 30-х годов.

Микоян вспоминает: «Я думал, какую ответственность мы несем, что мы должны делать, чтобы в дальнейшем не допустить подобного. Я пошел к Н.С. и один на один стал ему рассказывать. Вот такова картина. Предстоит первый съезд без участия Сталина после его смерти. Как мы должны себя повести на этом съезде касательно репрессированных сталинского периода?»

Кроме Берии и его маленькой группы работников МВД мы никаких политических репрессий не применяли уже почти 3 года, но ведь надо когда-нибудь, если не всей партии, то хотя бы делегатам первого после смерти Сталина съезда, доложить о том, что было. Если мы этого не

сделаем на этом съезде, а когда-нибудь и кто-нибудь это сделает, не дожидаясь другого съезда – все будут иметь законное основание считать нас полностью ответственными за прошедшие преступления. Мы несем какую-то ответственность, конечно. Но мы можем объяснить обстановку, в которой мы работали. Если мы это сделаем по собственной инициативе, расскажем честно правду делегатам съезда, то нам простят, простят ту ответственность, которую мы несем в той или иной степени. По крайней мере скажут, что мы поступили честно, по собственной инициативе все рассказали и не были инициаторами этих черных дел. Мы свою честь отстоим, а если этого не сделаем, мы будем обесчещены.

Н.С. слушал внимательно. Я сказал, что предлагаю внести в Президиум предложение создать авторитетную комиссию, которая расследовала бы все документы МВД, Комитета госбезопасности и другие. Добросовестно разобралась бы во всех делах о репрессиях и подготовила бы доклад для съезда.

Н.С. согласился с этим».

Хрущев выдвигает другую версию. Он полностью отвергает чью-либо инициативу в постановке вопроса о создании перед XX съездом комиссии по расследованию положения дел при Сталине. Что же касается позиции Микояна, Хрущев пишет: «Насколько я припоминаю, Микоян не поддержал меня активно, но он и не делал ничего, чтобы сорвать мое предложение».

Какими бы мотивами ни руководствовались члены Президиума ЦК, нельзя забывать о формировании в руководящих кругах партии, среди номенклатуры, определенных настроений осуждения произвола Сталина. Нарастание репрессий в конце 40-х – начале 50-х годов и реальная возможность повторения «Большого террора» создавали атмосферу отсутствия безопасности для всех социальных групп в обществе, в том числе и для представителей партийно-государственной номенклатуры.

В последние годы жизни Сталин перенес центр тяжести в системе руководства партии и страны на органы государственной безопасности. С работниками следственного отдела по особо важным делам МГБ виделся чаще, чем с членами Президиума ЦК. Фактически взял на себя руководство этим отделом МГБ. Сам определял лиц, подлежащих аресту, готовил вопросы для следствия, определял меры физического воздейст-

вия на арестованных, выдвигал формулы обвинения и вместе со следователями МГБ редактировал и отработывал обвинительные заключения, приговоры для судебных органов в предстоящих процессах.

Учитывая опыт «Большого террора», Сталин вывел из-под влияния МГБ партийные кадры. Для них были созданы специальные органы, своя прокуратура во главе со Шкирятовым, следственная группа. Была даже создана специальная тюрьма для партийных работников. Хотя все эти замыслы до конца осуществить не удалось.

Высшие слои партии, члены ЦК, государственные чиновники, многочисленные местные партийные работники – все устали от ожидания возможного ареста, тюрьмы, смерти, преследований членов семей. Все они нуждались в твердых гарантиях своей личной безопасности. И считали, что со смертью Сталина наступил тот момент, когда этого можно добиться.

Но было бы ошибкой полагать, что лишь субъективные моменты определяли направленные на преодоление последствий сталинизма действия Хрущева и других членов Президиума ЦК.

В 1953 г. советское общество стояло накануне социального взрыва. Беспредельная мощь партии, безграничность ее власти, беззаветная преданность ей граждан страны – эти клише официальной пропаганды уже не могли скрыть глубочайших противоречий внутри общества. Многие миллионы людей долгие годы несли невероятные лишения и жертвы. Их терпению наступил предел. Основная масса населения уже утратила веру в обещанное партией «светлое будущее».

Нельзя сбрасывать со счетов и личные наблюдения советских людей, побывавших за границей в годы Великой Отечественной войны. Даже в условиях войны и разрухи они смогли оценить и сопоставить достижения западной цивилизации со своей жизнью. Жизненный уровень населения побежденной Германии был выше, чем в победившем СССР. А участие в войне западных союзников приоткрыло перед советскими людьми скрывавший реальный мир занавес, который после войны стал для них «железным».

Господствовавшая в СССР система держалась на авторитете Сталина, на страхе, который он вселял, безжалостно распоряжаясь судьбами миллионов. Смерть диктатора вызвала двойственное настроение в обще-

стве. С одной стороны, утрата обожаемого вождя вызвала растерянность, сожаление, печаль по усопшему. С другой – смерть Сталина ослабила страх перед государством.

Система стала давать сбои. Население выражало недовольство существовавшими порядками, и новое руководство, пришедшее после Сталина к власти, отдавало себе отчет в том, что прежними методами не сможет удержать страну и сохранить режим. Кризис сталинизма охватил и страны советского блока. К подавлению волнений немецких рабочих в Восточном Берлине в июне 1953 г. были привлечены советские войска. Еще большее значение имели выступления заключенных в лагерях ГУЛАГа. Летом 1953 г. восстания были в Воркуте и Норильске, в конце 1953 г. – в Унжлаге, Вятлаге и других «островах архипелага ГУЛАГ». Летом 1954 г. разразилось небывалое по силе и продолжительности восстание заключенных в казахском поселке Кенгире. Против восставших были брошены армейские части и танки.

Восстания происходили и в центре страны, в крупных промышленных городах от Поволжья до Воркуты, вокруг которых было немало лагерей. По данным МВД СССР, на 1 апреля 1954 г. в ГУЛАГе было 1 млн. 360 тыс. заключенных. Из них за «контрреволюционные преступления» отбывали наказание 448 тыс. человек, за тяжкие уголовные преступления – около 680 тыс. Среди заключенных почти 28% составляла молодежь до 25 лет. Восстания в лагерях породили опасность того, что миллионы заключенных обретут свободу. А это могло стать детонатором больших социальных потрясений.

Обстановка в стране угрожающе накалялась. СССР стоял перед необходимостью кардинальных мер, направленных на реформирование и в то же время сохранение сущности существовавшего в стране режима. Это и было, по моему мнению, одной из важнейших причин, побудивших руководителей партии выступить с критикой сталинизма.

По мере приближения дня открытия съезда, дискуссии в Президиуме ЦК КПСС становились все острее. В этой связи исследование истории доклада Хрущева о культе личности на XX съезде имеет большое значение не только для выяснения позиций отдельных членов Президиума ЦК, но и для более глубокого уяснения серьезности намерений руководителей партии извлечь уроки из прошлого, их действий после съезда.

Есть официальная версия истории доклада. Суть ее состоит в следующем. К осени 1955 года Президиуму ЦК стало ясно, что репрессии в отношении партийной олигархии носили массовый характер. В большинстве случаев обвинения, которые служили основанием для самых суровых приговоров, были фальсифицированы. Хрущев выдвигает предложение проинформировать делегатов съезда партии о преступлениях Сталина. Во время обсуждения подготовительных материалов к съезду, как утверждал Хрущев, против его предложения активно выступали Молотов, Маленков, Каганович. Дело представлялось таким образом, что так называемая «антипартийная группа» уже сложилась в 1955 году во время подготовки XX съезда. Остальные члены Президиума ЦК активно Хрущева не поддерживали, но и не возражали против проверки всех документов органов безопасности. Как и Хрущев, они считали необходимой информацию о проделанной работе на заседании съезда.

Ну а поскольку вопрос о выступлении против культа личности был окончательно решен только на завершающей стадии заседания съезда, доклад поставили на заключительное заседание. Хрущев при этом якобы предлагал выступить с докладом П.Н.Поспелову, однако члены Президиума ЦК единодушно настояли на том, что выступить должен он сам.

В этих положениях, как и во всей официальной историографии мало истины. Наверное, настало время сказать правду.

Хрущев стремился представить себя единственным членом Президиума ЦК, который добивался постановки доклада о культе личности на съезде. В его мемуарах сквозит мысль, что он призывал своих коллег покаяться перед съездом в том, что они знали о преступлениях и были причастны к ним. Весь Президиум ЦК Хрущев разделил по степени информированности на две категории: он сам, Булганин, Первухин и Сабуров были якобы не информированы о терроре 30-х годов, не имели отношения к нему и не несут никакой ответственности за те преступления, которые совершал Сталин. Другая группа – Молотов, Ворошилов – знали все. Микоян и Каганович также были полностью информированы, но им не были известны детали. Маленков не был инициатором массовых репрессий, но выступал послушным исполнителем.

Это очень сомнительная классификация, особенно в той части, которая относится лично к Хрущеву. Он находился в составе высшего руководства со второй половины 30-х годов и «наводил порядок» и в Москве, и на Украине. Вполне резонно замечание Микояна на эту часть воспоминаний Хрущева: «Чувствуется неприятная, фальшивая нотка – снять с себя всякую ответственность, которая ложилась на всех членов и кандидатов в члены Политбюро, работавших тогда при Сталине. Здесь, видимо, он хотел себя выделиться из этого круга, представить себя в роли постороннего неосведомленного наблюдателя, рассчитывая на неинформированность читателя».

31 декабря на заседании Президиума состоялась острая дискуссия о репрессиях 30-х годов. Был поднят и вопрос об обстоятельствах убийства Кирова. В ходе прений возникали предположения о том, что к убийству приложили руку чекисты. Вспоминали при этом о высказывании Орджоникидзе. Решено было посмотреть соответствующие документы, в том числе и следственные дела Г.Ягоды, Н.Ежова и Ф.Медведя – бывшего начальника Ленинградского областного управления НКВД.

Но главным вопросом на заседании стала судьба членов ЦК, избранного XVII съездом партии, и его делегатов. В связи с этим создали комиссию во главе с Пospelовым – секретарем ЦК. В состав ее вошли секретарь ЦК Аристов, Председатель ВЦСПС Шверник и зам. председателя Комитета партийного контроля ЦК КПСС Комаров. Комиссии поручили изучить все материалы репрессий членов ЦК ВКП(б), избранных XVII съездом партии, и других советских граждан в период 1935-1940 гг.

Членов Президиума ЦК особенно возмущали расправы и расстрелы представителей партийной олигархии. Микоян – как он сам пишет – первый поставил этот вопрос: «Как-то я попросил...примерно за полгода до XX съезда подобрать для меня и составить две справки: сколько было делегатов на XVII съезде («Съезде победителей») и сколько подверглось репрессиям. Я попросил XVII съезд потому, что тогда еще не было репрессий среди членов партии. Это было тогда, когда на съезде не было антипартийных группировок, разногласий, было единство партии. Поэтому важно было посмотреть, что стало с делегатами этого съезда. И вторую справку – это список членов и кандидатов в члены ЦК партии, избранных на этом съезде, а потом репрессированных». К этому

надо добавить, что дела многих членов ЦК, избранных XVII съездом, уже были пересмотрены в ходе следствия по делу Берии.

По мере приближения открытия съезда в Президиум ЦК поступало все больше фактов о сталинских преступлениях. Систематически информировала о своей работе комиссия Пospelова. Все чаще на заседаниях Президиума ЦК возникал вопрос, как информировать партию о фактах сталинских преступлений. Однако до 1 февраля 1956 г. речь шла только об информации по поводу массовых репрессий в отношении партийных и советских деятелей во второй половине 30-х – начале 40-х гг.

1 февраля было решено доставить в ЦК бывшего следователя по особо важным делам МГБ СССР Б.В.Родоса, который за совершенные преступления находился в заключении. Ответы на вопросы, заданные ему, поразили членов Президиума. В частности, он заявил: «Мне сказали, что Косиор и Чубарь являются врагами народа, поэтому я, как следователь, должен был вытащить из них признание, что они враги... Я считал, что выполняю поручение партии».

На заседании Хрущев поставил перед своими коллегами вопрос: «Хватит ли у нас мужества сказать правду?» А.И.Микоян, П.Н.Пospelов и И.А.Серов приводили конкретные факты, указывающие на то, что Сталин сам руководил массовым террором. В частности, в города, области и республики «спускались» лимиты на аресты и эта «разнарядка» утверждалась лично Сталиным. Молотов тем не менее считал, что в докладе на съезде надо обязательно признать, что Сталин – великий продолжатель дела Ленина. Микоян против. Затем выступил Сабуров: «Если верны факты, разве это коммунизм? За это простить нельзя». Маленков признал, что вопрос о Сталине ставится правильно и об этом надо сказать партии. С ним согласились Первухин и Булганин. В поддержку Молотова безоговорочно выступил только Ворошилов, с оговорками – Каганович. «Сталин, – сказал Хрущев в заключение, – был предан делу социализма, но все делал варварскими способами. Он партию уничтожил. Не марксист он. Все святое стер, что есть в человеке. Все своим капризам подчинил». Впервые на Президиуме так определенно и остро говорили о Сталине как организаторе массовых репрессий.

К началу февраля комиссия Пospelова закончила свою работу и представила в Президиум обширный доклад почти в 70 страниц машинописного текста.

Доклад открывался разделом «Приказы НКВД СССР по проведению массовых репрессий». Комиссия процитировала наиболее важные документы, на основании которых во второй половине 30-х годов развернулись массовые репрессии. Изучение документов позволило комиссии сделать вывод, что антисоветские организации, блоки и различного рода «центры», якобы раскрытые НКВД, были сфабрикованы следователями. В докладе приводились конкретные примеры применения пыток и, в частности, к таким крупным фигурам, как Р.Эйхе, В.Блюхер, Я.Рудзутак и др. Грубейшие нарушения законности стали повседневной практикой и следственных и судебных органов, в частности, Военной коллегии Верховного Суда СССР.

Комиссия отмечала, что фальсификации дел, пытки и гнусные провокации, зверское уничтожение партийного актива было санкционировано Сталиным. «...т.т. Сталину и некоторым членам Политбюро систематически направлялись протоколы допроса арестованных, по показаниям которых проходили работавшие еще члены и кандидаты в члены ЦК КПСС, секретари нацкомпартий, крайкомов и обкомов. Проводя массу необоснованных арестов, Ежов на совещаниях открыто заявлял, что он действует по указаниям сверху».

Комиссия пришла к выводу о том, что основные кадры троцкистов и правых были репрессированы в 1935, 1936 и первой половине 1937 года. После этого террор обрушился на партийно-советские кадры, которые сами вели борьбу против троцкистов, зиновьевцев, правых.

В заключение комиссия делала вывод: «Таким образом, самые позорные нарушения социалистической законности, самые зверские пытки, приводившие, как это было показано выше, к массовым оговорам невинных людей, дважды были санкционированы И.В.Сталиным от имени ЦК ВКП(б).

В полувековой истории нашей партии были страницы тяжелых испытаний, но не было более тяжелой и горькой страницы, чем массовые репрессии в 1937-1938 годах, которые нельзя ничем оправдать».

9 февраля Президиум ЦК заслушал сообщение комиссии Поспелова. Микоян так рассказывает об этом: «Докладчиком от комиссии был Поспелов (он был и сейчас остается просталински настроенным). Факты были настолько ужасающими, что когда он говорил, особенно в местах очень тяжелых, у него на глазах появлялись слезы и дрожь в голосе. Мы все были поражены, хотя многое мы знали, но всего того, что доложила комиссия, мы конечно не знали. А теперь это все было проверено и подтверждено документами».

После доклада Хрущев изложил свою позицию: «Несостоятельность Сталина раскрывается как вождя. Что за вождь, если всех уничтожил. Надо проявить мужество сказать правду. Мнение: съезду сказать, продумать, как сказать. Кому сказать. И если не сказать, тогда проявим нечестность по отношению к съезду».

Может быть, Поспелову составить доклад и рассказать – причины культа личности, концентрация власти в одних руках, в нечестных руках».

На заседании Хрущев поставил один из важных вопросов – где сказать, и твердо ответил: на закрытом заседании съезда. Он предложил также напечатать и раздать делегатам съезда ленинское «завещание» и письмо по национальному вопросу.

Молотов вновь попытался убедить членов Президиума в том, что в докладе должна быть формулировка «Сталин – продолжатель дела Ленина», и аргументировал это тем, что тридцать лет партия жила и работала под руководством Сталина, осуществила индустриализацию страны, одержала победу в войне и вышла из нее великой державой. Ему возражал Каганович: «Историю обманывать нельзя. Факты не выкинешь. Правильное предложение товарища Хрущева доклад заслушать. ...Мы несем ответственность, но обстановка была такой, что мы не могли возражать». И далее Каганович рассказал о трагической судьбе своего брата Михаила. Вместе с тем в выступлении Кагановича прозвучала осторожная нота: он предложил информировать делегатов так, «чтобы нам не развязать стихию».

Маленков: «Никакой борьбой с врагами не объясним, что перебили кадры. «Вождь» действительно был «дорогой». Аверкий Аристов:

«Сказать: мы этого не знали – недостойно членов Политбюро...» Дмитрий Шепилов: «Надо сказать партии, иначе нам не простят...»

Несомненно, что вначале, до января 1956 года, среди членов Президиума ЦК было намерение сказать о Сталине в отчетном докладе. Об этом свидетельствуют и записи обсуждений на заседаниях Президиума ЦК КПСС.

Теперь же, в ходе дискуссии определенно выявились две противостоящие позиции. В конце концов Молотов, Ворошилов, Каганович выступили против постановки на съезде отдельного доклада о культе личности. Им противостояли остальные члены и кандидаты в члены Президиума ЦК, которые поддерживали позицию Хрущева. Сам Хрущев постарался сгладить остроту дискуссии и даже сказал, что «не видит расхождений», все, мол, считают, что «съезду надо сказать правду...» И добавил: «Не смаковать». Формально все выводы комиссии Поспелова были одобрены Президиумом ЦК. Однако не все они были приняты докладчиком съезда.

Выводы комиссии о том, что все «центры» и «блоки» были созданы следователями НКВД, прямо и недвусмысленно ставили вопрос о пересмотре приговоров, сфальсифицированных открытых процессов второй половины тридцатых годов над лидерами бывшей оппозиции. Однако этот вывод комиссии был проигнорирован, и более того – в особую заслугу Сталина в отчетном докладе и в докладе о культе личности была поставлена борьба с оппозицией, ее разгром. В отчетном докладе троцкисты и бухаринцы были вновь поименованы «врагами народа», поборниками реставрации капитализма. Следует заметить, что при обсуждении итогов работы комиссии Поспелова Молотов, Каганович, Ворошилов, Булганин настаивали особо подчеркнуть выдающееся значение Сталина в борьбе против троцкистов и правых. В своих воспоминаниях Хрущев ушел от этой проблемы и объяснил свою позицию тем, что Президиум ЦК не захотел поднимать вопрос об открытых процессах ни в докладе о культе личности, ни после XX съезда якобы потому, что не хотели дискредитировать руководителей коммунистических партий, которые присутствовали на этих процессах.

К подготовке сценария съезда Хрущев привлек старых большевиков, реабилитированных к тому времени и возвратившихся из лагерей

в Москву. Среди них – Шатуновская, А.Снегов и др. Предполагалось пригласить еще несколько человек в качестве гостей съезда, а некоторым из них предоставить трибуну как свидетелям сталинских преступлений. Хрущев подобрал наиболее ярких ораторов, надеясь, что их выступления помогут переломить настроение делегатов. Текст выступления А.В.Снегова был передан Хрущеву в январе 1956 года.

Однако позиция членов Президиума ЦК стала меняться. И они, и сам Хрущев склонялись к тому, чтобы обсудить вопрос о культе личности с минимальной оглаской, по возможности в кругу делегатов съезда. Об изменении настроения в Президиуме ЦК свидетельствуют следующие факты. В письме к Хрущеву Снеговым были приложены списки «реабилитированных старых большевиков для приглашения на съезд». 3 февраля состоялось решение Президиума ЦК, поручившего секретариату ЦК рассмотреть вопрос о выдаче билетов «группе коммунистов, которые в прошлом неправильно исключены из партии и ныне восстановлены в рядах КПСС». Весьма знаменательное изменение формулировки постановления ЦК по сравнению с письмом Снегова. Еще через 6 дней, 9 февраля 1956 года, Президиум принял решение о приглашении на съезд «группы старых коммунистов». Из числа тех, кого предлагал Снегов, в подготовленные аппаратом ЦК списки попали лишь четверо, включая самого Снегова, и то по разовым пропускам, то есть на одно-два заседания.

Беседа со Снеговым была в январе 1956 года. 1 февраля Снегов прислал текст своего выступления с обращением к Хрущеву:

«Уважаемый Никита Сергеевич!

Как Вы считали нужным, я даю проект своего выступления на Ваше усмотрение. Само собой разумеется, что заранее принимаю все Ваши изменения и поправки. Если Вы сочтете необходимым коренную перделку, просил бы эти указания дать мне лично».

На этом документе, спустя две недели, появилась резолюция зав. Общим отделом ЦК В.Малина о рассылке текста письма Снегова членам Президиума и секретарям ЦК. (Такой сценарий работы съезда Хрущев использовал при проведении XXII съезда КПСС, когда с разоблачительными речами выступили Шелепин и другие, а их подкрепила делегат съезда Лазуркина, которая провела долгие годы в тюрьме и лагере и как свидетель сталинских преступлений выступила на съезде).

13 февраля, за день до открытия съезда, накануне заседания пленума Центрального Комитета партии Президиум ЦК принял решение сказать на пленуме о том, что на съезде будет сделан доклад о культе личности. Развернулась дискуссия о том, кто должен выступить с докладом. Выступили все присутствующие члены и кандидаты в члены Президиума ЦК. Большинством голосов было предложено сделать доклад Хрущеву.

Как пишет А.И.Микоян, он «предложил сделать доклад не Хрущеву, а Поспелову от комиссии. Это было бы объективно. Раз мы утвердили, то всем ясно, что доклад от нас делается, а не от ЦК. Он мне ответил: это неправильно. Потому что подумают, что секретарь ЦК уходит от ответственности; вместо того чтобы самому доложить о таком важном вопросе, докладчиком выступит другой. Он добавил, чтобы его кандидатура была принята как основного докладчика».

На заседании Президиума ЦК 13 февраля 1956 г. было принято решение: «Внести на пленум предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности.

Утвердить докладчиком товарища Хрущева».

Из документов видно, что вопрос о докладчике был решен в последнюю минуту. В архиве сохранился документ, подготовленный аппаратом, на котором расписано все, что требовалось сказать председателю, в данном случае Хрущеву, на заседании пленума ЦК. И в частности, под третьим вопросом этой «шпаргалки» для Хрущева был такой текст: «Председательствующий вносит предложение заслушать на закрытом заседании съезда доклад специальной комиссии ЦК КПСС». Слова «специальной комиссии ЦК КПСС» были зачеркнуты и от руки сверху написано «о культе личности». Следовательно, предложение Хрущева выглядит так: «заслушать на закрытом заседании съезда доклад о культе личности».

Таким образом, вопрос о докладе и докладчике был решен за день до открытия съезда. Решение об этом принял пленум ЦК, избранный еще на XIX съезде. Было определено также, что доклад будет заслушан на закрытом заседании. В основу его был положен доклад комиссии Поспелова.

Вопрос о том, когда делегатам съезда представить доклад о культе личности, обсуждался на заседаниях Президиума задолго до съезда. Членов Президиума ЦК беспокоило, каково будет голосование делегатов съезда, после того как они услышат правду о Сталине. Они беспокоились, что им придется держать ответ перед съездом. Наиболее горячо выступал Ворошилов, который предупреждал членов Президиума, что после того как съезд услышит доклад о культе личности, вряд ли он проголосует за членов Президиума ЦК при выборах в руководящие органы партии. Тогда было решено: поставить доклад после выборов, прений по докладу не открывать.

Поручение подготовить текст доклада Поспелов получил еще 9 февраля, когда рассматривались итоги работы комиссии. Этот материал впоследствии целиком вошел в текст доклада Хрущева, составив его большую часть. 13 февраля пленум ЦК принял решение подключить к работе над докладом и других секретарей ЦК.

18 февраля 1956 года Хрущеву был представлен первый вариант доклада, который завизировали Поспелов и Аристов. По словам Шепилова, 15 февраля Хрущев попросил его лично оказать помощь в подготовке доклада о культе личности. Два с половиной дня он работал над текстом, при этом кроме «текста Поспелова» никаких особых материалов у него не было.

В первой половине февраля к первоначальному кругу вопросов, поднятых комиссией Поспелова, были добавлены новые. По мнению ряда исследователей, все они были внесены самим Хрущевым, однако имеющиеся в архиве документы позволяют установить, какие вопросы дополняли структуру доклада и кто конкретно предлагал расширить круг этих вопросов.

Так, 9 февраля на заседании Президиума ЦК Микоян поставил вопрос о провалах в сельском хозяйстве, Сабуров – о роли Сталина в войне и международных отношениях после войны. Шепилов предлагал сказать о репрессиях против отдельных народов в годы войны. Мы упоминаем лишь о тех предложениях, которые были приняты докладчиком.

Вопросы, выходящие за рамки доклада комиссии Поспелова, поднимались и в записке Снегова. Кстати, большая цитата о Берии из его письма была приведена в докладе Хрущева.

19 февраля Хрущев продиктовал доклад, который стал основой для того варианта, который был зачитан на съезде. Как можно предположить, на столе у Хрущева во время его диктовки был вариант доклада, подготовленный Пospelовым и Аристовым, вариант, подготовленный Шепиловым, а также текст письма Снегова. Несомненно, и сам Хрущев внес свой вклад в разработку структуры доклада, точно так же, как он лично снял некоторые вопросы, имевшиеся в докладе комиссии Пospelова. И среди них утверждение о том, что не существовало никаких оппозиционных центров, блоков и т.п., что все это фальсификация органов безопасности. В докладе комиссии Пospelова прямо и определенно говорилось о массовых репрессиях в отношении простых советских граждан. Однако в докладе Хрущева к жертвам культа личности были отнесены только коммунисты, придерживавшиеся сталинской ориентации, но не оппозиционеры и не простые граждане. Что касается оппозиционеров, Хрущев осудил не репрессии против них, а лишь масштаб и широкое применение высшей меры наказания. Собственно, главный вывод комиссии Пospelова, повторенный в докладе Хрущева, заключался в осуждении «вражеской политики истребления партийных и советских кадров».

В целом в диктовке было немало формулировок, обостряющих текст проекта доклада, подготовленного Пospelовым и Аристовым, но вместе с тем там еще оставалась мысль об оправданности репрессий в борьбе с оппозицией, только не в тех масштабах, которые применял Сталин: «...если бы и нужно было применять суровые меры, которые были применены, то они должны были быть применены к гораздо меньшему кругу лиц, к гораздо меньшему количеству, только по отношению тех лиц, которые были безнадежными, которые упорно не отказывались от своей вредной деятельности. Кроме того, необязательно их было уничтожать, можно было держать в тюрьмах, в ссылках».

В диктовке еще оставалось место Сталину на политическом Олимпе партии, в сонме классиков. В тексте отчетного доклада до второй половины января 1956 года речь шла о «непобедимом знамени Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина», о «знамени преобразующего мир учения Маркса, Энгельса, Ленина, Сталина» и только в предпоследнем варианте эти формулировки были поправлены по предложению Микояна. При этом была принята формула «марксизм-ленинизм».

В диктовке, в ее заключительной части, после рассказа о злоупотреблениях властью, злодеяниях Сталина Хрущев дает формулу, смягчающую общую оценку Сталина, объясняя его деятельность стремлением защитить завоевания революции. Эта формула в тексте доклада, прочитанного на XX съезде, приобрела более законченное выражение: «Бесспорно, что в прошлом Сталин имел большие заслуги перед партией, рабочим классом и перед международным рабочим движением.

Вопрос осложняется тем, что все то, о чем говорилось выше, было совершено при Сталине, под его руководством, с его согласия. Причем он был убежден, что это необходимо для защиты интересов трудящихся от происков врагов и нападок империалистического лагеря. Все это рассматривалось им с позиций защиты интересов рабочего класса, интересов трудового народа, интересов победы социализма и коммунизма.

Нельзя сказать, что это действия самодура. Он считал, что так нужно делать в интересах партии, трудящихся, в интересах защиты завоеваний революции.

В этом истинная трагедия».

В ходе доклада, в котором рассказывалось о трагических событиях, о невероятных преступлениях и злодеяниях, как-то потерялся этот вывод, казалось бы, противоречащий всему тому, что было сказано. Но он был, он остался, этот вывод, в тексте доклада. И он со всей красноречивостью говорил о настроениях членов Президиума ЦК КПСС в феврале 1956 года.

Окончательный вариант доклада разослали членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, которые сделали свои замечания и в целом одобрили его. К 23 февраля текст доклада был полностью готов.

Доклад открывался цитатами Маркса и Энгельса о культе личности, цитатами Ленина о том, каким должен быть вождь и каково должно быть коммунистическое руководство. Приводились документы, свидетельствующие об отношении Ленина к Сталину, осуждение его грубости. Подчеркивалось, что с врагами революции Ленин требовал жестокой расправы и сам пользовался всеми мерами со всей беспощадностью. При этом были приведены примеры борьбы с выступлением эсеров летом 1918 года и меры борьбы с крестьянскими восстаниями в 1918 году.

Далее в докладе рассказывалось о репрессиях партийных и советских кадров во второй половине 30-х годов, о фальсификации следственных дел, о пытках и истязаниях, которым подвергались заключенные во время следствия. В докладе прозвучали обвинения Сталина в грубых ошибках, допущенных им в канун войны. На Сталина Хрущев возложил ответственность и за крупные поражения в первые месяцы войны.

Большой раздел доклада был посвящен рассказу о том, как сам Сталин создавал культ своей личности, редактировал подготовленную к печати его биографию, вписывая туда целые страницы с непомерными восхвалениями Сталина.

Члены Президиума ЦК в целом одобрили текст доклада, сделав некоторые замечания и уточнения. Наиболее существенная правка коснулась лишь его заключительного раздела, где Хрущев давал оценку отношения Сталина к членам Президиума ЦК: «Каждый из членов Политбюро может многое рассказать о бесцеремонном обращении Сталина с членами Политбюро. Приведу вам такой, например, случай. Однажды, незадолго до смерти, Сталин вызвал к себе несколько членов Президиума ЦК. Мы явились к нему на дачу, начали обсуждать некоторые вопросы. Случилось так, что на столе против меня находилась большая кипа бумаг, которая закрывала меня от Сталина.

Сталин раздраженно закричал:

– Что вы там сели? Бойтесь, что я вас расстреляю? Не бойтесь, не расстреляю, пересаживайтесь ближе.

Вот вам отношение к членам Политбюро».

По предложению Сулова этот эпизод из доклада убрали.

24 февраля на заседании съезда происходили выборы руководящих органов партии. После их завершения на следующий день доклад был представлен съезду. Следовательно, версия о том, что доклад был готов только к последнему заседанию, также оказывается несостоятельной.

Доклад Хрущева был заслушан на закрытом заседании съезда утром 25 февраля 1956 года. Само закрытое заседание было необычно. Руководил им Президиум ЦК, а не президиум, избранный съездом. Создавалось впечатление некоторой неопределенности. Что это? Продолжение работы съезда или какое-то заседание после его окончания? Президиум

съезда мог потребовать (или решить) другого порядка работы после зачитания доклада Хрущева. Даже президиуму съезда не доверили, даже здесь подстраховались. А к тому же в случае необходимости могли это и не назвать съездом, а, к примеру, собранием делегатов съезда и вновь избранного ЦК.

В глубокой тишине выслушали участники заседания доклад Хрущева. В заключение он подчеркнул: «Этот вопрос мы не можем вынести за пределы партии, а тем более в печать. Именно поэтому мы докладываем его на закрытом заседании съезда. Надо знать меру, не питать врагов, не обнажать перед ними наших язв. Я думаю, что делегаты съезда правильно поймут и оценят все эти мероприятия». Эти слова были встречены аплодисментами делегатов.

Предполагалось, что с содержанием доклада будут ознакомлены только делегаты съезда. В тексте доклада, отредактированном и разосланном членам Президиума ЦК 1 марта 1956 года, приведенные выше фразы также присутствуют. Однако в первой фразе слово «съезда» зачеркнуто карандашом и сверху написано «партии». Такая формулировка была принята в окончательном тексте доклада.

После окончания доклада председательствующий на заседании Булганин предложил прений по докладу не открывать и внес проект постановления «О культуре личности и его последствиях», которое было принято единогласно, а затем опубликовано в печати. Съезд принял также постановление о рассылке текста доклада партийным организациям без опубликования его в открытой печати.

1 марта 1956 года текст доклада, предназначенный для направления партийным организациям, был разослан с запиской Хрущева членам и кандидатам в члены Президиума ЦК КПСС, секретарям ЦК КПСС. В этом тексте сделали небольшую стилистическую, редакторскую правку, дали ссылки на произведения К.Маркса, Ф.Энгельса, В.Ленина и другие цитируемые источники, уточнили даты принятия отдельных документов, включили отступления докладчика от заранее подготовленного текста, отметили и реакцию делегатов на те или иные места доклада.

Весьма интересны те отступления, которые были сделаны Хрущевым во время чтения доклада и которые были приняты Президиумом ЦК КПСС.

Говоря о роли Сталина в войне, Хрущев сделал вывод: «После съезда партии нам, видимо, необходимо будет пересмотреть оценку многих военных операций и дать им правильное объяснение. При этом мы увидим, сколько миллионов жизней стоило нам это руководство». Приняв первую фразу в этом отступлении от доклада, ЦК посчитал необходимым последнюю фразу снять, что и было сделано. Все большие отступления, которые имеются в тексте о Жукове, дважды о Ворошилове, сделаны в ходе доклада. Именно там Хрущев говорит, что Сталин считал Ворошилова английским агентом и что у него дома был поставлен специальный аппарат для подслушивания.

Доклад превратился в грозный обличительный документ целой эпохи. Ошеломляющее влияние его заставило внести коррективы в планы сохранения доклада в тайне от партии, ограничившись информацией делегатов съезда. Сразу же после съезда приняли решение познакомить с докладом всю партию, затем актив комсомольских организаций, работников советского аппарата. С докладом ознакомили и руководителей делегаций партий, где коммунисты были у власти, а также присутствовавшие на съезде делегации компартий Италии и Франции.

Жуков Ю.Н.

Крутой поворот ... назад

До сих пор мы видели в XX съезде прежде всего, если не исключительно, лишь закрытый доклад Хрущева. Были твердо уверены сами, а потому убеждали всех в том, что разоблачение преступлений периода культа личности есть суть XX съезда. Что именно закрытый доклад изменил жизнь партии и страны. И потому только с ним связывали все положительное, прогрессивное последующих лет.

Однако сегодня мы обязаны задуматься, почему такой доклад сделали именно на XX съезде. Почему вообще подготовили и прочитали его? Должны понять, чем на самом деле являлся XX съезд. Почему он стал переломным, поворотным? И если был таковым, то в чем именно?

Отчетный доклад Хрущева, как вы помните, открывался анализом сложившейся в мире ситуации. Анализом, который логично подводил к однозначному и безусловному выводу о необходимости политики мирного сосуществования, неизбежности такого внешнеполитического

курса, который и в самом докладе, и во многих выступлениях сразу же был объявлен принципиально новым, исходящим якобы из забытого ленинского положения и подтвержденным практикой Кремля за предыдущий, 1955 год. Тем самым на XX съезде, грубо говоря, была совершена подмена. Использован лозунг, выражавший давние чаяния советских людей, для его же, по сути дела, обмана.

Доктрина мирного сосуществования начала утверждаться в советской внешней политике задолго до XX съезда. А осознать всю бессмысленность «холодной войны» вынудила корейская война. Всего через 7 месяцев после ее начала обе стороны поняли: победу даже в таком локальном конфликте может принести лишь применение ядерного оружия. И не сговариваясь, Вашингтон и Москва отказались от столь высокой платы за весьма призрачный успех, стали делать первые, поначалу неуверенные шаги на пути к примирению. Я имею в виду отстранение от должности в 1951 году генерала Макартура, который предлагал атомные бомбардировки Китая, а также выступление постоянного представителя СССР при ООН Малика, призвавшего к мирным переговорам. Наконец, начавшиеся тогда переговоры в Панмыньчжоне об обмене ранеными военнопленными.

Разрыв со старой политикой давался нелегко, сдерживался взаимной подозрительностью, но все же руководство Кремля неуклонно придерживалось уже избранного курса. В апреле 1952 г. оно попыталось с помощью созванного в Москве международного экономического совещания вывести страну из изоляции, в которой она оказалась с началом «холодной войны», установить хотя бы торговые отношения со всеми странами мира.

В декабре того же года, используя как трибуну Венский конгресс народов в защиту мира, мы призвали провести встречу лидеров пяти великих держав, включая Китай. Свою позицию определили так: нет таких разногласий между государствами, которые не могли бы быть разрешены путем переговоров. По сути дела это и стало первым провозглашением принципа мирного сосуществования.

Эту формулировку уже после смерти Сталина активно использовали в своих официальных докладах и выступлениях Маленков, Молотов, Булганин на параде Первого Мая 1953 года, Ворошилов во время

приема верительной грамоты у посла Соединенных Штатов. И с помощью такой формулировки Кремль сумел добиться многого, прежде всего, заключения уже летом 1953 г. перемирия в Корее, восстановления нормальных отношений с Югославией, а затем возобновления переговоров министров иностранных дел четырех держав, тех самых переговоров, которые привели к встрече лидеров четырех держав в Женеве летом 1955 года и способствовали ликвидации еще одного серьезного военного конфликта – в Индокитае.

Но обо всем этом ни в докладе Хрущева, ни в выступлениях делегатов XX съезда не было сказано ни слова. И не только потому, что Маленкова за год перед этим, 31 января 1955 года, сняли, обвинив среди прочего именно в проведении политики мирного сосуществования и уступках империализму. Умолчание потребовалось по иной причине: для сокрытия реально произошедшего уже поворота нашей внешней политики, фактического возобновления противостояния двух блоков.

Летом 1955-го советскому руководству пришлось отказаться от практики разрядки. Созданные Вашингтоном военные блоки СЕНТО и СЕАТО фактически уже охватили лагерь социализма со всех сторон. И СССР, и его союзники расценили это как прямую угрозу и потому вынуждены были принять соответствующие меры. В мае 1955 г. был образован наш военный блок – Варшавский пакт. Отброшена прежняя, сложившаяся в 1943-44 годах доктрина национальной безопасности. Если прежде мы считали, что для поддержания безопасности страны необходимо иметь вдоль сухопутных границ дружественные или союзные государства, то теперь этого показалось недостаточным. Необходимо было, как считали и в МИДе, и в ЦК, перейти к глобальной стратегии, к расширению числа наших союзников за счет нейтральных государств. Об этом прямо, правда, единственный раз, заявил Суслов, выступая на июльском 1955 года пленуме, где четко сформулировал новую доктрину национальной безопасности.

В декабре 1955-го СССР начал поставлять оружие Египту, а в марте следующего, т.е. спустя несколько дней после закрытия XX съезда, и Сирии. Необходимость восстановления отношений с Югославией, среди прочего, в Политбюро аргументировалась тем, что Югославия обладает второй по численности после нас армией в Европе (42 дивизии), и

кроме того, – это считалось более важным – контролирует Адриатическое море и имеет свободный выход в Средиземное. Об этом говорил Булганин и многие другие на заседаниях Политбюро.

Отсюда и те настораживающие оговорки, которыми сопровождались рассуждения о мирном сосуществовании в докладе Хрущева, в выступлениях Сулова, Микояна, Молотова, Жукова. Мы не должны преуменьшать опасность войны, предаваться иллюзиям – повторял практически каждый из них. Отсюда и призыв крепить дружбу и сотрудничество с Индией, Бирмой, Индонезией, Афганистаном, Египтом и Сирией. С теми странами, правящие режимы которых буквально за два года до этого официально объявлялись реакционными, антикоммунистическими, хотя с той поры не поменялся ни Насер, ни Неру, никто другой. Отсюда, наконец, и подготовка под руководством министра обороны Жукова и начальника Генерального штаба Соколовского первого за всю историю нашей страны оперативного плана, предусматривавшего нанесение Советской Армией первого, превентивного удара по потенциальному противнику – Соединенным Штатам. Это началось в канун XX съезда и продолжалось в ходе его.

Столь же серьезной и далеко идущей по своим последствиям оказалась и вторая проблема, поднятая в Отчетном докладе Хрущева. И он сам, и Булганин, останавливаясь на проблемах народного хозяйства, вели речь о дальнейшем подъеме экономики, об ускорении технического прогресса, разумеется, не могли не сказать и о подъеме материального благосостояния и культурного уровня населения. О том, что правительство твердо обещало сделать еще в 53-м году. Вынуждены были обещать и открыто признали острейшую нехватку самых необходимых товаров широкого потребления, страшный жилищный кризис. Однако Хрущев и Булганин предложили съезду одобрить такие директивы по 6-му пятилетнему плану, которые предусматривали опережающее развитие не легкой и пищевой промышленности, а тяжелой. Ни на йоту в этом вопросе не отошли от сталинской трактовки принципа развития советской экономики.

Фактически свели проблему ликвидации дефицита к судьбам сельского хозяйства. Сельское хозяйство – к зерновому вопросу, а тот – к подъему целинных и залежных земель, считая, что это разрешит все про-

блемы. Собственно, в таком подходе ничего нового не было. Стремление восстановить приоритет промышленности группы «А», свернуть конверсию, рассматривать подъем целины как панацею обозначилось гораздо раньше, еще в апреле 1954 года на сессии Верховного Совета СССР. Она стала фактически референдумом по вопросу: какой избрать экономический курс – предложенный Маленковым, предусматривавший опережающее развитие группы «Б» и максимальное выделение сил и средств страны на подъем жизненного уровня населения, или план Хрущева, в котором предпочтение отдавалось преимущественному развитию группы «А». В конце концов было поддержано предложение Хрущева. А это означало неизбежное увеличение расходов на оборону.

Правда, тогда, в 1954 году, о новом витке гонки вооружений вслух говорить не решались. Обсуждение вели в своеобразных академических рамках. Но переориентацию экономики с мирных на военные цели провели уже летом того же года, как обычно, скрытно, с помощью негласной корректировки квартальных и годовых планов. И за весьма короткий срок сумели добиться очень многого.

Выступая на XX съезде, министр обороны Жуков с удовлетворением признал возросшие возможности советской экономики, прежде всего достижения тяжелой промышленности, позволившие перевооружить армию и флот первоклассной техникой. Однако, как это свойственно всем генералам, не удовлетворился уже полученным, выдвинул новую программу и обосновал ее так: будущая война будет характеризоваться массовым применением военно-воздушных сил, разнообразного ракетного оружия и различных средств массового поражения, таких, как атомное, термоядерное, химическое и бактериологическое.

Почему же о столь деликатной проблеме на XX съезде заговорили открыто? Да потому, что уже признали возможность третьей мировой войны, тем самым обосновали необходимость готовиться к отражению потенциального агрессора, сделать все, лишь бы не допустить повторения трагедии 1941 года. Только потому не возразили Жукову, только потому не попытались хотя бы ограничить непомерные запросы армии. А о самих затратах на ракетостроение, на создание других новейших видов вооружения ни Хрущев, ни Булганин в директивах по 6-му пятилетнему

плану, естественно, не обмолвились. Умело скрыли их за разделами, относящимися к промышленности группы «А».

Зато уже осенью, во время Суэцкого кризиса наш военный потенциал оказался таким огромным, что мы смогли предъявить Лондону и Парижу фактически ультиматум, упрочить, благодаря этому, позицию Советского Союза на Ближнем Востоке и в других странах «третьего мира».

Вопросы внешней политики, экономического развития были бесспорно первостепенными для страны. Но все же более значимой проблемой, определившей жизнь Советского Союза в последующие 35 лет, следует признать, по моему мнению, иную. Ту, что стала содержанием третьего раздела Отчетного доклада Хрущева и была развита в выступлениях многих делегатов, но особенно Суслова и Шепилова.

На XX съезде Хрущев произнес фразу, ставшую сакраментальным лозунгом: «Всемерно повышать и впредь роль партии как руководящей и направляющей силы советского народа во всей государственной, общественной и культурной жизни». Эта формулировка подвела итог длительного, зачастую переходившего в ожесточенную борьбу поиска места и определение роли ВКП(б) и КПСС в новых исторических условиях, сложившихся после первых двух пятилеток.

Проблема эта обозначилась еще на XVIII съезде, когда и началось реформирование структуры аппарата ЦК. Тогда были ликвидированы все отраслевые отделы, кроме сельскохозяйственного, а сам аппарат фактически отстранен от руководства экономикой.

Продолжило перестройку экономики постановление Политбюро от 4 мая 1941 года. Уже само название документа «Об усилении работы советских центральных органов» и назначение Сталина на пост председателя СНК свидетельствует о появлении новой генеральной линии. Однако всего того, что скрывалось за туманными словами постановления «еще больше поднять авторитет советских органов», разработать и осуществить тогда не успели.

К попытке реформировать партию вернулись уже во время войны. 6 августа 1943 года упразднили должности отраслевых секретарей обкомов, крайкомов и ЦК компартий союзных республик, а 24 января 1944-го Молотов, Маленков и Хрущев направили Сталину проект поста-

новления «Об улучшении государственных органов на местах». В нем констатировалось: «Наши местные партийные органы в значительной степени взяли на себя оперативную работу по управлению хозяйственными учреждениями, что неизменно ведет к смешению функций партийных и государственных органов, к подмене и обезличиванию государственных органов, подрыву их ответственности, к усилению бюрократизма». А в качестве оргмер предлагали: «Полностью сосредоточить оперативное управление хозяйственным и культурным строительством в одном месте – в государственных органах»; освободить партийные органы от «несвойственных им административно-хозяйственных функций»; упразднить в обкомах, крайкомах, ЦК компартий союзных республик «должности заместителей секретарей по отдельным отраслям, а также соответствующие отделы».

Сталин проект одобрил. Однако на заседании Политбюро предложение большинством голосов было отвергнуто. Продолжили реформирование партии после Победы, но, как и до войны, добились минимума. В марте 1946 г. в аппарате ЦК ликвидировали последний отраслевой отдел – сельскохозяйственный. Но реорганизовать по тому же принципу местные парторганы не удалось. И потому-то порочный параллелизм советских и партийных структур усилился. Осложнялась ситуация и возникшим несоответствием конструкции самого партаппарата – его центрального и местных органов.

Все это говорило о неустойчивом равновесии сил сторонников и противников перестройки. Но сохранялось такое положение недолго. Уже в 1948 году удалось фактически ревизовать решения XVIII съезда и воссоздать все отраслевые отделы.

После смерти Сталина, когда правительство возглавил Маленков, откровенный сторонник ограничения полномочий партаппарата, для последнего вновь возникла угроза потери абсолютной бесконтрольной власти. А летом 1953 г. угроза стала реальностью, принявшей своеобразную форму. Постановлениями Совмина от 26 мая и 13 июня верхушку партфункционеров лишили основной привилегии – «конвертов». По реальной зарплате их поставили на порядок-два ниже тех, кто прежде соответствовал им в иерархии должностей: министров, председателей исполкомов всех уровней.

Реакция на этот раз последовала незамедлительно. В августе Хрущеву пришлось не только восстановить «конверты», увеличив их размер, но и выплатить недополученное за три месяца. Спустя три недели, 7 сентября, на очередном пленуме, буквально в последние минуты его работы, Хрущева избрали первым секретарем без мотивации воссоздания этого поста, без альтернативных кандидатов, без объяснения, почему именно Хрущев должен встать во главе партии.

Решающим для возвращения партаппарата к власти явилось отстранение Маленкова. Официально закрепилось положение партаппарата как практически единственной властной структуры на XX съезде, провозгласившем партию руководящей и направляющей силой, осудившем «нелепое противопоставление партийно-политической и хозяйственной деятельности». Внешне неприметным постановлением об изменении в Уставе КПСС, увеличившим число секретарей с трех до одиннадцати.

Вот в этом-то возвращении партаппарата к власти и кроется, по моему глубочайшему убеждению, истинный смысл XX съезда. Ну а необходимость скрыть это, а также отход от политики разрядки и милитаризацию экономики вынудила отвлечь внимание от настоящих событий, сосредоточить его на прошлом с помощью закрытого доклада.

ГОРБАЧЕВ М.С. Я и профессор Жуков уже разошлись во мнениях. Я сказал: если что и сделал исторический XX съезд, то это закрытый доклад. А все остальное и, в частности, перетягивание каната между партийными и хозяйственными органами, повторялось буквально на каждом съезде. Не говоря уже об аппаратной возне до и после съездов.

Зубок В.М.

XX съезд и «мировая империя»

Хочу внести ясность в некоторые аспекты международного контекста XX съезда, поскольку эти моменты не всегда правильно понимаются, а то и просто игнорируются. Международный резонанс развенчания Сталина был огромным. Мне кажется, совершенно невозможным было бы развенчание Сталина на XX съезде, если бы Хрущев и его союзники, в частности, Микоян, к тому времени уже не перестали смотреть на Сталина как на деятеля международного масштаба, безукоризненно ведшего корабль советской внешней политики.

Новый, критический взгляд на сталинско-молотовскую внешнюю политику, который у Хрущева появился далеко не сразу, но безусловно появился к середине 1955 года, подвел его, так же как и осознание масштаба репрессий, к мысли о том, что Сталина можно развенчать, что можно огласить перед партией и перед всем коммунистическим миром сталинские ошибки и сталинские преступления.

Не будем забывать – «холодная война» вступала тогда в наиболее опасную ракетно-ядерную стадию. Необходимо все-таки разобраться, как же Хрущев пошел на риск, развенчивая вождя мирового коммунистического лагеря в такой напряженный международный момент.

Хочу поспорить с предыдущим докладчиком, Юрием Жуковым. Мне представляется, что никакой новой наступательной доктрины в 1954 году принято не было. Никаких особых поворотов в этом направлении не было и позже. Напротив, 1953 год был для нового советского руководства годом максимальной опасности и неопределенности, хотя бы в силу того, что корейская война окончилась перемирием только в июле, а ядерное превосходство Соединенных Штатов было бесспорным до взрыва первой термоядерной бомбы в августе 1953 года. Затем страхи перед возможностью войны постепенно затухали. Не скажу, что наступила успокоенность, но относительная уверенность в международном положении Советского Союза у Хрущева и у Микояна к XX съезду появилась. Это был очень важный элемент, который позволил сказать правду о Сталине.

Замечу, что в тот период торжествует, несмотря на очевидные идеологические споры в руководстве, более прагматичный подход к внешней политике. Он особенно характерен в обсуждении югославского вопроса в июле 1955 года. Хрущев выступает как прагматик, считает, что Югославию нельзя отдать западникам, нельзя отдать её НАТО. По сути дела ставится вопрос о нейтрализации Европы, о разведении оппозиционных блоков, очень опасных в условиях конфронтации и «холодной войны». Здесь переключка, если угодно, с 1986, 1988 годами.

Что касается международного влияния XX съезда, то следует поднять еще одну проблему, которая сейчас приобретает новый смысл. Какое воздействие оказал XX съезд на Советский Союз как мировую державу, если угодно, мировую империю? Представляется, что камень,

брошенный секретной речью Хрущева, дал такие круги, которые расхотелись долго и со временем сделали невозможным существование мировой империи. Началось это с известных событий в Венгрии, Польше, с кризиса западноевропейских коммунистических партий, но, конечно, наиболее значимым геополитическим итогом XX съезда был советско-китайский разрыв. Мао с самого начала – существует масса советских и китайских документов, подтверждающих это, – не скрывал своего возмущения тем, что Хрущев, не посоветовавшись с ним, уничтожил Сталина, а заодно и пьедестал, который китайский лидер примерял к себе. Мао заявлял открыто: Сталин принадлежит не только вам, он принадлежит мировому коммунистическому движению.

Корни советско-китайского, а точнее хрущевско-маоистского напряжения, а впоследствии и разрыва, восходят к XX съезду, хотя были и другие очевидные причины этого.

Наконец, оценка международного значения XX съезда. Мне кажется, вокруг нее еще долго будут идти споры.

Вспоминается, что где-то в 80-х годах на заседании Политбюро (думаю, это был 1984-й) был поднят вопрос о реабилитации Молотова, Маленкова и ряда других партийных деятелей. Ряд членов тогдашнего Политбюро злобно атаковали Хрущева и XX съезд. Не могу цитировать по памяти, но кем-то из наших тогдашних руководителей была сказана фраза о том, что такого международного ущерба, какой нанес нам Хрущев своей антисталинской критикой, не мог нанести и враг. С одной стороны, можно принять оценку Косолапова или кого-то еще о том, что-де, уничтожив сталинский культ, «вбили осиновый кол» в идею великой мировой державы. Но с другой стороны, нужно думать и о том, какой ценой создавалась эта держава и эта империя и чего она стоила советским людям.

Микоян С.А.

Реплика

У каждого сложного исторического явления есть как бы две истории. Одна – официальная, строящаяся на документах, стенограммах, воспоминаниях. Другая – история закулисная. Я хотел бы вставить очень короткую реплику о закулисной истории подготовки доклада.

Во-первых, о возникшем тогда вопросе – произносить ли доклад на XX съезде или отложить? Роль великих людей всем известна. Хочу назвать менее известных и менее великих – Александра Владимировича Снегова и Ольгу Григорьевну Шатуновскую. Оба они имели выход и на Хрущева, и на Анастаса Ивановича, потому что Снегов работал вместе с Хрущевым на Украине в 20-х годах, а Шатуновская – в МК партии. С отцом моим Ольга Григорьевна была знакома с Бакинской коммуны, еще с 18-го года, а Снегов – по совместной работе в 30-е годы.

Они встречались и с Микояном, и с Хрущевым перед съездом за несколько месяцев и за несколько недель. Оригинальная мысль о том, что «либо вы произнесете это сейчас на съезде, либо в следующий раз вы будете уже вроде как подследственные», принадлежала Снегову. Это я знаю абсолютно достоверно, потому что слышал подобные слова от него самого еще до съезда. И он, и Шатуновская встречались с Хрущевым и с Микояном и убедили их в этом.

Мнение о том, что Хрущев на Президиуме оказался по этому вопросу в одиночестве, ошибочно. У них с Микояном была договоренность. И то, что Микоян выступил первым с критикой в адрес Сталина, не случайно. Это был, так сказать, пробный шар: посмотреть, как будет реагировать публика, и вместе с тем воздействовать на Кагановича и Ворошилова. Это что касается идеи доклада.

Теперь – кому выступать? Были альтернативные варианты. И не только Пospelов. Когда Пospelова отвергли, Хрущев сказал: «Давайте дадим слово Снегову, пусть он расскажет. Он сам оттуда, из лагерей, он все эти годы, с 1937-го по 1954-й, там был, он может рассказать вам все». Каганович возмутился: «Этих репрессированных на трибуну съезда? Никогда». Возник, так сказать, вакуум. Кому выступать? Естественно, Хрущеву.

Был и еще один вопрос – когда выступать? Сопротивление Молотова, Кагановича и Ворошилова одолели тем, что сказали: «Сначала проведем выборы ЦК, а потом будет доклад». Это очень существенно для них, потому что при обратном варианте был риск оказаться неизбранными. Это лишь одно замечание из закулисной истории. Деталей было гораздо больше...

Медведев Р.А.

Доклад не был «закрытым»

Я хотел бы остановиться на некоторых вопросах с учетом того, что уже было здесь сказано. Думаю, что сам термин «закрытый» или «секретный» по отношению к докладу Н.Хрущева на XX съезде мы можем употреблять лишь с многими оговорками. Ибо в действительности доклад не был по-настоящему ни секретным, ни закрытым. В странах Запада доклад Хрущева был опубликован, а в СССР прочитан перед самыми многочисленными аудиториями.

Я хорошо помню эти дни. В небольшой сельской школе Ленинградской области, где я тогда работал директором, было получено предписание: всем учителям собраться на следующий день в 4 часа дня в «красном уголке» соседнего кирпичного завода. Пришли также многие рабочие завода, руководители животноводческого совхоза и рыболовецкого колхоза, работники железнодорожной станции. Лишь небольшая часть присутствовавших состояла в КПСС. Открывший собрание работник райкома партии сказал, что прочтет полный текст секретного доклада Хрущева на съезде партии, но не будет отвечать на вопросы или открывать прения. Никто из нас не должен делать никаких записей. После этого началось чтение небольшой брошюры в красном переплете. Все мы слушали доклад внимательно и безмолвно, почти с ужасом. Когда была прочитана последняя страница, в комнате еще несколько минут стояла тишина. Затем все начали молча расходиться. Подобные собрания прошли в марте и апреле в десятках или даже сотнях тысяч аудиторий.

Сокращенная версия или изложение доклада были опубликованы на Западе через несколько дней после XX съезда. Кажется, в июне 1956 года Госдепартамент США распространил полный текст доклада Хрущева в переводе на английский язык. У нас в стране доклад не публиковался, но «достать» его было можно. Я, например, получил полный текст доклада Хрущева от старого большевика Евгения Петровича Фролова, который в 1956 году был парторгом журнала «Коммунист». Ему поручили прочесть этот доклад в редакции. Получив текст, он заперся в своем кабинете и в течение ночи перепечатал весь доклад. Мы познакомились с Фроловым в начале 60-х годов, и он передал мне один экземпляр текста. Распространялся доклад и в форме брошюры Политиздата, хотя в дейст-

вительности Политиздат его не издавал. Видимо, это было какое-то «пиратское» западное издание. В 60-70-е годы у меня читали этот доклад многие из бывших лагерников. Они вернулись в Москву после реабилитации, но уже не могли прочесть тот доклад, который их освободил. В райкомах говорили, что там доклада уже нет, что все его экземпляры уничтожены.

В советской печати доклад Хрущева был опубликован, как известно, лишь в 1989 году в журнале «Известия ЦК КПСС». Для многих людей, прочитавших этот документ только в 1989 году, он может показаться недостаточно глубоким, неполным, даже поверхностным. Однако в контексте событий 50-х годов доклад стал переломным явлением в жизни не только КПСС и советского общества, но и всего международного коммунистического движения. Он заметно повлиял на историю СССР, Китая, стран Восточной Европы. Стал главным событием в жизни и деятельности самого Н.С.Хрущева. Многие молодые люди называли себя позднее «поколением XX съезда».

На всех, кто в марте 1956 года слушал в разных аудиториях доклад Хрущева, он произвел огромное впечатление. Нельзя сказать, что мы вообще ничего не знали о репрессиях 30-40-х годов или о поражениях Красной Армии в 1941-1942 гг. Мой отец был репрессирован в 1938 году. Я никогда не верил в его виновность. Были арестованы и многие из его друзей и хороших знакомых нашей семьи. Отец писал письма из лагерей Колымы. Он смог даже переслать нам большое заявление на имя В.Молотова, в котором говорилось о применении пыток на следствии, бесчеловечных условиях заключения. У многих моих друзей и знакомых родители также были арестованы. Но мы мало об этом говорили. Обсуждение репрессий сталинских лет, поражений в войне, жестокостей коллективизации и т.п. – все это могло кончиться репрессиями, это была запретная тема. Я был учителем истории, но в моих рассказах о временах войны и предвоенного строительства тема репрессий и поражений не поднималась, мы должны были говорить об этом очень уклончиво и кратко, сразу же переходя к изложению великих побед. И вот все эти вопросы сразу же стали предметом обсуждения, если не в печати, то среди друзей, в коллективе. У нас в школе было несколько фронтовиков, для них это были очень болезненные темы. Изменилась атмосфера в коллек-

тиве. И для нас началось то, что получило позднее название «оттепели». Это была, действительно, еще не весна, а оттепель, так как «заморозки» начались уже в самом конце 1956 года во время венгерских событий. Однако та атмосфера, которая существовала в обществе до XX съезда, уже не могла вернуться.

Большое значение для общества имели и реабилитации, начавшиеся после съезда. Правда, они проводились еще с 1953 года, но шли медленно. После XX съезда реабилитации приняли массовый характер. Моя семья направила заявление о реабилитации отца еще в 1954 году, но реабилитировали его посмертно в 1956 году. Посмертная реабилитация была проведена, видимо, в отношении нескольких миллионов человек, а сотни тысяч были освобождены из лагерей и ссылок. Даже в нашу школу из райкома прислали одного немолодого преподавателя с просьбой принять его на работу. Он только недавно вышел из-за колючей проволоки по реабилитации, его семья, видимо, погибла. Этот преподаватель, раньше работавший в вузе, был крайне замкнут, боялся что-либо нам рассказывать.

Я не знаю точных цифр по реабилитациям: сколько людей вернулось к своим семьям, сколько было реабилитировано посмертно, сколько сразу после XX съезда и сколько позднее. Некоторые реабилитации происходят даже сегодня. Один из моих знакомых, историк П.И.Негретов, проживающий в Воркуте, был реабилитирован украинскими властями только осенью 1995 года. Сегодня делается много попыток преуменьшить число пострадавших от сталинских репрессий и масштабы принудительного труда. Думаю, даже в 1956 году в лагерях оставалось не менее 2-3 миллионов политзаключенных. Еще больше людей умерли или были уничтожены в заключении в 1937-1955 гг.

Как готовился доклад Хрущева? Об этом до сих пор идут споры. Вопрос о преступлениях прежних лет поднимался несколько раз еще до XX съезда. Даже при Берии в апреле 1953 года были пересмотрены дело «врачей-отравителей» и «дело Михоэlsa». В 1954 году – «Ленинградское дело» и «дело Еврейского антифашистского комитета».

В декабре 1954 года в Ленинграде состоялся открытый суд над группой ближайших сподвижников Берии во главе с бывшим министром государственной безопасности В.Абакумовым. Аналогичные процессы

над ветеранами НКВД-МГБ прошли в Баку и Тбилиси. Почти все подсудимые были приговорены к расстрелу. За 1954-1955 гг. было реабилитировано около десяти тысяч человек. Нарастало давление на власти со стороны родных и близких, а также самих политзаключенных. В стране было мало семей, не затронутых репрессиями, а в лагерях томились миллионы ни в чем не повинных людей. Волнения заключенных вспыхивали в Карелии и Воркуте, их крупные восстания потрясли Норильск и Кенгир.

В 1954-1955 гг. при ЦК КПСС были созданы комиссии для изучения некоторых репрессивных акций сталинского режима, а также для анализа ситуации в системе ГУЛАГа. Обобщать эту работу было поручено секретарю ЦК КПСС П.Поспелову, одному из наиболее активных пропагандистов культа Сталина. Тем не менее возглавляемая им комиссия не могла не указать на множество злоупотреблений властью со стороны Сталина. Докладная записка Поспелова была подготовлена еще до XX съезда, и именно эту записку смогли прочесть члены Президиума ЦК. Однако документ Поспелова существенно отличается от доклада Хрущева, который мы сейчас знаем.

Доклад является более резким в оценках и более широким по охвату событий. В «Известиях ЦК КПСС» говорится, что доклад «О культе личности» был утвержден или одобрен еще перед съездом и что вопрос о включении этого доклада в повестку дня съезда был решен пленумом ЦК еще 13 февраля 1956 года. Некоторые историки утверждали, что именно на этом пленуме было решено также, что доклад прочтет на съезде не Поспелов, как предлагал Хрущев, а сам Первый секретарь ЦК.

В мемуарах Хрущева содержится другая версия: он утверждает, что члены партийного руководства в своем большинстве были против доклада о культе личности и что решение о таком докладе было принято на самом съезде незадолго до его окончания под давлением Хрущева.

Можно предположить, что обе точки зрения в чем-то справедливы. Повестка дня съезда обсуждалась 9 и 13 февраля 1956 года. Однако пленум ЦК не мог утвердить доклада о культе личности, так как его текст был еще не готов. Члены ЦК могли познакомиться лишь с запиской Поспелова. Рабочий вариант доклада о культе личности передали Хрущеву только 18 февраля, т.е. уже после начала съезда.

По свидетельству В.Наумова, Хрущев принял этот текст за основу и на следующий день надиктовал свой вариант доклада. Кто был ознакомлен с этим текстом и как он обсуждался? Неясно. Можно предположить, что такого обсуждения не было. Кроме того, при чтении доклада Хрущев часто отрывался от текста и говорил многое «от себя». К тому же ни в каких партийных архивах, по свидетельству И.Михайлова, готовившего публикацию доклада в «Известиях ЦК КПСС», нет никаких черновиков или первоначальных вариантов доклада, а имеется лишь та красная книжица с грифом «Не для печати», по которой доклад Хрущева читался по всей стране. Так что вряд ли у нас имеются основания отрицать личную заслугу Хрущева в подготовке и прочтении доклада 25 февраля 1956 года.

Барсуков Н.А.

Записка Поспелова и доклад Хрущева

В нашу историографию, политологию, публицистику, общественное сознание XX съезд, доклад о культе личности вошли как рубеж между сталинским тоталитаризмом и хрущевской «оттепелью». Точнее, это не просто рубеж, а исторический рубикон, который отважился перейти Никита Сергеевич и тем самым вписал свое имя в мировую летопись. Очевидно, такой решающий шаг имел свою предысторию и свои последствия.

Хочу остановиться на трех моментах: доклад, реабилитация, «оттепель».

До сих пор бытует версия, и сегодня об этом уже упоминалось, что вопрос о закрытом докладе решался в ходе самого съезда, в задней комнате президиума, где Хрущеву пришлось противостоять всем остальным членам Президиума ЦК. Для этого дает повод один кусочек из воспоминаний Никиты Сергеевича, где он говорит: я тогда в перерыве в комнате президиума поставил вопрос, как быть с запиской Поспелова... и т.д. Но это вырванный из контекста фрагмент. На самом деле, Михаил Сергеевич, было не совсем так, а точнее, пожалуй, совсем не так.

ГОРБАЧЕВ М.С. Я думаю, что доклад был уже готов. Но, как меня когда-то учил Ефремов, доклад состоялся только тогда, когда ты

покинул трибуну. Я сам иногда выходил с одним докладом, а заканчивал его как другой доклад. Так и тут.

БАРСУКОВ Н.А. Развенчание культа личности, с одной стороны, и разоблачение противоправных и репрессивных акций, с другой, – происходило далеко не сразу. Сначала эти два процесса шли как бы параллельно. Причем, если в первом случае имя Сталина порой произносилось, то в вопросе о репрессиях все подменялось «бандой Берии-Абакумова». Как позже признавался Никита Сергеевич, мы сами создали версию о роли Берии как главного лица, ответственного за сталинские злоупотребления. Мы находились в плену этой версии, нами же созданной в интересах реабилитации Сталина.

После дела Берии Хрущев уже говорит, что закрадывались сомнения в отношении всех репрессий, все ли было так, все ли аресты были обоснованными и т.д. Но мы боялись поднять завесу, заглянуть за кулисы, которые при жизни Сталина были для нас закрыты.

Никита Сергеевич первым решился приподнять занавес над всей практикой репрессивного режима. Еще до XX съезда на Президиуме Центрального Комитета он поставил вопрос о необходимости провести расследование и во всем разобраться. В июле 1955 года было принято решение о проведении XX съезда, а в декабре – создана комиссия Пospelова, которая сразу приступила к работе. Основные цифры по масштабу массовых репрессий у Хрущева были уже в 1954 году.

В обстановке неофициального обсуждения вопроса – надо ли докладывать о репрессиях – возражения были со стороны Кагановича и Ворошилова. Они опасались, что в этом случае их тоже призовут к ответу. И поэтому выступали против разговора о репрессиях на съезде.

Хрущев заявил, что партия вправе потребовать ответа от руководства за репрессивный произвол вне зависимости от того, знало ли оно или не знало. Он говорил: «Как руководители мы не имели права не знать. Но ответственность должна быть разная. Некоторые знали, а некоторые, может быть, и принимали участие. Я готов нести свою долю ответственности перед партией, если партия найдет нужным привлечь к ответственности всех тех, кто был у руководства во времена Сталина».

Такая ответственность появилась у Никиты Сергеевича, честно говоря, только в воспоминаниях. А в то время он спасал себя от этой от-

ветственности и вынужден был в этих целях до поры до времени спасать и других сподвижников Сталина. Об этом свидетельствуют основные доводы Хрущева в пользу доклада, носившие прагматический и прозаический характер:

«Если мы на съезде не скажем правду, то нас заставят через какое-то время сказать правду, и тогда мы будем не докладчиками, а подследственными, будем обвиняться в соучастии, поскольку прикрывали эти злоупотребления властью уже после смерти Сталина, когда уже все знали. И поэтому надо нам самим сказать об этих преступлениях. А уж когда спросят с тебя ответ за эти преступления, будет поздно. Тогда тебя уже судить будут. Я не хочу этого, не хочу такой ответственности».

И далее он подчеркивал: «Я говорю даже тем людям, которые совершили преступление – раз в жизни представляется момент, когда можно сознаться в содеянном. Это сознание может принести если не оправдание, то снисхождение. Таким моментом для нас является только XX съезд. Уже на XXI съезде этого сделать будет нельзя, если мы вообще не хотим дожить до того времени, когда нас заставят держать ответ».

Поскольку полного согласия на Президиуме не было, Хрущев пригрозил, что независимо от всех выступит сам, от своего имени, и будет докладывать о всех репрессивных акциях. Доводы Хрущева возымели действие. Таким образом, вспоминал Никита Сергеевич, «мы договорились. Не помню, кто проявил инициативу, сказав, что, видимо, доклад надо сделать. И мы согласились. Все согласились, что доклад надо сделать».

Кстати, Хрущев все время подчеркивал: он ставил вопрос не о докладе, он ставил вопрос о жизни. И предложение о докладе внес Микоян. Но это вопрос довольно спорный.

В качестве докладчика Хрущев предложил Пospelова, поскольку у того были все материалы. Но на Президиуме стали возражать. Высказывали опасение, что съезд «может плохо понять» это. В отчетном докладе Первого секретаря ничего не будет сказано о культе личности, политических репрессиях, а рядовой секретарь ЦК выступит с таким важнейшим докладом, с такими невероятными разоблачениями. Создастся впечатление, что в руководстве ЦК существуют разногласия по принципиальному вопросу. Кроме того, молчание членов Президиума ЦК, есте-

ственно, могло бы быть истолковано как своего рода признание и своей вины. На это пойти не могли.

25 февраля, как известно, Хрущев сделал доклад, о чем позднее вспоминал: «Я прочел на съезде записку Поспелова, подготовленную в форме доклада». Вот с этого и начинается путаница. Текст Поспелова о культе личности и его последствиях даже по форме начинался, как доклад: «Товарищи!» и т.д. – т.е. это был доклад, а не записка. Ни о какой записке на Президиуме в ходе съезда не могло быть и речи.

Поспелов (кто его помнит, – знает) мог сесть за стол и не вставая написать любой доклад со всеми цитатами, со всеми цифрами, фактами и т.д. Этот полный доклад написан карандашом. Среди цитат из Ленина здесь еще нет «Завещания», что потом появилось в докладе. Этот доклад написан вечером 13 февраля или в ночь с 13-го на 14-е, потому что 14-го его текст уже имели члены Президиума. Но дело все в том, что, как и было договорено, в нем затрагивались только довоенные материалы. О военных событиях здесь нет ни одной строчки.

Кстати говоря, при обсуждении 9-го, 13-го на Президиуме речь все время шла только о записке Поспелова, ни о каких послевоенных репрессивных акциях, видимо, разговора не было. И предполагалось, что Хрущев выступит с этим докладом, где коснется репрессий 30-х годов. Именно на это он получил «добро» соответствующих членов Президиума. Но на самом деле Хрущев выступил совсем с другим докладом.

В этом докладе материал Поспелова занимает примерно одну треть, а все остальное было написано потом. Появились совершенно новые разделы, отражавшие такие вопросы, как: Сталин и война, депортация народов СССР, послевоенные репрессивные акции, отношения с Югославией, краткая биография Берии, культ Сталина в его «Краткой биографии», общие последствия культа личности и необходимые выводы.

Как появился этот вариант доклада? Мне рассказывал лично Шепилов. Мысль расширить рамки доклада, сразу на несколько порядков увеличить его разоблачительную силу, видимо, пришла Хрущеву уже после начала работы съезда. Потому что во второй день съезда он вызвал Шепилова и предложил ему принять участие в подготовке совершенно

нового доклада. Пospelов согласился. В течение двух с половиной дней Шепилов в своем кабинете писал этот текст.

Помимо него работали и другие: Пospelов, Шуйский, Лебедев, видимо, и еще кто-то. Мне не известно, что послужило Хрущеву побудительным мотивом, толчком к такой переориентации доклада. Скорее всего, стремление как можно больше увеличить просвет между собой, как явным лидером, и другими прежними соратниками Сталина, которые были им уже явно списаны с политической арены.

В военные и послевоенные годы Хрущев не был непосредственно причастен к репрессивным акциям. И это давало ему возможность лично отмежеваться от них, особенно выступив в качестве обвинителя. На съезде Хрущеву в этом смысле вполне удалось, так сказать, уйти далеко в отрыв, что и позволило позже успешно завершить задуманную операцию.

Итак, съезд шел своим чередом, а в это время кипела подпольная работа по новому докладу. И вот здесь как раз и был, видимо, крупный разговор в Президиуме. Но не по записке Пospelова, которая не вызывала сомнений, а по новому тексту. Потому что, естественно, то, что было добавлено, касалось многих членов Президиума, а они отнюдь не желали, чтобы это было обнародовано, ибо касалось таких моментов, которые им выдавать не хотелось. Вот здесь, видимо, и был крупный разговор. Но поскольку «добро» на доклад Хрущева уже дали, а текст доклада – дело самого докладчика, он выступил с этим докладом и, конечно, совершил большое дело.

Кстати сказать, доклад и потом, уже после съезда, вызывал довольно серьезные нарекания в Президиуме. Под влиянием ряда претензий и было принято решение о подготовке специального пленума по культуре личности. Докладчиком утвердили Шепилова, который написал доклад на 200 с лишним страниц. Там затрагивались вопросы теоретические, политические и прочие. Но пока работали над докладом, подспела «антипартийная группа», куда Хрущев зачислил и докладчика. В результате пленум не состоялся, но доклад, видимо, где-то в президентском архиве сохранился. Во всяком случае, есть люди, которые видели и держали в руках этот доклад.

Реабилитация. Акцент XX съезда как бы сместил центр тяжести досъездовской реабилитации на послесъездовское время. Дело в том, что у нас нередко путают реабилитацию и выход на свободу. Это совершенно разные вещи. К примеру, казусная история произошла с Сергеем Павловичем Королевым. Он был в 1938 году арестован, в 1944-м освобожден, после этого получил много высоких наград. В 1953 году его приняли в партию, а реабилитировали только в 1955-м.

Две цифры. По официальным данным министра внутренних дел, на 1 января 1954 года политзаключенных в лагерях и тюрьмах было 475 тысяч. А на 1 января 1956-го – 114 тысяч. Значит, до съезда практически вышли на свободу из лагерей, ссылок более 350 тысяч человек. 51 тысяча была после съезда вызвана на комиссию Аристову. Так что этот процесс проходил в основном как раз до съезда. После съезда уже почти нет. А вот реабилитация – обратная картина. До съезда всего 7 тысяч, а после съезда – сначала 200, потом до 700 тысяч.

Два слова об «оттепели». Хотел бы сказать, что решения по тем политическим процессам, которые были пересмотрены от начала до конца с полной ликвидацией дел, были приняты еще до XX съезда. Фактически и процесс Тухачевского. Хотя об этом формально объявили в январе 1957 года, комиссия была создана 1 января 1955-го, и к съезду все было уже решено. А после съезда целиком и полностью не был пересмотрен ни один процесс. Этим я хотел бы сказать только то, что к XX съезду нельзя подходить с точки зрения, так сказать, единоличного, единовременного самодовлеющего исторического акта. Нужно смотреть весь период в целом. Именно там, несколько перефразируя Козьму Пруткову, начало того конца, которым кончилось наше начало, и там же корни тех исторических уроков, которые мы сейчас пытаемся извлечь.

Славин Б.Ф.

Идея демократического социализма жива

Я в корне не согласен со статьей Р.Косолапова в «Правде России» и считаю, что это отход Косолапова даже от той позиции, которую он когда-то занимал, написав статью «Сталинизм или все-таки ленинизм?». Теперь он пришел к обратному утверждению.

XX съезд – такая веха в нашей истории, которая будет еще очень много и долго изучаться не только историками, но и социологами, и политиками, и философами.

Я хочу выступить в роли философа. Здесь был поставлен вопрос: соединим ли социализм и демократия? Мне кажется, XX съезд отвечает на этот вопрос положительно: да, соединим. Потому что после XX съезда, в период «оттепели», мы все почувствовали себя людьми, произошел всплеск культуры и науки, произошло то, что мы называем своеобразным социалистическим ренессансом. Думаю, это было время, которое в какой-то степени имеет связь с 20-ми годами, когда был Ленин.

Я вообще считаю, что становление реального социализма происходит в борьбе двух тенденций: бюрократической и демократической, а применительно к нашей стране – сталинской и ленинской. Бюрократическая тенденция особенно свойственна странам с отсталой экономикой, странам, которые еще не пережили цивилизаторскую функцию капитализма в положительном смысле этого слова, странам, которые от прошлого унаследовали многие феодальные порядки. Поэтому в Сталине и сталинизме мы видим отрывки феодальных порядков, ничего общего не имеющих с социализмом.

Кому выгодно отождествление социализма с недемократизмом или социализма со сталинизмом? Двум категориям лиц: ярым антикоммунистам, на позиции которых сегодня перешли многие бывшие «дети» XX съезда, и фанатичным неосталинистам. Их позиции совпадают здесь полностью и однозначно. И те и другие отрицательно относятся к XX съезду, ко всем попыткам демократизации социалистического общества. Первые видят в ней стремление подновить или увековечить социализм, вторые – уничтожить его.

Думаю, что это совпадение как раз и является в известной степени подтверждением того, что социализм возможен только как социализм с демократическим, человеческим лицом, сколько бы его ни критиковали и справа, и слева. Никакого другого равноценного идеала человечество не выработало.

Проблема заключается в том, что демократический социализм не может родиться, как мне думается, сразу, в одночасье, тем более в законченном виде. Он рождается в форме маленького и слабого ростка, на-

пример, в форме нэпа, в форме «оттепели», в форме ранней перестройки. Этот росток прощупывает, а затем прорывает асфальт бюрократического, сталинского социализма и рано или поздно вытесняет его, становясь целостным обществом.

В истории ничего не происходит сразу. История идет галсами, отбрасывая отработанные варианты. Я думаю, что сталинизм является одним из таких отработанных вариантов, так сказать, тупиковой ветвью исторического развития. К тупиковой ветви сегодня относятся и всевозможные неолиберальные варианты развития, которые, отрицая себя, рождают ростки демократии и социализма в развитых капиталистических странах. Поэтому я в общем-то с оптимизмом смотрю в будущее. Вместе с тем хотел бы высказать несколько критических слов по поводу современного коммунистического движения.

Мне думается, что сегодняшнее коммунистическое движение в той форме, в какой оно существует, является отрывком старого, еще сталинского коммунистического движения. Не случайно ни один лидер современных компартий откровенно не высказался против сталинизма, не поддержал решений XX съезда КПСС. Это говорит о консерватизме современного коммунистического движения, свидетельствует о том, что в нем не произошло желанной очистительной грозы. В нем до сих пор на поверхность не вышли люди разума, люди демократии и социализма, а возобладали представители тяжелых, в основном, фракций с их ностальгией по сталинизму, национализму и средневековой идеологии.

Я задаю себе вопрос: почему эти тяжелые фракции возобладали в коммунистическом движении? Ответ может быть только один: это отрицательная реакция на тот антикоммунизм и на те губительные реформы, которые сегодня демонстрирует капитализм в нашей стране. При этом, как я уже говорил, сталинизм и антикоммунизм дополняют друг друга. Сталинизм является реакцией на гибельность реформ, а реформаторы, боясь возврата к сталинизму, требуют ускоренного движения по пути дикого капитализма, питая тем самым рецидивы сталинизма. В таком «взаимообогащении» я вижу новую тупиковость исторического развития, которая, надеюсь, будет преодолена на позициях демократического, самоуправленческого социализма, который остается до сих пор реальной перспективой для России. И очень жаль, что левые силы до сих пор не

нашли для себя идеала демократического социализма, который мог бы в духе XX съезда вновь вызвать массовый энтузиазм. Как это было во время «оттепели» и первых лет перестройки.

И последнее, о чем я хотел бы сказать, – вопрос о демократии. Возможна ли демократия при социализме? Михаил Сергеевич часто задает этот вопрос и говорит, что он во многом открыт. Но я думаю, что ответ на него очевиден. Если вы возьмете 1990 год, 1991-й до Августа, то увидите, что демократии в России было намного больше, чем сегодня. В то время существовало пять оппозиционных телевизионных программ. Сегодня же мы не имеем ни одной оппозиционной программы. Вот почему идея демократического социализма жива, и, я надеюсь, через какой-то промежуток времени исторически она возобладает.

Листов В.С.

Реплика

Двадцатый съезд? Он был провозглашенной попыткой вернуться к тому, что виделось «чистыми истоками», «ленинскими нормами». Тут надо понимать смысл послесталинской ситуации: легально выступать против властей и господствующей догмы можно было только в формах этой же догмы, этой же господствующей идеологии. Иначе выступление понималось бы как вражеское и дьявольское – не только начальством, но и народом. В истории такое уже бывало. И не раз. Например, в тотальной христианской Европе XVI века Мартин Лютер начал борьбу за обновление общества в форме очищения христианства, в форме провозглашаемого возврата к нравственности и простоте ранней общины. Утопия «возврата» была написана на знаменах «оттепели» и «перестройки» четыре века спустя. Вот почему – с поправками на время, конечно, – Хрущева и Горбачева можно считать лидерами своеобразного коммунистического лютеранства.

Бузгалин А.В.

Надо сдвигаться влево

Рад, что выступаю после Бориса Федоровича Славина, поскольку мы все-таки ушли от историографии, описания событий, что важно для восстановления правды, но недостаточно в сегодняшней обстановке. Думаю, что мы действительно должны прежде всего извлечь уроки. Уроки,

которые, несмотря ни на что, люди все-таки начинают осознавать. И хотя мы снова наступаем на те же грабли, которые вновь бьют нас по тому же больному месту (и все больше по голове), мы тем не менее делаем и какие-то позитивные шаги. И вот для этого давайте еще раз подумаем, что же все-таки смог и чего не мог сделать XX съезд и что мы должны, хотя и не можем, сделать сегодня.

Прежде всего, это действительно был «кусочек» гласности и де-бюрократизации, идущей сверху, но реальной. Это крайне важно зафиксировать. И всякий раз, когда мы ведем полемику по поводу нашего будущего, мы должны задавать себе и этот вопрос: будет или нет у нас руководство, способное, как минимум, на столь же жесткую самокритику, хотя бы на такую, или нет? Если нет, значит, этот руководитель не демократичен, даже по меркам полудемократа Хрущева.

Второй тезис. В период хрущевской «оттепели» впервые относительно молодое и просто молодое поколение стало действительным преобразователем общества, культуры, науки. В этот период задавали тон студенчество, молодые ученые, молодые Вознесенский, Евтушенко – эти люди создали новую духовную атмосферу. Это был период, когда, пожалуй, впервые после 20-х годов мы столкнулись с действительным коллективизмом и энтузиазмом, с массовым желанием широких слоев населения что-то делать на благо Родины, причем не из-под палки. Феномен, после этого не повторявшийся до самого начала перестройки. Очень полезно задать вопрос: что же было тогда такое, что позволило сделать рывок в научно-техническом прогрессе, образовании, науке, медицине, качестве жизни, культуре, духе людей?

Прежде чем пытаться отвечать на это, я бы сформулировал контртезис. XX съезд был трагичен (кстати, критикуя Косолапова самым жестким образом, нельзя не отдать должное – он подметил целый ряд существенных недостатков феномена XX съезда) половинчатостью и верхушечностью предложенных изменений. Так проводить демократию нельзя. И это еще один урок. Если мы всё проводим «сверху» и если энтузиазм «снизу» развивается исключительно в рамках дозволенного вождем, то возрождение прошлого неизбежно. «Верхушка» все равно задавит, в какой форме – другой вопрос. В 60-е годы задавили в форме неосталинизма и застоя. После перестройки – в форме ельцинизма, когда

бюрократия преобразовалась, изменилась, но снова получила власть в свои руки. Мы действительно два раза наступили на одни и те же грабли: не дали простора развитию низовой демократии, социального творчества, идущего снизу, – ни в том, ни в другом случае номенклатура этого не допустила.

Вот это, наверное, главное, чему мы должны научиться (и позитивному, и негативному) у XX съезда. Если сравнивать с сегодняшним днем, то действительно ситуация близка к трагической. Потому что у нас на выборах будут противостоять две корпоративно-бюрократические силы. С одной стороны, Ельцин, такой корпоративно-бюрократический псевдокапитализм с либеральными флажочками в духе Запада (правда, специфического: тут еще и державности хватает и т.д.). С другой стороны, Зюганов – этакий социал-демократизм в смеси с красными флажочками, да с еще большей державностью и неосталинизмом.

Где же выход, который мы хотели бы иметь в духе XX съезда и перестройки? Здесь-то и начинается самое сложное. Нам все время хочется (я имею в виду интеллигенцию, собирающуюся в «Горбачев-фонде», и поскольку я здесь сижу, то, видимо, и самого себя) чего-то этакого: просвещенного вождя, чуть-чуть левее, чем Вилли Брандт, мыслящего в духе Римского клуба, красивого, культурного и, главное, не требующего от нас никаких серьезных усилий. Вот как-нибудь так бы замечательно сделать, чтобы нас никто не трогал, чтобы нам ничего всерьез не угрожало, не дай Бог. Так не получится, уважаемые коллеги.

Сегодня, для того чтобы противостоять Ельцину или его оппонентам из лагеря якобы коммунистического движения, нам надо искать другой тип деятельности и другой имидж. Нам нужен не Вилли Брандт, который на самом деле заслонялся (давайте говорить честно) НАТО, а отнюдь не только гуманитарными фондами. Нам нужен опыт Сальвадора Альенде, человека, которого убили и которому приходилось стоять с автоматом в руках, для того чтобы отстаивать демократию. Человека, который знал, что он рискует жизнью. Если мы не будем идти на это, если мы не будем понимать, что именно такая борьба должна быть у нас впереди, нас с вами сожрут, уважаемые, милые интеллигенты, или заставят сидеть, – то ли молча, как мы сидели при Брежневе (в лучшем случае),

или в новом ГУЛАГе, если будет второй Иосиф Виссарионович, только пародийный.

И для того чтобы иметь нужный имидж, манеру поведения, народно-демократическую, идущую от низового объединения людей, от социального творчества снизу, придется быть гораздо левее, чем просто социал-демократ. И даже если ты просто социал-демократ по убеждениям, тебе придется понять, что не сдвинувшись влево, к существенно более народной (в хорошем смысле слова: демократический – значит идущий от слов «демос» и «кратос», власть народа) политике, мы не выйдем из этих стен и останемся, скорее всего, лишь говорунами.

Бутенко А.П.

Блажен, кто верует!

Вся советская послеоктябрьская история, в том числе «хрущевская оттепель» и ее XX съезд КПСС, в мировой исторической науке описывается в рамках разных исторических парадигм. В своем выступлении хочу рассмотреть и сравнить оценку «хрущевской оттепели» и XX съезда КПСС в рамках только двух парадигм: считающейся марксистской, трактующей и «хрущевскую оттепель», и XX съезд в качестве важнейшего рубежа социалистического строительства (развития) в СССР; и в границах наиболее широко распространенной – либерально-консервативной, – рассматривающей сталинский режим как тоталитарный режим коммунистических цветов, а XX съезд в качестве проявления кризиса этого тоталитаризма и неудачной попытки его реформировать.

Начнем с той, которая считается марксистской. Известно, что сначала И.Сталин, а вместе с ним все тогдашнее и более позднее коммунистическое движение, включая «оттепель Хрущева», «застой Брежнев-Черненко», а также «перестройку Горбачева» (во всяком случае до 1990 года), считали, что все разговоры о тоталитаризме в СССР (и других странах «реального социализма») – буржуазная клевета, что все упомянутые вехи суть этапы движения или совершенствования социализма. Почему советское развитие считалось развитием социализма? Это утверждал так называемый марксизм-ленинизм! Я говорю «так называемый» не случайно, ибо «марксизм-ленинизм» – это изобретение Сталина, это особая идеология, состоящая из отцеженных, специально отобранных

и изложенных в «Вопросах ленинизма» (издавались 12 раз) идей. Идеология, претендовавшая на систематизацию взглядов Маркса, Энгельса и Ленина, но на самом деле фальсифицировавшая их воззрения, но так, как это было необходимо Сталину, т.е. подменяя действительные взгляды классиков сталинизмом. Эта подмена совершалась и внедрялась в общественное сознание в 1920-70-е и в начале 80-х годов. Готов биться об заклад, что 80%, если не больше, современных коммунистов и 90% критикующих их либеральных антикоммунистов, говоря о марксизме-ленинизме, хотя и думают о взглядах Маркса, Энгельса, Ленина, но оперируют при этом не чем иным, как усвоенным ими в вузах официальным «марксизмом-ленинизмом», т.е. сталинизмом.

Чтобы не быть голословным, приведу только один пример, касающийся частной собственности и социализма. Вопреки действительным взглядам Маркса и Энгельса, выступавших против преждевременного, «зряшного» отрицания частной собственности при переходе к социализму, сталинизмом утверждалось: построить социализм значит любым путем уничтожить частную собственность, насильственно устранить эксплуатацию и эксплуататоров. А разве не так и сегодня трактуют этот вопрос многие коммунисты и их демократические критики, кичащиеся тем, что в своем марксистском образовании дальше «Краткого курса» они не пошли? Не только Сталин, сталинисты типа Полозкова-Косолапова, но и их сегодняшние сторонники и критики, ссылаясь на «Манифест Коммунистической партии», оперируют тезисом: «Коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности». Однако это положение, ставшее альфой и омегой сталинского псевдосоциализма, Марксу и Энгельсу не принадлежит. Где уж сегодняшним критикам коммунизма с их уровнем культуры знать, что в авторском тексте этого произведения нет ни слова «уничтожение», ни слова «разрушение», а употреблено немецкое слово, всегда переводившееся в марксизме как «снятие», предполагающее диалектическое, а не «зряшное» отрицание, т.е. снятие частной собственности только при определенных условиях – при полной зрелости производительных сил и общества и по определенным правилам: с удержанием положительного и последующим возобновлением по-новому на новом этапе.

Поскольку партия приняла сталинскую установку, а сам Сталин решительно осуществлял ее на практике, сложилось убеждение, что именно тогда, в 30-е годы, при Сталине, в СССР в основном был построен социализм. В этот социализм верил не только Н.Хрущев, его принимал и М.Горбачев.

На самом же деле ни в 30-е годы, ни позже социализм в СССР не был построен: теперь, пожалуй, никто не отрицает, что политическая власть в стране уже тогда была отчуждена от трудящихся и узурпирована партийно-государственной бюрократией. В распоряжении этой же номенклатуры находились и средства производства, только объявляемые «общенародными». Эта же номенклатура распоряжалась и результатами труда рабочих и крестьян. В этой связи Л.Троцкий, Н.Бухарин, М.Рютин и другие уже в 30-е годы, каждый со своей аргументацией, склонялись к тому, что СССР – страна «преданной революции». Не отрицая наличия очевидных социальных завоеваний трудящихся, таких, как уничтожение безработицы, обеспечение гражданам труда и отдыха, бесплатного образования и здравоохранения, обеспечение в старости и т.д., сопровождаемых господством в обществе партийно-государственной бюрократии, государственно-бюрократического угнетения масс и их эксплуатации со стороны номенклатуры, многие считали невозможным называть существующий строй социализмом.

Почему же миф о построении социализма в СССР оказался столь прочным? Почему по этому принципиальнейшему вопросу столь глубоко укоренилось ошибочное представление, которое, как это теперь многим очевидно, загубило не только «оттепель Хрущева», но и «перестройку Горбачева» и «экономические реформы Ельцина»? Причин было много и самых разных, я здесь назову лишь две главные: во-первых, теоретико-пропагандистские и, во-вторых, исторические.

Первые – теоретико-пропагандистские – заключаются в том самом сталинском «марксизме-ленинизме», по эскизам которого и создавался казарменный коммунизм сталинского образца и в идеологемах которого казарменный коммунизм освещался и разъяснялся массам, преподносился им как истинно научный «марксистско-ленинский» социализм. Сначала И.Сталин и сталинисты, потом Н.Хрущев и его антисталинисты, позже М.Горбачев и его перестройщики, и, наконец, Б.Ельцин

и его реформаторы с настойчивостью, достойной лучшего применения, утверждали и исходили из того, что в 30-е годы у нас в основном построен социализм, что все меры, которые после смерти Сталина осуществляли эти лидеры, были мерами по улучшению и обновлению социализма (в случае Н.Хрущева и М.Горбачева) или (в случае Б.Ельцина) мерами переделки в капитализм, но опять-таки социализма. Все эти представители партийно-государственной бюрократии и ее идейные оруженосцы, воспитанные в коридорах власти коммунистической номенклатуры, на вопрос: социализм ли это? – в ответ приводили именно те аргументы, которыми в свое время Сталин и сталинисты доказывали построение социализма в стране.

Когда же речь идет об исторических причинах живучести рассматриваемого мифа, то имеются в виду те уникальные исторические формы, в которых был скрыт и умело упрятан совершённый слом нашего исторического развития: была реализована и скрыта главная тайна сталинизма – утрата советским обществом социалистического пути. Это случилось шаг за шагом и незаметно, причем не только для миллионов советских и зарубежных граждан, но даже для изощренных ученых и политиков-специалистов, многие из которых до сих пор так и не поняли происшедшего перелома. Если говорить кратко, то утрата произошла незаметно, в первую очередь, благодаря двум обстоятельствам: сталинскому термидорианскому перевороту и сталинской реализации принципа «цель оправдывает средства».

Со времени Французской революции 1789-1794 гг. известен термидор как весьма изощренная форма контрреволюционного переворота. Суть ее в том, что это контрреволюция, совершаемая в рассрочку, в несколько приемов и использующая для первого этапа элементы той же правящей партии – путем их перегруппировки и противопоставления. Ведь и на самом деле после смерти Ленина власть качественно менялась: трудящиеся все больше от нее отодвигались, власть узурпировалась партийно-государственной бюрократией, но термидорианская форма контрреволюционного переворота не позволяла уловить суть происходящего, тем более что для этого использовались элементы той же правящей партии: ведь продолжала править ВКП(б) во главе со Сталиным, противопоставлявшим свои новые кадры ленинской гвардии. Несмотря на догад-

ки партийной верхушки, миллионы граждан СССР и за его рубежами еще многие десятилетия верили, а некоторые верят и до наших дней, что власть в стране не менялась, что Сталин, как и Ленин, представлял интересы трудящихся, вел общество к социализму. Блажен, кто верует!

Второе обстоятельство, способствовавшее сокрытию главной тайны сталинизма – утраты советским обществом социалистического пути развития – связано с той исторической ловушкой, в которую попадает общество, когда его лидеры следуют принципу «цель оправдывает средства», или «достичь цель любой ценой». Когда в конце 20-х годов советское общество оказалось в затруднительном положении, не позволявшем успешно продвигаться к социализму, И.Сталин пошел по пути реализации этого принципа.

Но в том и заключается историческая ловушка, что достичь любую цель любыми средствами невозможно. У каждой конкретной цели есть своя, строго определенная совокупность средств, применение которых только и может привести к желаемому результату. Всякий же выход за их рамки неизбежно ведет к утрате цели, к обретению другого, непредвиденного направления развития. Это наглядно подтверждается в неудачах сегодняшних «реформаторов». Но особенно важно это для строительства социализма. Здесь, как считал Маркс, достойная цель достижима только достойными средствами. Как только при продвижении к социализму его организаторы выходят за пределы средств, совместимых с гуманной природой социализма, пытаются создать новое общество посредством террора, а тем более превращая человека из самоцели в средство развития, принося его физическое и духовное совершенствование в жертву умножению вещественных производительных сил, – такое общество неизбежно сходит с социалистического пути. Это и произошло в 30-е годы с советским обществом: оно утратило избранный ранее социалистический путь, оказалось на бездорожье, чего не поняли тогда современники событий, а сегодня не понимают многие историки и политики.

Эта псевдомарксистская, а на деле сталинистская парадигма, примененная к отечественной истории, отстаивает ошибочную мысль, будто в нашей стране, стране «преданной революции», во второй половине 30-х годов, т.е. в обстановке массовых репрессий, в условиях расправы сталинской бюрократии с ленинской гвардией и утверждения все-

власть сталинизма – был в основном построен социализм. Именно этот сталинский социализм, а на деле (по Марксу) казарменный коммунизм (псевдосоциализм) и совершенствовал Н.Хрущев и его «оттепель», а в 80-е годы обновляла и совершенствовала «перестройка Горбачева». Лично я не вижу ничего удивительного, что то и другое было в сущности бесперспективным занятием, не приведшим к успеху.

А как выглядели эти же события с других – либерально-консервативных позиций? Как известно, серьезная западная политология в отличие от нашей бульварной прессы проводит четкую границу между диктаторским режимом Ленина и тоталитаризмом Сталина. Но стараясь получить идеологические дивиденды в условиях «холодной войны» за счет трактовки «социализма» в качестве тоталитаризма коммунистических цветов, западная политология перенесла на СССР все качества тоталитаризма фашистского толка, доказывая, что любой тоталитаризм не реформируем, не способен к саморазрушению.

XX съезд КПСС оказался погребальным звоном для подобных толкований. Насколько кондовой и вульгарной оказалась эта парадигма западной политологии, хорошо видно из трудов нашего отечественного копировальщика западных схем – Андраника Миграняна, который доказывал, что XX съезд КПСС, да и вся «хрущевская оттепель» не поколебали советского тоталитаризма, а чтобы как-то обосновать это нигилистическое, как и у Косолапова, отношение к XX съезду, А.Мигранян пошел даже на пересмотр общепринятой (К.Фридрихом, Х.Арендт, З.Бжезинским, Р.Ароном и др.) теории тоталитаризма, что было с иронией встречено в наших политологических кругах.

В заключение – некоторые выводы.

Во-первых, многие беды нашей жизни коренятся в том, что и во времена XX съезда КПСС, и сегодня у наших политиков и обществоведов нет научной парадигмы, в рамках которой можно было бы правильно понять собственную историю, в том числе и состоявшийся сорок лет назад XX съезд, благодаря чему можно было бы вывести страну на путь устойчивого прогресса. Сегодня сохраняется неадекватность оценок положения в стране, в том числе и оценок самой «хрущевской оттепели» и XX партийного съезда, их значения для будущего.

Наша обществоведческая элита бросается от одной парадигмы, якобы марксистской, а на деле сталинистской, к другой, якобы более научной – либерально-консервативной, а на деле не менее примитивной и идеологизированной, чем сталинизм. Хуже всего то, что у приверженцев той и другой парадигм нет желания учиться. Если Маркс и Энгельс считали свое мировоззрение основывающимся на критическом освоении таких завоеваний буржуазной мысли, как трудовая теория стоимости англичан Смита и Рикардо, учение о классах и классовой борьбе французов Минье, Тьера, Тьерри, Гизо, а также материализма и диалектики немцев Фейербаха и Гегеля, то наши сегодняшние обществоведы в своей левой части, видимо, думают, что с тех пор буржуазная мысль не создала ничего заслуживающего критического освоения, а в своей правой части торопятся «заглатывать» все западное без всякого критического осмысления. На мой взгляд, и то и другое – проявление **идеологического озверения**, с которым пора кончать!

Во-вторых, опыт XX съезда КПСС, его решений и результатов свидетельствует: радикальные перемены в обществе (пусть в весьма противоречивых и ограниченных формах) возможны и при неадекватном, ошибочном мировосприятии происходящего лидерами, но делаемое эффективно в том случае, если эти лидеры руководствуются в своих действиях не интересами узкого слоя людей, а тем более не своими собственными корпоративными устремлениями, а интересами большинства граждан, интересами всей страны. В этом – истоки исторического значения XX съезда КПСС.

В-третьих, разрушение деспотического казарменного коммунизма (таким являлся сталинский строй в парадигме Маркса) или тоталитаризма коммунистических цветов (так выглядел этот же строй с позиций либерально-консервативной парадигмы) было все-таки возможно посредством собственных внутренних сил. Это отрицала западная теория тоталитаризма. Но это оказалось возможным только поэтапно, только шаг за шагом. В том и заключалось конкретное историческое значение XX съезда КПСС, прежде всего его «секретного доклада», что он нанес смертельный удар по ключевой черте тоталитаризма – системе массовых репрессий и террора, что расчистило путь для разрушения и других черт

тоталитаризма, что было осуществлено уже на втором, основном этапе разрушения тоталитаризма – во время «горбачевской перестройки».

В-четвертых, такой неадекватной оценки сути преобразуемого общественного устройства и в 50-х, и в 80-х годах было достаточно для того, чтобы подорвать и разрушить тоталитаризм, сделать шаги в сторону демократии и рынка. Однако подобного мировосприятия и оценок реальной действительности было совершенно недостаточно не только для поиска верного социалистического выхода, но даже и для определения пути успешных экономических реформ. Не случайно то, что ни XX, ни XXII съезды не уберегли общество ни от антихрущевского переворота середины 60-х годов и возрождения неосталинизма при Брежневе и Черненко, ни от неудачи «перестройки Горбачева». А сейчас мы являемся свидетелями очевидного провала реформы Ельцина-Гайдара. Это и понятно: нельзя рассчитывать на успех перестроек и реформ, если заблуждаешься в том, что перестраиваешь и реформируешь! Сначала М.Горбачев перестраивал и обновлял социализм, которого не существовало в природе, а после него Б.Ельцин стал тот же несуществующий социализм «трансформировать» и «реформировать». И тут и там – неудача, ибо давно известно: труднее всего получить ощутимый результат, перелывая воздушные замки.

Шейнис В.Л.

Почему захлебнулись реформы, или можно ли превратить яичницу в свежие яйца?

40-летие XX съезда – юбилей нерядового события. Из 28 партийных съездов, протянувшихся с разными промежутками времени почти на целое столетие, немногие можно поставить рядом или выше его по значению. Это было не только, как повелось с начала 30-х годов, дежурное парадное мероприятие, но и историческая развилка, подходя к которой, мы – теперь об этом можно с горечью сказать – выбрали не лучший путь. Но XX съезд не канул в историю, подобно многим предшествовавшим и следовавшим за ним съездам-близнецам, его проблемы и уроки присутствуют в сегодняшнем дне. И не случайно поэтому в явном или латентном виде он остается поныне объектом острого столкновения идей.

С одной стороны, именно в связи с этим съездом долго бытовала и не умерла до сих пор спекулятивная версия о способности коммуни-

стической партии, какой она стала после Сталина, к самообновлению, самоочищению. «Либералы» из партийного руководства и их идеологическая обслуга насаждали миф, будто бы сама партия способна, подобно барону Мюнхаузену, вытащившему себя за волосы из болота, выкарабкаться из кровавой трясины, из вязкой лжи. В ином терминологическом оформлении эту версию развивают сегодня некоторые идеологи зюгановской КПРФ. С другой стороны, XX съезд оценивается с консервативных, троглодитских позиций. Р.Косолапов, один из самых заметных идеологов тех реваншистских сил, которые сегодня рвутся к власти (и мгновенно сорвут «социал-демократический» флер с КПРФ, если только ей удастся до власти дорваться), не находит иных оценок для XX съезда, как «клеветническая оценка деятельности Сталина», «деморализация и подрыв международного коммунистического движения», «антипартийное поведение» Хрущева. Газета «Правда» не случайно сегодня предоставила свои страницы этой открытой апологии сталинизма и никак иначе не отозвалась на памятный юбилей: таковы ныне настроения преобладающей части коммунистического актива.

Тем важнее дать исторически взвешенную оценку XX съезду. Можно согласиться с тем, что откровения, прозвучавшие на XX съезде, были шоком для современников и стали импульсом (точнее – одним из) дальнейшего развития. (Замечу в скобках, что разоблачения Хрущева были откровением для многих, но не для всех. Хорошо помню реакцию свою и моих друзей, в то время очень молодых людей: и это все, на что вы, послесталинские вожди, способны?!). Но справедливости ради надо сказать, что влияние этого съезда на последовавшие события оказалось недостаточно глубоким и продолжительным. Оно было дискретным. Продемонстрировало ограниченные возможности реформирования и либерализации сверху такой по-своему совершенной и завершенной тоталитарной системы, какой был сталинизм. Его крупнейшим, исторически непревзойденным достижением было растление и искоренение общественной совести. Характерно, что когда через 9 лет после знаменитого доклада Хрущева, Брежнев на праздновании XX-летия Победы впервые после длительного перерыва в положительном контексте произнес имя Сталина, его слушатели, многие из которых сами были делегатами XX съезда, разразились продолжительной овацией.

Говоря о XX съезде, нельзя забывать, что откат наступил тотчас же. В марте-апреле 1956 г. еще кое-где завершались коллективные прослушивания «секретного» доклада Хрущева, а уже в «Правде» и других партийных газетах появились разгромные статьи, обличавшие «гнилых людей», которые сделали слишком далеко идущие выводы из «самокритики» партии, осмелились поставить неподобающие вопросы о причинах громадного и трагического исторического явления, для обозначения которого был придуман пустельгий эвфемизм «культ личности». Уже появилось действительно секретное постановление ЦК КПСС о дискуссии на данную тему, состоявшейся в теплотехнической лаборатории Академии наук. Уже начались исключения из партии тех, кто в своих вопросах и выступлениях перешагнули границу дозволенного.

И уже осенью 1956 г. и в особенности с 1957 г., после событий в Польше и Венгрии – а отнюдь не в 60-х годах, отмеченных процессами Синявского и Даниэля, а затем и правозащитников, – была вновь запущена в ход машина политических репрессий. Диссидентов 50-х годов было меньше, чем в 60-70-х, процессы над ними – не столь громкими. Оглушенная десятилетиями «большого террора» страна даже не заметила их. Но сейчас-то нельзя забывать, что навстречу потоку людей, освобождаемых из лагерей до и реабилитируемых после XX съезда, двинулся, хотя и не сопоставимый по масштабам, иной поток – новый набор политэзков, среди которых были и мои друзья, а реабилитации носили стыдливый и ограниченный характер.

Почему откат наступил так быстро? Ответ на этот вопрос обычно дается в слишком общем виде: сенсационный доклад был проявлением личной инициативы Хрущева, который, преследуя собственные цели, уломал, обошел, обманул своих коллег, а партия и общество не были готовы к чему-то большему, чем, говоря словами А.Галича, «на полчаса погрузнеть». Пусть так, но ничуть не преуменьшая личного вклада Хрущева – при всей противоречивости его личности и деятельности, гениально отраженной в надгробном памятнике Эрнста Неизвестного, – важно сосредоточить внимание на том, почему партия и общество не были готовы к глубоким реформам, почему оглушающий эффект хрущевских разоблачений оказался обратимым надолго. Ведь 1956 год от года 1917-го отделял примерно такой же промежуток времени, как страны

Восточной Европы от конца 40-х годов, когда им была навязана «народная демократия», до конца 80-х, когда она была быстро, решительно и сравнительно безболезненно демонтирована.

Полный ответ на поставленный вопрос потребовал бы написать большой сравнительно-исторический трактат. Здесь же отмечу лишь одно важнейшее обстоятельство: помимо тех исторических традиций, идеализацией которых и скрещиванием их с якобы социализмом ныне занимается зюгановская партия, сказалась глубина вспашки в 1917-1953 гг. Бульдозер сталинского террора смел с лица земли и без того слабые в России ростки гражданского общества. Инакомыслие было загнано в глубокие потаенные щели, его искания были отгорожены от общества и совершенно ему незнакомы. На подавляющее большинство скольконибудь значимых постов в партии были выдвинуты, говоря словами Л.Троцкого, «невежественные и бессовестные шпартгальщики».

У меня нет симпатий к, не к ночи будь помянутому, герою трагического для нашей страны Октября, так и не понявшему до конца жизни, почему ему пришлось искать прибежище в мире, который он называл капитализмом и с такой яростью пытался низвергнуть. И почему революция по своему обыкновению пожрала его, как и многих других своих сыновей. Однако я не раз пытался сконструировать мысленный эксперимент: что было бы, если бы в этой уникальной партии не было физически уничтожено первое поколение лидеров, фанатично преданных утопии и, безусловно, ответственных за гибель, исход и растление лучшего, что имела Россия в начале XX века, – русской интеллигенции? Но все же эти люди отличались от тех, кто пришел им на смену – всех этих молотовых, кагановичей, ворошиловых, в головы которых никогда не забредала ни одна самостоятельная мысль даже в рамках коммунистической парадигмы, – и некоторой образованностью, и самостоятельностью мышления, и политическим темпераментом. Однако все русские имре нади, джиласы и дэн сяопины были вырезаны под корень. Хрущева крепко держала сталинская пуповина, да и каков он был, представлял исключение, подтверждавшее общее правило. А людям масштаба и не в раз сложившегося умонастроения Горбачева еще предстояло в другое историческое время десятки лет пробираться в высшие эшелоны партийной власти. Справед-

лив оказался известный анекдот: советский коммунистический паралич – самый прогрессивный паралич в мире.

И все же нельзя отрицать, что и во времена хрущевской «оттепели», важнейшей вехой которой был XX съезд, и в течение двух-трех лет по инерции после нее, вплоть до «пражской весны» предпринимались попытки развернуть на несколько градусов направление развития. На чем сломались эти попытки?

Находясь под впечатлением сегодняшних проблем и неся если не в сознании, то в подсознании заряд экономического детерминизма, невольно обращают взгляд на нашу экономику как на серьезный тормоз всяких перемен. Действительно, попытки хозяйственной реформы (еще до Косыгина) не раз предпринимались и захлебывались не только потому, что были непрофессиональными и неадекватными. Действительно, процесс преобразования командно-распределительной экономики в нормальную рыночную невероятно труден, как показывает даже пример Восточной Германии, и в чем-то подобен превращению яичницы в свежие яйца. Действительно, тотально огосударственная экономика – мощная база тоталитарного режима. Все это так, но в 50-60-е годы не экономика была основным блокиратором нашего возвращения на магистраль мировой цивилизации. Во-первых, далеко еще не были исчерпаны резервы экстенсивного роста, а впереди маячил взлет мировых цен на нефть. Миллиардные долларовые вливания, которые замаячили после 1973 г. и могли бы сыграть ключевую роль, облегчив реформирование экономики, сделав его менее болезненным, на деле были использованы для консервации существующего порядка. Во-вторых, еще не были разрушены трудовые стимулы и не добыта трудовая мораль. Что со всем этим происходило в последующие десятилетия, выразительно показано, в частности, на примере северной деревни в романах Ф.Абрамова.

На деле тормозные устройства коренились не в экономике, а в политике и идеологии. Главным из них был глубокий антидемократизм системы. Реформаторы 50-х годов, перестраивавшие формы управления промышленностью с отраслевых на территориальные, производя экзотическое удвоение обкомов, допуская некоторое оживление литературной жизни (тут же, впрочем, прерываемое начальственными окриками), не посягали и в мыслях на основополагающую структуру: партия–

государство. Это были послабления сверху, а не развязывание инициативы снизу. Когда много лет спустя поняли, что это мало что дает, пришлось вдогонку за XXVII съездом, на котором впервые, по меньшей мере, за четверть века прозвучали непривычные слова, проводить январский пленум ЦК КПСС 1987 года, обозначивший переход от слов к делу: первые робкие шаги к реформированию этой структуры.

Любые исходные реформаторские импульсы как в 80-х, так и в 50-х годах могли идти только сверху. Их продолжение всецело зависело от расклада сил в верхнем эшелоне власти. Расклад же этот даже в рамках ограниченной задачи десталинизации, поставленной Хрущевым, был неустойчив и изменчив. Ему противостояла некая безликая, но могучая сила «внутренней партии» (по Дж.Оруэллу), а собственной организованной опоры в партии Хрущев не только не создал (ее не сумел создать и Горбачев), но и не ставил перед собой такой задачи. Административные перетряски, к которым Хрущев к концу его правления стал прибегать все более размахисто, лишь ускоряли формирование дворцовой оппозиции, но не решали задачу, которую впоследствии сформулировал Горбачев: подключить к процессу преобразований народ.

Крайне вредоносную роль сыграл и стержневой в идеологии имперский миф. Несмотря на некоторые внешнеполитические подвижки на XX съезде (отказ от тезиса о неизбежности третьей мировой войны, смягчение позиции по отношению к социал-демократам и т.п.), миф о мессианском предназначении «родины революции» лишь получил новое оформление. Экспансионистские претензии СССР, жестко вцепившегося в завоеванное восточноевропейское предполье и как раз во времена Хрущева начавшего развивать экспансию на далеких континентах, выдавалось за «основное содержание современной эпохи – переход от капитализма к социализму в мировом масштабе». Убежденность Хрущева в неизбежной победе коммунизма, выраженная со свойственной ему экспансивностью и грубостью – «мы вас закопаем», – была понята на Западе излишне буквалистски, но «борьбе двух систем» было подчинено все: внешняя политика, идеология, операции спецслужб, цензура и т.д.

Государственная идеология стала едва ли не самым излюбленным полем реализации этого мифа. В сознание людей так навязчиво вкочивался с помощью лживой пропаганды и радиоглушилок образ врага,

что, казалось, сами идеологи всерьез приняли тезис об «обострении идеологической борьбы с империализмом», представлявший, в сущности, лишь модифицированную формулу сталинского «обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму». В партийных документах и речах лидеров стали назойливо обличаться «идеологические диверсии» – не что иное, как чуть подновленный вариант средневековых представлений о «порче», которую дьявол может насылать как на отдельных людей, так и на целые народы: ведь сознание людей уподоблялось рельсам железнодорожного пути, с которых «идеологические диверсанты», подобно чеховскому злоумышленнику, свинчивают гайки.

С таким грузом, как показал опыт, нельзя было даже приблизиться к реальным реформам. Замечу, однако, что эта часть советской мифологии оказалась едва ли не наиболее живучей. Примитивный миф, будто бы политический курс сначала горбачевского, а затем российского руководства направляется спецслужбами Запада, «мировой закулисой», эксплуатируется не только в клоунадах Жириновского, но и в предназначенной для внутреннего употребления пропаганде Зюганова, сияющего в экспортном исполнении респектабельным «почти социал-демократом».

Путь к повороту, исходным пунктом которого так и не стал XX съезд, и в 80-е годы перегораживали во многом все те же преграды: политический монстр «партия-государство», подавление демократических свобод, которое принимало если не тотальные, то все более изощренные формы (к примеру, «психушки»), внешняя экспансия, поддержка незащитимых режимов за горами и морями, которая требовала колоссального напряжения сил и истощала экономику. И все же историческая ситуация двадцать плюс десять лет спустя после XX съезда изменилась гораздо сильнее, чем в знаменитой трилогии А.Дюма.

Во-первых, было всерьез и окончательно проиграно экономическое соревнование со странами, вступившими в постиндустриальную фазу развития, исчерпаны возможности экстенсивного экономического роста. Даже по официальным данным, происходило неуклонное и резкое замедление темпов роста, а независимое исследование В.Селюнина и Г.Ханина убедительно показало, что с конца 70-х годов темпы стали отрицательными. «Экономика дефицита», как назвал ее известный венгер-

ский ученый Я.Корнаи, приобрела законченное выражение. Экономическое состояние страны стало мощным фактором давления в пользу перемен.

Во-вторых, были исчерпаны, промотаны, утрачены идеалы. Рухнула вера. Разложение, коррупция, гниение и распад проникли во все слои общества: от «несунов» на предприятиях до высших эшелонов власти, вплоть до министров, даже до родных и близких генерального секретаря ЦК КПСС.

В-третьих, и это, может быть, главное среди предпосылок перемен, начала складываться многопартийность. Речь идет не только о различных «левых» и «правых» очагах диссидентства и о влиянии на внутренние процессы эмигрантской диаспоры. Что еще важнее, многопартийной де-факто (хотя, конечно, не официально) начала становиться сама КПСС. В ней стали оформляться разные платформы со своими идеологами, органами печати, группами влияния и покровителями наверху, хотя все это встраивалось в вертикально-иерархическую систему отношений, а выражение позиций осуществлялось с помощью соответствующей расстановки акцентов, подбора соответствующих цитат, языком намеков и аллюзий, «неконтролируемого подтекста». И хотя бал правило двоемыслие, идеологические платформы: ортодоксальная, социал-демократическая, либеральная, технократическая, шовинистическая, религиозная и т.д. готовы были превратиться в политические. Мешала тому лишь короста партийно-государственной организации общества, оставшаяся в наследство от сталинской системы.

Именно ее сломала перестройка Горбачева. В этом ее смысл, непреходящая историческая заслуга и историческая же ограниченность. Приход Горбачева – второе (после Хрущева) чудо в кадровой истории высших эшелонов партийной власти. И хотя сталинско-брежневская система исторически была обречена, ее радикальный реформатор, по сути ее разрушитель, в чем-то напоминающий Конрада Валленрода А.Мицкевича и потому заслуживший яростную и, на мой взгляд, почетную ненависть нынешних коммунистических вождей, вполне мог бы появиться на 5-10-15 лет позже или – в иных исторических обстоятельствах – не появиться вообще.

Горбачев (и те силы в партии, которые его поддержали, хотя ключевая роль принадлежала – и могла принадлежать при существовавшей системе – именно ему) сначала эрозировал, а затем сломал те две преграды, о которых речь шла выше и на которые не мог и помыслить посягнуть Хрущев.

Итак, что же сделал Горбачев и за что, по моему глубокому убеждению, ему когда-нибудь будут поставлены памятники в нашей стране?

Была сначала ослаблена, а затем лишена возможности действовать так, как она привыкла, система подавления инакомыслия в нашей стране. Пожалуй, исходным рубежом здесь стала осень 1986 г., когда началась публикация ранее запретных произведений, прорвался на экран фильм «Покаяние», был снят запрет с антисталинской темы, а к концу года – освобожден из горьковской ссылки академик Сахаров.

Но настоящий перелом наступил в 1989 г., когда впервые после 1917 г. был введен соревновательный (хотя и обставленный рядом нелепых ограничений) принцип на выборах. Сколь ни искусственны были двухэтажная конструкция Съезд-Верховный Совет, куриальный принцип формирования части Съезда и «красная сотня» от ЦК КПСС, сколь ни удручало при голосованиях следование (чуть перефразируя Ю.Афанасьева) послушного большинства Съезда за агрессивным меньшинством, разгоревшаяся на Съезде живая дискуссия и образование Межрегиональной депутатской группы (прообраза возникшей год спустя фракционной структуры российского парламента) были резко оттенены свершившейся в те же дни кровавой трагедией на площади Тяньаньмынь в Пекине, где власти действовали в привычной логике коммунистической системы. В результате тоталитарная система общественной организации в СССР была взломана, о чем и помечтать было нельзя во времена XX съезда.

Примерно в то же время «новое политическое мышление», провозглашенное Горбачевым, подвело черту под внешней экспансией, поконило с ненужной нашему народу границей на Эльбе, аванпостами экспортированного социализма в далеких странах и сбросило непосильный груз противостояния с Западом. Наблюдая за драматическим переходом от едва не состоявшегося Рейкьявика к Мальте, где был совершен реальный прорыв к миру, а не фальшивой разрядке, которой нас потче-

вали много лет, можно было увидеть, как нелегко дался этот переход и сколь необратимым стал он к концу 1989 г., как бы ни сокрушались сегодня коммунистические фундаменталисты по бывшему державному величию. Все это резко контрастировало с внешней политикой Хрущева, подавившего в год XX съезда венгерскую революцию и с неумолимой повторяемостью не упускавшего ни одного случая поучаствовать в каждом международном кризисе, из которых СССР выходил с мнимыми приобретениями и реальными потерями. В оправдание Хрущева можно лишь сказать, что он, однажды подойдя к предельной черте, в последний момент сумел отпрянуть от нее и в отличие от унаследовавших его власть кремлевских старцев начал продвигаться к реальному пониманию вещей – правда, лишь к концу жизни, отставленный, забытый и изолированный от мира.

Историческая дистанция, которая отделяет нас от начала перестройки, позволяет оценить, что сделали Горбачев и до удивления малочисленная группа его ближайших сотрудников и единомышленников в 1986-88 годах. До тех пор, пока не организовались и не вышли на политическую арену новые силы общества, не встроенные в партийные структуры КПСС, сдвинуть общество, сделать так, чтобы, по любимому выражению Горбачева, «процесс пошел» уже по собственным законам, а не ведомый сверху, мог только он. Можно представить, сколько энергии и искусства потребовалось, чтобы провести смелые и неожиданные решения через политбюро, в котором, как мы теперь доподлинно знаем, генеральный секретарь находился в глухом меньшинстве. Впрочем, делу помогало, вероятно, то, что ни члены политбюро, ни он сам, начиная перестройку, не отдавали себе в полной мере отчет в последствиях начатого дела и действительно верили в красивую иллюзию обновления, гуманизации того, что они называли социализмом. Можно сколько угодно предаваться огорчению, что возвращение в мировую (а для меня это означает европейскую) цивилизацию не произошло во времена XX съезда, когда это осуществить было бы намного легче, чем сейчас, но оказалось невозможным по объективным и субъективным причинам. Но не следует думать, что объективным ходом вещей, без субъективного фактора, и притом именно в 80-е годы могло быть остановлено движение по исторически тупиковому пути. И в этом непреходящая заслуга Горбачева.

Но воздавая должное Горбачеву и его соратникам, нельзя пройти мимо того, чего они сделать не сумели и за что мы платим колоссальную цену сегодня. Здесь не место выставлять счет бывшему генеральному секретарю, перечисляя его ошибки и просчеты. Но о главном необходимо сказать, тем более что он сейчас предпринимает вызывающие интерес и симпатию попытки вернуться в большую политику. Ибо в значительной мере (хотя, конечно, далеко не всецело) от Горбачева зависело направить развитие вслед за началом реформ по эволюционному, а не взрывному пути.

Горбачев сумел преодолеть в своем сознании и политической практике многие стереотипы, впитанные с молоком матери и вбитые комсомольско-партийным воспитанием. Но в самый решительный, переломный момент ему не хватило смелости, последовательности и решительности. Обо всем этом выразительно рассказал А.Черняев в своих мемуарах, рассказал уважительно, честно и достойно. Наверное, поставив благую цель, до 1989 г. можно было действовать в основном так, как и поступал Горбачев: осторожно лавируя, каждый раз проверяя, не обломится ли тонкий лед под тяжестью следующего шага. Но в 1989-1990 гг. сложилась принципиально иная, небывалая в истории партии и страны ситуация. С одной стороны, сформировалась демократическая оппозиция далеко еще не преодоленному режиму. Она опиралась на силы, стоявшие как в самой партии, так и вне ее, но центр тяжести оставался в партии: реформаторский актив еще рассчитывал использовать этот не потерявший тогда силу инструмент. С другой стороны, в партии сплотилась консервативная оппозиция реформам Горбачева. Совмещать одно с другим становилось все более невозможно.

Горбачев мог стать лидером и реформаторского крыла партии, и новых демократических сил общества: такую возможность открывал перед ним его еще не растроченный авторитет. Он избрал иной путь, не сумев преодолеть в собственном сознании фетиш единства партии, не рискнул решительно порвать с теми силами, которые при его попустительстве организовали позорную обструкцию Сахарову на первом Съезде народных депутатов СССР, а год спустя создали свой организационно оформленный центр в виде компартии РСФСР. Более того, идя на поводу у этих сил, он попытался продавить на российском Съезде народных де-

путатов в 1990 г. избрание первым лицом Ивана Полозкова, фигуру, одиозную политически и ничтожную в человеческом отношении.

Быть может, Горбачев оказался более прозорлив в отношении Бориса Ельцина и возможностей его политической эволюции, чем мы, депутаты от «Демократической России», не без колоссальных усилий сломавшие план воцарения на главном посту в РСФСР оголтелого Полозкова или бесцветного Власова. Не скажу, что мы – я говорю о своих ближайших политических друзьях – идеализировали Бориса Николаевича и не видели опасностей, уже проявившихся во время его недолгого управления московским горкомом в 1986-1987 гг. Но кадровая политика Горбачева не оставила нам иного выбора: только Ельцин, гонимый, обиженный и завоевавший огромные симпатии в обществе, мог быть противопоставлен тогдашней камарилье в Кремле и на Старой площади. История в чем-то повторяется. Во всяком случае, выбор между Ельциным 1990 года и выдвиженцами консервативного крыла имел значительно менее очерченную альтернативу и был менее опасен, чем объявляемый безальтернативным выбор между Ельциным 1996 года (во многом другим человеком) и Зюгановым.

В сложившихся тогда условиях только объединение сил партийных реформаторов во главе с Горбачевым и становившейся все более непартийной демократической оппозицией, получившей в лидеры Ельцина, могло обеспечить менее болезненный, более плавный переход от системы административно-распределительной к рыночной и от тоталитаризма к демократии. Этого, к несчастью, не произошло. Не последнюю роль, вероятно, сыграла и личная несовместимость двух лидеров. Как бы то ни было, последняя развилка была пройдена на XXVIII съезде КПСС: начался массовый исход демократов из партии, поскольку их дальнейшее сожительство с господами-товарищами полозковыми лишалось всякого смысла, а Горбачев приступил к формированию нового окружения, рекрутируя тех, кто вскорости составил ядро ГКЧП. Многие из последовавшего за тем было платой за непоследовательность Горбачева, его неготовность своевременно осознать необходимость раскола монстра, которым была тогда КПСС, освобождения от консервативного и фундаменталистского балласта.

Расхожее мнение: история не знает сослагательного наклонения. Это справедливо по отношению к истории как процессу. Но нередко, ссылаясь на это, пытаются обосновать жесткую детерминированность исторических событий, которые будто бы могли быть сцеплены только так, как они происходили, и никак иначе. Между тем, историк обязан – в этом, собственно, и заключен основной смысл его работы – учитывать, что развитие очень часто проходит альтернативные развилки, и анализировать несостоявшиеся варианты. Из того, что события развернулись определенным образом, вовсе не всегда вытекает, что они могли идти только таким образом: иначе изучение истории становится только занятным времяпрепровождением вроде наблюдения за автомобильными гонками или футбольным матчем.

Применительно к нашему сюжету это означает, что мучительный процесс формирования в России многопартийной системы, в частности, либеральной и социал-демократической партий (при том, что различие между умеренным либерализмом и социал-демократией до сих пор в России смазано и выступает в неявной форме), мог бы быть серьезно облегчен, если бы он начинался не с чистого листа, а отталкивался от формирования тогдашней КПСС, ее отлаженной инфраструктуры и тех живых сил, которые стали в массовом масштабе покидать ее накануне и после XXVIII съезда. Но для этого надо было безжалостно отсечь гангренозные ткани до того, как начался распад, канализовать поведенческую инерцию миллионов членов партии в конструктивное русло.

Говорят, что история учит только тому, что она ничему не учит. Добавлю: тех, кто не хочет и не умеет учиться.

Загладин В.В.

Реплика

Предвидеть последствия предпринимаемых преобразований? Задача, решение которой еще никому не удавалось. Известный страх перед будущим, смутные опасения неожиданного всегда посещали реформаторов. Но они заглушали их, надеясь на то, что, в согласии с исповедуемой ими идеологией, неожиданное подчинится схеме. Что будущее окажется не более чем улучшенным настоящим. Но ведь любая идеология есть не что иное, как застывший слепок прошлого, в котором она родилась. А

глубокие преобразования неизбежно меняют как сам их объект, то есть общество, так и их субъект, то есть Человека. Рождается не повторенное вчера, а уникальное завтра. Только свобода от идеологических шор, от умозрительных схем позволяет если не предвидеть, то хотя бы предчувствовать возможный поворот событий. Однако свобода такого рода достигается с трудом. И приходит она, как правило, слишком поздно...

Межуев В.М.

Сталинизм возможен и без Сталина

Любое значительное историческое событие необходимо рассматривать в двух контекстах – того времени, когда оно происходило, и сегодняшнего дня. Только в этом случае можно оценить его действительный масштаб. Историкам более интересен первый контекст, философам – второй. И не всегда взгляды тех и других на одно и то же событие совпадают.

Я не принадлежу к тем, кто считает XX съезд лишь эпизодом той истории, которая уже ушла в прошлое, закончилась, т.е. истории КПСС или советской истории. По своему значению этот съезд выходит далеко за рамки породившего его времени. Не было бы съезда, не было бы и перестройки, всего, что произошло за последнее десятилетие.

Этим я вовсе не провожу прямой параллели между «оттепелью», начатой XX съездом, и перестройкой, между Хрущевым и Горбачевым. Никакой идентичности здесь нет. И все же одно немыслимо без другого: перестройка стала логическим продолжением процесса, начало которому было положено XX съездом. И суть этого процесса – в постепенном отделении социализма от сталинизма.

Когда проходил XX съезд, я был студентом, учился в МГУ на философском факультете. Для нас, вступающих тогда в жизнь, этот съезд означал нечто иное, чем для наших родителей и старшего поколения, пережившего ужасы сталинизма. Те увидели в нем конец репрессиям и начало реабилитации невинно пострадавших людей. Нас же поразило в первую очередь, что Сталин отныне – не классик марксизма-ленинизма, что его можно не цитировать и даже в чем-то критиковать. XX съезд вошел в наше сознание как открытие того, что социализм и сталинизм – не одно и то же.

К сожалению, и сегодня нет четкого понимания того, чем был и является сталинизм. Его почему-то до сих пор отождествляют с коммунизмом, социализмом, марксизмом, большевизмом. Попытку развести эти понятия и предпринял впервые XX съезд, хотя не довел ее до конца, остановился в самом начале. В докладе Хрущева сталинизм был сведен к личности Сталина, к отрицательным чертам его характера, ставшим якобы основной причиной всех бед и несчастий сталинского периода – беззаконий, террора, лагерей и пр. Борьба со сталинизмом исчерпывалась фактически критикой «культа личности» Сталина. Сталинизм, конечно, ярче всего репрезентируется именно этой фигурой, но далеко не все в нем может быть объяснено только особенностями и свойствами сталинской психологии.

Сталинизм возможен и без Сталина. Как марксизм не сводится только к Марксу, так и сталинизм – явление более сложное и широкое, чем СССР при Сталине. И одним лишь развенчанием Сталина сталинизм не победишь. Следующим шагом на пути осмысления и преодоления сталинизма стала перестройка, продолжившая процесс очищения от него социализма. Удалось ей довести этот процесс до конца? Если сегодня – в постперестроечный период – среди сторонников нынешнего режима мы встречаемся с негативным отношением к XX съезду, это означает, на мой взгляд, что в воздухе снова запахло сталинизмом. Да и негативное отношение к самой перестройке со стороны людей, называющих себя демократами и либералами, говорит о том, что они болеют той же болезнью. Сколь враждебно ни были бы они настроены к прошлому, они не могут называться демократами, отрицательно относясь к первым, пусть и не до конца реализованным попыткам демократизации страны. Про коммунистов, защищающих Сталина, и говорить нечего.

Да, в нашей истории был и Сталин, и XX съезд. Уже одно это не позволяет изображать ее одной краской, сводить к общему знаменателю. В ней действовали разнонаправленные тенденции, шло столкновение противоположных сил, борьба между которыми продолжается и сегодня, причем исход ее далеко не ясен. О наличии этой борьбы свидетельствует сама смена периодов в нашей истории, каждый из которых как бы отрицает предыдущий. Не будем забывать, что XX съезд с его «оттепелью», сменившей период сталинского правления, закончился трагически. На

смену ему пришел период «застоя», брежневизм, в котором многие по праву увидели неосталинизм, пусть и в смягченном варианте, без крайностей сталинского режима. Но ведь и конец перестройки в августе 1991 года был трагическим. Возможно, кому-то кажется, что тогда окончательно победили демократы. Я склонен думать иначе: последующие события убедили меня, что мы имеем дело с новым рецидивом сталинизма. Послеавгустовский режим освободился от социализма и коммунистической идеологии, но не от сталинского стиля политического мышления и поведения, еще раз подтвердив, что социализм и сталинизм – разные вещи. Само противостояние этих периодов лишь наглядно выражает неоднозначность, конфликтность действующих в нашей истории тенденций.

Одна из них, как я уже говорил, представлена XX съездом и перестройкой. Это как бы одна линия, суть которой – в отделении социализма от сталинизма и его сближении с демократией и либеральными ценностями. Другая – в попытках того или иного возрождения сталинизма, либо выдаваемого за социализм (как при Брежневле), либо откровенно антикоммунистического и антисоциалистического (как сейчас). Сталинизм возможен и без социализма, на капиталистической почве, в союзе с банковскими магнатами и финансовыми воротилами. Ельцин в моем представлении – продолжение линии не Хрущева и Горбачева, а Сталина и Брежневле. Это сталинизм без социализма, сталинизм в иной идеологической упаковке.

Казалось бы, что общего у Ельцина с Брежневым и Сталиным помимо, разумеется, партийного прошлого? Все же он – первый «всенародно избранный». Данное обстоятельство не должно, однако, вводить в заблуждение. Здесь нет никакой его личной заслуги. Он действительно пришел к власти на пике своей популярности в результате всеобщих и свободных выборов. Но это было в другой стране и при другом режиме. Хотя режим тот и называл себя коммунистическим, он позволил Ельцину вполне демократическим и конституционным путем стать Президентом одной из республик СССР. Но что он сделал с этим режимом и с этой Конституцией? Он ликвидировал их, навязав стране новую Конституцию, наделившую президентскую (т.е. его собственную) власть полномочиями чуть ли не абсолютного монарха. Я не буду описывать здесь остальных его «подвигов» – они хорошо известны. Развал СССР, расстрел

Верховного Совета, антинародная реформа, война в Чечне – все это вехи на пути отнюдь не демократического развития. И все же не только и не столько это заставляет меня считать Ельцина продолжателем сталинско-брежневской линии. Связь тут более сложная и не лежащая на поверхности. Ее и нужно учитывать в оценке политического лидера, не обманываясь теми идеологическими этикетками, которые он наклеивает на себя. Он может называть себя демократом и реформатором, оставаясь на деле и по духу своему самым настоящим сталинистом.

Что, собственно, следует считать сталинизмом в таком, самом широком смысле слова? Его часто отождествляют с деспотической и тиранической формой власти, с массовыми репрессиями и государственным террором. Но диктаторы и тираны встречаются в истории любой страны, из чего не следует, что все они обязательно должны быть уподоблены Сталину. Иван Грозный и Петр 1 убивали людей с не меньшей жестокостью, чем это делал Сталин (почему они и вызывали у него симпатию), но и это не повод для того, чтобы усматривать в них предшественников и родоначальников сталинизма. Сталинизм, разумеется, – предельно антидемократическая форма правления, но природа этого антидемократизма совершенно особая, специфическая, не имеющая прямых аналогов ни в монархическом самодержавии, ни в традиционных формах авторитаризма.

Сталинизм в моем понимании – не столько политическое, сколько идеологическое явление. Идеология сталинизма объясняет и его политическую практику. А в основе этой идеологии лежит всем хорошо известный миф о победе социализма в одной стране. Когда-то мы заучивали его как непререкаемую догму. Объявив социализм построенным, Сталин выдал за него им же самим созданный режим, отождествил социалистическую идею с реальностью своего собственного правления. Здесь истоки и идеи «реального социализма». Тем самым реальность, названная социалистической, была идеологизирована, а идея, получившая статус реальности, мифологизирована, превращена даже не в утопию, а в миф, выдающий за реальность то, что никогда ею не было. Ленин, например, понимал, что социализма в реальности нет и еще долго не будет, что ему предшествует длительный переходный период с элементами рыночной экономики. Через десять лет после смерти Ленина Сталин объяв-

ляет о победе социализма в СССР, что и составило его личный вклад в теорию. Социализм фактически был приравнен к... сталинизму. С тех пор они и считаются синонимами.

Те, кто разделяет эту главную идею Сталина, и являются, по моему мнению, сталинистами.

Обосновать подобную идею теоретическими средствами невозможно: слишком многое в реальной жизни противоречит тому, что люди связывают с целями и идеалами социализма. Поэтому Сталин вполне логично заменил теоретическую аргументацию уголовно-репрессивной – все несогласные или подозреваемые в несогласии подлежали физическому устранению. Сталинский террор прямо вытекал из сталинского мифа о победившем социализме. Если Сталин утверждал: «социализм – это я», то все сомневавшиеся в этом автоматически считались врагами народа и социализма.

Как ни странно, на эту сталинскую удочку попались сегодня и те, кто защищает Сталина, и те, кто его отвергает. Например, ортодоксальный коммунист Р.И.Косолапов, с одной стороны, и ярый демократ А.Н.Яковлев – с другой. Находясь, казалось бы, на противоположных позициях, они исходят из одной и той же идеи – тождества социализма и сталинизма. Только Косолапов делает вывод о том, что Сталина нельзя трогать, иначе загубишь и социализм, а Яковлев призывает покончить и с социализмом, и с марксизмом, чтобы окончательно разделаться со сталинизмом. Для этого он превратил в сталинистов и Маркса, и Ленина. Он смотрит на предшествующую историю как бы сталинскими глазами, с позиции духа и буквы сталинской догмы. И Косолапов, и Яковлев – продукт одной и той же сталинской выучки. Один – явный сталинист, другой – вроде бы борец с ним, но кончали они явно одну и ту же школу.

Но, может быть, действительно лучше заодно со сталинизмом покончить и с социализмом, сразу стать капиталистической страной без того и другого? Но вот беда: антикоммунизм и антисоциализм в качестве официальной политики породили режим, весьма далекий и от демократии, и от нормального рынка. Очень многое напоминает прежние порядки: опять один человек является гарантом всего и вся, опять ему нет альтернативы, опять все в стране вершится его именем. С социализмом покончили, но к демократии и капитализму так и не пришли. А все потому,

что наши «липовые» демократы не усвоили уроков ни XX съезда, ни перестройки, сделавших попытку развести социализм с той реальностью, которая сложилась в стране со времен Сталина. Выдав борьбу с социализмом за борьбу со сталинизмом, корни сталинизма сохранили, а они не в социализме кроются, а в мышлении властей, отождествляющих идею, идеологию – неважно какую – с самими собой. Если Сталин думал, что он и есть олицетворение социализма, то Ельцин только в себе видит гаранта рыночных реформ и демократии. Но там, где демократия держится на одном человеке (без него она якобы потерпит поражение), она ничем не лучше социализма, утверждаемого волей одного лица. И я уверен, что ельцинизм войдет в нашу историю как еще одна разновидность сталинизма.

Кьеза Джульетто (Италия)

Комплекс провинциализма

Я считаю, что в рамках общей дискуссии вычленяются чрезвычайно актуальные и, на первый взгляд, частные темы. Я имею в виду проблему взаимоотношений и взаимосвязи между демократией и социализмом. Именно этой темой я и хочу ограничиться. Причем прошу рассматривать мою реплику лишь как продолжение выступления профессора В.Межуева, позицию которого я полностью разделяю.

Дело в том, что все дискуссии о демократии, которые идут сейчас в России, происходят на фоне глубочайшего кризиса демократии и либерализма на Западе. И мне кажется, что многие российские адепты демократии либо не осознают этого, либо просто закрывают глаза на факты, очевидность которых на Западе мало кто может оспорить.

А ведь это обстоятельство в корне меняет всю постановку проблем в нашей дискуссии. И когда в связи с 40-летием XX съезда говорят о победе «демократии» и «капитализма» и о кончине «коммунизма и тоталитаризма», надо хотя бы упомянуть, в каком состоянии находятся сейчас эти ценности и вообще либерализм в наиболее развитых странах мира.

Повторяю, славословие в адрес западных ценностей в российских дискуссиях принимает такой характер, которого на Западе вы уже не встретите. Этот, я бы сказал, комплекс провинциализма не только обед-

няет дискуссию, но и крайне опасен вообще. Нельзя в качестве целей выдвигать те ценности, которые на самом Западе или уже умерли, или скоро умрут. Между тем радикал-демократы и так называемая демократическая интеллигенция России повторяют устаревшие стереотипы, ратуют за то, чего уже нет. Пытаясь имитировать Запад, а точнее – то, что уже умирает на Западе, – они совершают трагическую ошибку, не понимая того, куда ведут.

В этом отношении меня приятно поразили крайне интересные выступления, которые я услышал сегодня на этой конференции в Горбачев-Фонде. Те силы, которые «не хотят терять Россию» – мне понравилась эта фраза, – справедливо считают, что дискуссия о соотношении демократии и социализма только начинается. Причем оба термина, как и понимание «либерализма» вообще, претерпели достаточно большие изменения и модификации. И надо не повторять зады прежних, устаревших взаимных нападок, а начинать размышлять заново. Рад, что именно здесь я увидел начало такого разговора. Спасибо.

Волобуев О.В.

Внутренние мотивы политических акций

В обобщающей работе по истории Советского Союза английского профессора Хоскинга, в разделе, посвященном XX съезду КПСС, есть такой подзаголовок: «Управляемая десталинизация». В какой-то мере с этим определением можно согласиться. Но только в какой-то мере. Пользуясь современной терминологией, можно было бы сказать – «номенклатурная десталинизация». Важно лишь помнить, что когда тот или иной процесс спускается сверху, потом он может развиваться не совсем так, как предполагали запускаявшие его.

Поэтому мне представляется, что после XX съезда шли параллельные процессы. С одной стороны, действительно имела место управляемая десталинизация. А с другой – десталинизация, протекавшая в обществе стихийно, и верхи не всегда могли управлять им. Я бы, пожалуй, не согласился с мнением Виктора Шейниса – если я его правильно понял – о том, что очень неглубоким был след, оставленный XX съездом. Мне кажется, что он был глубоким. И имел долговременные последствия.

Сошлюсь на разговор Бурлацкого, который приводится в его книге, с членом редакционной группы XX съезда С.П.Мезенцевым. Мезенцев сравнил доклад Хрущева с бомбой замедленного действия. Когда взорвется – неизвестно. И что оставит после себя в нашей идеологии – тоже непонятно. Причем эта оценка, как утверждает Бурлацкий, относится как раз к тому времени, когда только-только закончился XX съезд.

Очень важен для историков вопрос, какими мотивами руководствовались исторические деятели, идя на те или иные акции. И насколько они просчитывали последствия.

Вопрос о мотивации – один из самых сложных в истории. Нам хорошо известны те или иные события, мы можем их описать, но мотивация тех или иных действий не всегда ясна. К тому же иногда она запутывается в воспоминаниях современников и особенно деятелей, причастных к этим событиям.

Упомянем прежде всего мотивацию, о которой на конференции уже говорилось, – «заставить сказать правду». Это из мемуаров Хрущева. Конечно, такой мотив был, но был ли он решающим? Вообще здесь интересно то, что импульс к развенчанию или к критике культа личности Сталина исходил «сверху». В той исторической обстановке трудно было ожидать, что он пойдет «снизу». Поэтому возникает вопрос: почему верхи, точнее какая-то их часть, решились на этот шаг?

Анализируя историческую ситуацию того времени и воспоминания о нем, можно сформулировать несколько мотивов. В частности, шла борьба между существовавшими в верхах группировками и, наверное, разоблачение культа личности Сталина в той или иной мере было связано с этой борьбой, с попытками таким образом подорвать позиции соперников. Иными словами, велись номенклатурные игры.

Вспомним, как Хрущев, выступая на XX съезде с докладом, обращался к Ворошилову: «а вот ты» и т.д. (это можно прочесть в стенограмме съезда, поэтому не привожу всех этих обращений). Здесь явно просматривалась попытка подрыва позиций соперников.

Здесь же просматривается и такой аспект – обеспечение безопасности номенклатуры, или партийно-государственной бюрократии от репрессий. Тем более что борьба группировок в верхах тоже могла в даль-

нейшем привести к репрессиям, чего некоторые не без основания опасались.

Нельзя исключать и такого мотива, как утверждение собственного авторитета, утверждение своего лидирующего (вождистского) положения в партии и обществе через развенчание культа личности Сталина.

Если говорить о мотивах вообще, то их можно разделить, как мне представляется, на две группы.

Одни мотивы связаны с политической целесообразностью, с той или иной политической тактикой. Другие – назовем их условно благородными мотивами – это восстановление справедливости и другие нравственные стимулы.

Что касается благородных мотивов восстановления справедливости (сошлюсь еще раз на Волкогонова, который пишет, что это была попытка «восстановить справедливость»), то я не исключаю их. Но мне кажется, что такой мотив мог появиться в процессе подготовки к XX съезду, а может быть, и на самом съезде. Вообще, когда мы оцениваем то или иное выступление, тот или иной доклад, будь то на партийных съездах, будь то на заседаниях Верховных Советов, то большое значение имеет даже то, *как* выступает политический деятель. И тут любопытна неистовость, яростность выступления Хрущева, что отмечено, скажем, в воспоминаниях И.С.Черноуцана – консультанта Отдела культуры ЦК в то время. Черноуцан, в частности, пишет, что Хрущев выступал с особой ненавистью, говорил о Сталине с ожесточением. А почему с особой ненавистью, ожесточением? В какой-то мере это можно объяснить. Нужно было убедить делегатов. Отсюда и эмоциональный подъем, эмоциональная напористость. Но судя по всему, Никита Сергеевич, находясь в эйфорическом возбуждении, не отдавал себе отчета в том, какой резонанс будет иметь его доклад внутри страны и за рубежом.

Думаю, была и такая причина: как Сталину требовалась своя партия (помните очищение от «ленинской гвардии», т.е. от поколения, которое формировалось в другие времена?), так и Хрущеву, видимо, нужна была своя партия, очищенная от людей, преданных Сталину и сталинизму, хотя и сам Хрущев был заражен сталинизмом, что он и признает в своих мемуарах.

Мало было сменить номенклатуру – а такая смена была произведена. Нуждалась в обновлении вся партия. Я сделал подсчеты, сколько человек вступило в партию за три года с XIX съезда по XX съезд и сколько за три года с XX по XXI съезд. Оказалось, что в послесталинское трехлетие в партию вступило более миллиона человек, т.е. в три раза больше, чем за трехлетие после XIX съезда, давшего прибавку в 333 тысячи. Другими словами, шло обновление и руководящих кадров, и всего состава партии. Но над этой динамикой надо еще подумать.

Во всяком случае, новая партия, конечно, нужна была Хрущеву. Другое дело – создал он ее или нет. Но попытки такие были. В какой мере осознанные – трудно сказать.

Но вот что важно. Никакого покаяния сверху в тот период, конечно, не было. Очищения партии тоже не произошло. Политическая элита по существу осталась прежней, в прежней парадигме. Вот почему стало возможным так легко повернуть все эти процессы вспять. И уже совсем другое дело, что получилось потом.

Серебрякова З.Л.

Оттепель, заморозки, оттепель...

Умер Сталин, и у миллионов заключенных в тюрьмах, лагерях и в ссылке отступил мучительный страх, проснулись немислимые ранее надежды и ожидания.

Реальные же перемены в их судьбах начались после ареста Берии: иным становилось отношение к «врагам народа», смягчался общий режим, сокращались сроки наказания.

Однако даже возвращавшиеся «на волю» чувствовали ограничения в правах как политически «скомпрометировавшие себя» лица. Эта негласная формула распространялась на большинство реабилитированных и на всех амнистированных. Характерно, что когда летом 1955 года я с сыном вернулась в Москву и жила у друзей, к ним внезапно пришли из милиции и потребовали, чтобы мы с ребенком в 72 часа покинули столицу. Помню взволнованный голос Елены Дмитриевны Стасовой, говорившей в те дни с кем-то из прокуратуры: «Безобразие, вы даже детей до сих пор не реабилитировали». Подробным рассмотрением каждого дела невозможно было разорвать колючую проволоку, опутавшую страну. В

то время Никита Сергеевич Хрущев, среди тех кому доверял, высказывался о сталинских репрессиях откровенно с ненавистью, говорил о необходимости реабилитировать миллионы людей. Для этого необходимо было совершить подвиг, раскрыв туманное понятие «культ личности», назвав по имени виновника трагедии.

Первоначально предполагалось, что с разоблачением Сталина на XX съезде партии выступит А.В.Снегов – старый большевик, многолетний «зэк», назначенный в 1956 году одним из руководителей ГУЛАГа. Однако такое выступление оказалось по силам только самому Н.С.Хрущеву. Участник событий Д.Т.Шелепин вспоминал: «До съезда капитального обсуждения доклада не было... Говорили об этом – да, но возможность выступить на съезде с докладом многих пугала». И далее о Хрущеве: «Это целиком и полностью его и только его идея». Нетрудно представить, какое требовалось мужество, чтобы всего через три года после смерти Сталина, перед сотнями наиболее приближенных к нему высокопоставленных лиц говорить о преступлениях обожествленного кумира.

Даже сейчас, через 40 лет, сталинисты и неосталинисты агрессивны и непредсказуемы, а тогда на съезде Н.С.Хрущеву, несомненно, угрожала опасность.

Подготовленный П.Н.Поспеловым к закрытому заседанию съезда текст доклада был безлик и стал еще более обтекаем после соответствующей обработки. Никита Сергеевич сам добавил те кричащие факты, которые трогают, волнуют и теперь, хотя мы уже знаем так много. Он первый открыто говорил о нечеловеческих страданиях людей, неповинных ни в каких преступлениях, о беззакониях, воцарившихся в стране по воле Сталина во имя его беспредельной личной власти. Глубинный смысл доклада был направлен на то, чтобы отделить искусственно соединенные в культовые времена имена Ленина и Сталина – ведь сталинский террор острием своим был направлен против соратников Ленина, видных большевиков и затем уже остальных сограждан.

Огласив на съезде сталинский приказ о применении пыток, прочитав выдержки из писем арестованных, не выдержавших моральных и физических мук и подписавших фантастические, вымышленные показания, Хрущев тем самым раскрыл истоки вынужденных признаний. Его

речь потрясала, и в этом была ее гигантская сила. Сила, которая дала возможность освободить, реабилитировать сотни тысяч, миллионы людей, снять с них клеймо особо опасных преступников, врагов народа.

Верхушка партии и государства явно была застигнута врасплох, да и сотрудникам судебных и карательных органов трудно было что-либо противопоставить речи Хрущева – горькой правде, не только всколыхнувшей делегатов съезда, но и волной прокатившейся по всей стране, по всему миру.

Толпы еще вчера безгласных людей хлынули в Военную коллегия Верховного суда, Прокуратуру СССР уже не с робкой просьбой о справедливости, а требуя ее, ссылаясь на слова лидера страны, произнесенные с трибуны съезда. Были созданы 97 комиссий Верховного Совета СССР, многочисленные комиссии с участием старых большевиков, которые разъехались по всему ГУЛАГу, возвращая жизнь, свободу, добрые имена наиболее бесправным и униженным. Надо отдать должное А.И.Микояну, принявшему непосредственное участие в реабилитациях; тогда часто можно было услышать: «Анастас Иванович помог».

Весной 1956 года была создана Комиссия Президиума ЦК для дальнейшего расследования репрессий 1936-1938 гг. К сожалению, возглавил ее Молотов, наименее заинтересованный в раскрытии истины. 13 апреля принимается постановление «Об изучении материалов открытых судебных процессов по делу Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Тухачевского и др.». И вновь председателем стал Молотов, предвещая отрицательные выводы комиссии. Наряду с признанием, что «...массовые репрессии по государственной линии явились результатом злоупотребления властью со стороны И.В.Сталина», молотовская комиссия утверждала, что оснований для пересмотра дел в отношении Бухарина, Рыкова, Зиновьева, Каменева не имеется, поскольку они-де «на протяжении многих лет возглавляли антисоветскую борьбу, направленную против строительства социализма».

В декабре 1956 года снова заговорили о «вылазках антисоветских враждебных элементов» – на этот раз в выводах комиссии, которую возглавлял Л.И.Брежнев. В то время, особенно в первой половине 1957 года, противодействие политике, проводимой Н.С.Хрущевым, чувствовалось во всем. И все же освобождение узников ГУЛАГа продолжалось. Срав-

ним цифры. За три года – с 1953 по февраль 1956 г. было реабилитировано 7679 человек, а после XX съезда – с марта 1956 по 1961 год – более 700 тысяч осужденных. Сохранялось лишь табу, наложенное на реабилитацию лидеров антисталинских оппозиций.

Однако в 1961г. комиссия ЦК КПСС под председательством Н.М.Шверника вернулась и к этим делам. В феврале 1963 года подведены итоги проверки материалов основных судебных процессов 1934-1938 годов. Сообщены общие статистические данные, особенно потрясавшие количеством расстрелянных. В 1937-38 гг. казнено более миллиона, причем, 631897 человек, по неполным данным, – решением внесудебных органов.

В те же годы сталинского террора расстрелян миллион партийных активистов, три миллиона отправлены в лагеря.

Важным выводом комиссии Шверника была констатация того, что дела, по которым в 1934-1938 годах проводились судебные процессы, были сфальсифицированы и подлежали прекращению. В выводах: «Такой чудовищный произвол допускал вопиющее беззаконие, грубо попрал элементарные нормы права и социалистической морали» – подчеркивалось: «Сталин совершил тягчайшее преступление».

Подкрепленное неопровержимыми фактами, заключение комиссии в то же время не могло не вызвать явного и скрытого раздражения и недовольства М.А.Суслова, Л.И.Брежнева, Н.Г.Игнатова, А.Н.Косыгина и многих, многих других все еще влиятельных сановников, оставшихся со сталинских времен в высших эшелонах власти. Потому-то не вызывает удивления постановление Президиума ЦК направить все документы и материалы комиссии на специальное хранение, запечатав в контейнер с надписью, разрешающей вскрыть его только по особому решению руководства ЦК КПСС.

Идеологические мероприятия тех лет, статьи в «Правде» и других партийных изданиях отражают силу сопротивления дальнейшему разоблачению преступлений прошлого. Выводы комиссии Шверника показали, что Троцкий не совершал никаких преступлений, однако его имя вновь превращают в жупел.

Верю, что А.И.Микоян выступал за полную реабилитацию Н.И.Бухарина и других «правых», но, судя по его более поздним воспо-

минаниям, к Троцкому и троцкистам, изначально противникам Сталина, он по-прежнему относился враждебно. Подобная позиция, по видимому, приводила к двойственности в его взглядах на проблему дальнейшей десталинизации и тем самым на поддержку Никиты Сергеевича. Вместе с тем убеждена, что не было изменений в основной политической линии самого Хрущева. Если бы он отступил от идей XX съезда, возможно, не было бы и заговора против него.

Не могу согласиться с бытующим ныне в среде историков мнением, что уже 1963 год ознаменовался наступлением «идеологических заморозков». Тогда еще печатались многие смелые произведения, приоткрытые архивы не закрылись вновь. Отзвуком XX съезда стало совершенно забытое Всесоюзное совещание историков, проходившее в Москве с 18 по 21 декабря 1962 года. О нем не упоминается ни в истории общественных наук, ни в рассказах об «оттепели». А событие было необычное, выступления – яркие и интересные. Наряду с историками говорили старые большевики, вернувшиеся из заключения.

Сенсационно для того времени прозвучали слова П.Н.Поспелова: «Я могу заявить, что достаточно внимательно изучил документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были». Издание в 1964 году материалов этого совещания практически без цензурной правки подтверждает, что восстановление исторической правды продолжалось и в тот критический год.

В Комитете партийного контроля при ЦК КПСС продолжался пересмотр, вернее, дополнительное расследование судебных и партийных дел тех, чьи имена с 20-х годов символизировали противодействие сталинщине. Нас, близких к осужденным на процессах 1936-1938 годов, приглашали в КПК, беседовали, всячески ободряли и, вплоть до октября 1964 года, повторяли, что реабилитация совсем близка. Вновь, как когда-то в 1956 году, ждали пленума ЦК. Он должен был состояться в ноябре и официально посвящаться, кажется, сельскому хозяйству, но главное – на нем ожидалось решение политических вопросов.

Думается, что если бы не готовность Хрущева дать ход результатам комиссии Шверника, заговорщики так бы не торопились осуществить свои замыслы. Одно из подтверждений этой версии в том, что после снятия Н.С.Хрущева со своих постов все работы КПК, связанные с мате-

риалами закрытого заседания XX съезда, прекратились буквально на следующий день. Добрые обещания сразу же сменились официальными рекомендациями впредь обращаться только в судебные органы.

С 1965 года становилось все более запретным не только упоминание о массовых казнях и репрессиях, но и о самом XX съезде. Даже в трудах профессиональных историков о нем можно было упоминать лишь мельком, в связи с пресловутым «культутом личности».

В 70-е годы произошел курьезный случай: после очередного отказа реабилитировать моего отца Леонида Петровича Серебрякова и отчима Григория Яковлевича Сокольниковца моя мама Галина Серебрякова обратилась «наверх». Суслов лично принял ее, и я помню ошеломленный вид мамы, когда, вернувшись со Старой площади, она рассказывала мне: «Представь – Суслов показывал на какой-то шкаф или сейф, и со злобной удовлетворенностью повторял: «Они все здесь». О судебных делах говорил, как о все еще существующих людях: «Никогда они отсюда не выйдут». Тогда действительно казалось, что полная правда о трагически погибших никогда не станет известна.

В 1985 году вновь ожили идеи и благородные дела XX съезда. В годы перестройки впервые в СССР был опубликован доклад Н.С.Хрущева. Во второй половине 80-х его основные положения были не просто пополнены и подтверждены гигантским, до тех пор совершенно секретным архивным материалом, но и многократно расширены и углублены.

Насколько трудно было Михаилу Сергеевичу Горбачеву и тем, кто работал рядом с ним, проводить преобразования, показали не только события, разыгравшиеся вокруг статьи Нины Андреевой, но и все более ожесточенное сопротивление крайне левых и крайне правых. А ведь правдивый анализ прошлого, восстановление справедливости были необходимы не только ради исторической истины, памяти жертв незаконных и произвола, но и для решения насущных задач демократизации, законности, гласности.

К 1990 году были реабилитированы 838630 человек – больше, чем за все время хрущевской «оттепели». Среди них посмертно и те, о ком некому было хлопотать. Оставшиеся в живых и близкие погибших

получали очень нужную материальную и иную помощь, на которую и рассчитывать уже не могли.

Начались поиски мест массовых казней и захоронений, с тем чтобы возвести там знаки памяти. Не могу судить о, вероятно, превосходном, но далеком памятнике, созданном Эрнстом Неизвестным, но вот в Москве и Подмосковье их успели установить всего несколько: открытый осенью 1990 года Соловецкий камень на Лубянской площади, летом 1991 года – мемориальная плита в Донском крематории на могиле «невостребованных прахов», мемориальные знаки в Бутове, на Ваганьковском кладбище и готовящийся к открытию памятник на Николиной горе. Возможно, есть еще несколько подобных памятных знаков, но, право же, вызывает удивление, что нынешние руководители государства, щедро тратящие деньги на строительство храмов, столь равнодушны к памяти своих погибших сограждан.

По какой-то зловещей закономерности после октябрьского пленума ЦК КПСС в 1964 году и вслед за уходом М.С.Горбачева с поста президента СССР имя главного палача – Сталина все более выводится из-под ответственности. Его портреты в «благостном» виде мелькают на обложках книг, с экранов телевидения, тиражируются по случаю юбилейных дат.

Показательно, например, что в книге М.Докучаева «Москва, Кремль. Охрана», восхваляющей Сталина, снова появляются враги народа и Троцкий, якобы дающий «установку на террор». Гамарника, Тухачевского и ряд других полководцев Красной армии автор зачем-то изображает германофильской мафией, а Вышинского, Ежова, Берию и им подобных – «во всем величии раскрывающих моральные качества чекистов». И это клеветническое зелье рекламируется в «Книжном обозрении» как бестселлер номер один?!

Живучесть сталинизма подчеркивает значение тех, кто выступил против его преступной теории и практики. Михаил Сергеевич Горбачев, возглавляя страну, завершил начатое XX съездом: сказана правда, пусть даже не вся, о сущности сталинского террористического режима, реабилитированы его жертвы.

В годы перестройки впервые были сняты все запреты на имена, опубликованы опороченные и изъятые когда-то научные труды, литера-

турные произведения разных направлений и школ! Перестало караться инакомыслие, эмигрантам вернули права гражданства в родной стране, и, наконец, в 1991 году в тюрьмах и лагерях не осталось ни одного политического заключенного.

Через десятки лет, казалось бы, нереальные, неисполнимые сверхзадачи XX съезда были воплощены в жизнь и в нашу историю вписаны замечательные, светлые и славные страницы. Очень хотелось бы верить, что так оно есть и будет.

Злобин Н.С.

Хороших диктатур не бывает

Даже сейчас, когда приводимые коллегами факты и цифры преступлений сталинщины, в общем, нам более или менее известны, один их перечень приводит в содрогание. Поэтому невозможно понять тех, кто пытается поставить под сомнение значение XX съезда. Достаточно было бы уже только того, что миллионам людей возвратили доброе имя, хотя бы после смерти. А миллионы их родственников, детей... Но это еще далеко не все. Произошло изменение самого режима. После съезда отменили существовавшее, по сути дела, крепостное право. Было положено начало ликвидации гулаговского рабского труда. Короче говоря, чтобы не повторяться, я присоединяюсь к уже сказанному здесь, что во внутренней и международной жизни страны XX съезд КПСС сыграл переломную роль.

Но, может быть, самым главным явился перелом в самосознании людей. Наступившая «оттепель» вызвала оттаивание мозгов. Сошлюсь на собственную биографию. Я был достаточно убежденным сталинистом. Такими нас сформировали в школе, а тем более на философском факультете. Закрытый доклад Хрущева вызвал у меня шок, это была трагическая ломка всех представлений. Я в то время был комсомольским секретарем в одном из сибирских вузов и, получив текст для чтения в организации, читал и переписывал всю ночь. Для меня эта ночь была каким-то кошмаром. Вскоре после этого студенты начали задавать вопросы – вопросы, на которые мы отвечать не привыкли, не умели, да и боялись. А помимо этого доклада, информации никакой. Только «вражьи голоса». Ну и конечно, поначалу от ответов старался уходить, крутился. Но одна-

жды подошли ко мне две студентки-выпускницы и говорят: «Наль Степанович, нам с этими вопросами к преподавателю физкультуры идти?» И тут я понял, что думать-то надо самому, тем более что секретарь горкома партии по пропаганде, к которому я обратился за советом, ответил вопросом: «А кто из нас философ?». Я говорю: «Я». «Ну вот, – говорит, – ты мне все и объясни».

Правда, через год с небольшим меня уволили с кафедры марксизма-ленинизма «по несоответствию занимаемой должности» – слишком прямолинейно понял обязанность самостоятельно мыслить. Кстати, примерно в то же время двоих моих друзей в Москве арестовали, а потом обоих объявили сумасшедшими. Это был 1957 год. Так что не следует и идеализировать последствия XX съезда. Оттепель – еще не конец зимы.

Номенклатура в основном осталась и не отказалась от условий, обеспечивавших ее властвование. А власть у нас была (и остается) капиталом. Как отмечал Маркс, при отсутствии частной собственности и сохранении бюрократии, государство становится частной собственностью бюрократа. Так что без коренной трансформации всей системы, и партии в том числе, полностью преодолеть сталинщину было невозможно. А на такую трансформацию, несмотря на некоторые попытки, Никита Сергеевич пойти не решился. Или не успел.

И тут я хотел бы присоединиться к тому, о чем говорили Межуев и Бутенко: социализма в марксовом смысле ни в нашей стране, ни в других, конечно, никогда не было. И добавлю: и быть не могло. Потому что в одной, отдельно взятой стране, его построить невозможно. А если это страна еще и отсталая, крестьянская – то и подавно.

Думаю, что неудачи перестройки, которая, конечно же, продолжала позитивные тенденции, начатые XX съездом, объясняются тем, что не хватило решимости признать, что социализма не было. А вся псевдодемократическая свора перевертышей, хапуг воспользовалась этим в антикоммунистических целях, отождествляя социализм со сталинщиной. Так не мы ли сами подсунили им этот козырь, предложив перестраивать то, что еще не было построено, чего еще вообще не существовало?

Напомню, что Ленин, хотя у него и можно найти несколько отдельных фраз о построении социализма в России, никогда не утверждал, что социализм может победить в одной России. Ленин был деятелем ме-

ждународного социалистического движения, а не только российского. И установка была на мировую революцию. Он говорил, что мы только начнем, а потом победившие рабочие развитых стран будут показывать нам, как это (социализм) надо делать. То, что нам вдалбливали, будто Ленин пересмотрел взгляды Маркса о возможности победы социализма только во всех или хотя бы в наиболее развитых странах, было ложью. Нет этого у Ленина. Этот тезис Сталин провозгласил после смерти Ленина, в 1924 году. Вспомним «Государство и революцию»: социалистическое государство – отмирающее государство. Да как же оно могло отмирать в капиталистическом окружении? И когда сегодня звучат разные суждения относительно «державности», надо учитывать, что и сторонники, и противники ее исходят из того, что социализм у нас был или хотя бы мог быть. Но если от этого не отказаться, то в отдельно взятой стране неизбежно будет «державность», другого выхода просто нет. А если державность, то не социализм – так по Марксу и по Ленину.

В этой связи я очень поддерживаю высказанный в свое время Михаилом Сергеевичем и до сих пор повторяемый им (вплоть до недавнего его интервью со Славным в «Российском обозревателе») тезис о социалистической идее. Социалистическая идея – да. Что это значит? Это значит идеал. Это значит цель. Это значит смысл движения, развития. Но это не значит, что социализм можно построить у нас уже сейчас, сегодня, завтра, и тем более в противовес остальному миру. Дело в том, что трансформация Запада объективно идет в том же направлении. Здесь уже говорили, что на Западе рушатся либеральные идеи. Но и более того – сам смысл происходящих в мире процессов свидетельствует о том, что социалистические идеи рано или поздно восторжествуют. То есть, с моей точки зрения, другого пути у человечества просто нет.

Об этом свидетельствуют уже обнаружившиеся тенденции развития информационного общества, ломающие сложившуюся систему общественного разделения труда и выявляющие, что базовым основанием исторического прогресса выступает культура, развитие личности («развитие личности как самоцель» К.Маркс). Возможно, нам и обидно, что «у них» это произойдет раньше, чем «у нас». Но это не значит, что мы должны отказываться от социалистической идеи и от поиска адекватных путей ее реализации. Я хотел бы только добавить, что мне не нравится

ставшее модным в нашей стране (кажется, с подачи Ципко) противопоставление социализма и коммунизма. Я думаю, что все-таки это единый процесс, хотя, возможно, и довольно длительный. Иными словами, разрабатывая идею социализма, нужно иметь в виду идеалы коммунизма. Не следует только смешивать идеалы, цели и реальную направленность развития, это три разных понятия.

Что же все-таки у нас было, ежели не социализм? Это крайне важно осознать, чтобы противостоять огульному охаиванию прошлого и вовсе уж нелепому отказу от его достижений. Разве не была осуществлена в стране модернизация производства? Разве не превратилась она в кратчайшие сроки из отсталой в одну из наиболее развитых промышленных стран? Разве не вышла, несмотря на преступные массовые репрессии, на самые передовые позиции по грамотности, образованию? Неужели энтузиазм народа, создавшего все это (разве что кроме двух десятилетий «застоя»), можно объяснить бюрократическими ура-кампаниями, игнорируя веру в величие социалистических идей? Только нынешние озлобленные невежды, мнящие себя демократами, могут утверждать, что в истории искусства советский период – «черная дыра».

А на международной арене – разве социалистические идеи не сыграли конструктивно-позитивную роль? Сегодня даже Папа Римский признал, что в идее социализма немало полезного и что победа Октября привела к существенному изменению западного мира.

Так как же это могло быть? Тут полезно вспомнить, что Ленин характеризовал дореволюционный строй России как военно-феодальный империализм. Влияние этого наследия не удалось полностью преодолеть, что и определило многие черты сталинщины. Используя и эксплуатируя высокие лозунги социализма, административно-командная социально-политическая система в значительной мере воспроизводила принципы добуржуазного типа организации. Ленин в последних статьях предупреждал, что бюрократизм может победить революцию. Но у нас это была не буржуазная, а феодальная, добуржуазная бюрократия. Буржуазной бюрократии не нужен «культ личности», не нужна люмпенизация. Это бюрократия феодального типа организуется по клановому принципу, как и мафиозные «семьи» со всемогущим «крестным отцом» во главе и с

враждующими группировками. Так же, кстати, организуется ныне отечественная мафия не только в теневом, но и во властном вариантах.

Так вот, под лозунгами социализма сталинщина провела в стране модернизацию, «выжав» до предела все, что еще можно было выжать из добуржуазных форм, чего не «дожал» капитализм. Из этого противостественного сочетания мог получиться только гибрид, обреченный на бесплодное дряхление, на застой. Потому и получилось, что «во имя прибыли» на Западе стало выглядеть для человека привлекательнее, чем «во имя человека» у нас. Смешно винить в этом социализм, которого не было. Реальные перспективы для социализма раскрываются лишь в постиндустриальную эпоху.

Что же касается идей и идеалов социализма, то они распространились у нас в основном как тип религиозного сознания. Причем, что существенно, – не маскультовского (тут скорее, антикоммунизм преуспел), а патриархально-религиозного, добуржуазного характера. Не только широкие массы, но и подавляющая часть марксистских идеологов на деле не знали действительного учения Маркса, как не знают его и большинство нынешних ниспровергателей (выступления Яковлева и Лациса – яркое свидетельство тому). Но даже и осознававшие противоречия между идеями и реалиями социализма выступали в основном в роли попов-миссионеров. Думаю, что большинство здесь присутствующих (кто постарше) писали в свое время о «развитом социализме», хотя и смаковали между собой анекдот о семи его основных противоречиях. Мы активно поддерживали иллюзию, что социализм – это то, что у нас было и есть. Вот, мол, только немножко подправим, придадим ему «человеческое лицо», и все-таки получится у нас свой настоящий социализм.

Сегодня необходимо отказаться от этой иллюзии и, следовательно, от тезиса о «возрождении» социализма, потому что иначе невозможно опровергнуть обвинение в стремлении возратить страну в прошлое, со всеми его «прелестями». Если отстаивать возможность социализма в одной, причем снова ставшей отсталой, стране, то зюгановская «державность» не в меньшей мере, чем ельцинская «стабилизация», востребует расширения и ужесточения действий репрессивного аппарата и всего с этим связанного.

Но если так, – необходимо разрабатывать идею, концепцию социализма, пути и средства, адекватные этой идее. К.Маркс творил более ста лет назад, и нужно понимать, что очень многое с тех пор изменилось и многое надо пересматривать применительно к сегодняшнему дню. Не отказываясь от идеи, от идеала, не становясь бездумно на позиции социал-демократии западного типа. Мы все-таки в России, а от России отказываться не стоит. Я не вижу ничего крамольного в социал-демократии, и Ленин начал свою деятельность в Российской социал-демократической партии. Но именно в российской. Идея социал-демократии во Франции или в Бельгии – это одно. А у нас – существенно другое. Следовательно, и пути и средства должны отличаться.

И последнее, что я хотел бы сказать. Сегодня у нас очень тяжелая ситуация. Выбор оказался невелик. Эти люди умеют думать лишь о власти и своей собственности, а не о стране. Раскручивать же «третью силу», левый центр надо было начинать года два назад. Если действительно сложится такая коалиция, то надо в ней работать, отстаивая собственные позиции, чтобы диктатуры все-таки не было. Хороших диктатур не бывает. В этом, я думаю, мы убедились.

Зевелев А.И.

Сталинизм не исчез из нашей жизни

Профессор Межуев говорил о том, что «запахло сталинизмом». Формулировка довольно мягкая. Думается, что в обществе, общественном сознании и действиях имеются прямые проявления сталинизма. Сталинизм не исчез из нашей жизни потому, что наличествуют объективные и субъективные факторы, в свое время породившие это явление. Естественно, что они приобрели модифицированный характер.

Из объективных факторов я бы отметил два. Первый – отсутствие в России многопоколенных традиций демократизма. Те ростки демократизма, которые обозначились после XX съезда и особенно в годы перестройки, заглохли и глохнут. Яркий пример тому – антиконституционный переворот 1993 года, расстрел парламента.

Второй фактор связан с распадом, если хотите, с разгромом Советского Союза, вопреки народному волеизъявлению 1991 года. Здесь следует отметить два аспекта: антидемократичность самого Беловежско-

го, я бы сказал, тайного, подпольного акта, совершенного в духе методологии и практики сталинизма, и тех, кто после распада СССР пришел к власти в странах, обозначенных аббревиатурой СНГ. В большинстве случаев это люди, которые по своей ментальности, да и практической деятельности – сталинисты, мало что общего имеющие с демократией.

На грани объективного и субъективного находится такой элемент, как постоянное нарушение в России и других странах СНГ прав человека. Современные руководители, так часто повторяющие слова «права человека», вряд ли имеют научное представление о том, что это понятие включает в себе такое элементарное право, как оплачиваемый труд.

Переходя к субъективным факторам, я имею в виду возникновение в России, да и в других странах бывшего СССР, двух новых классов: «новых русских» и государственной бюрократии. Впервые о «новых русских» сказал Хендек Смитт, американский корреспондент «Нью-Йорк таймс» в книге «Русские». Сюда входят бизнесмены, банкиры, теневики. Они заполнили ту нишу, которую занимали и занимают арабские шейхи и нефтекоролы. «Новые русские» нажили огромные состояния за счет присвоения государственной собственности. В современной России это класс, имеющий классовобразующие признаки. Он формируется и будет в дальнейшем укрепляться при условии сохранения современного характера распределения собственности.

Второй новый класс – бюрократия – имеет в своей основе симбиоз бывших чиновников (коммунистов и комсомольцев) и новых бюрократов, присвоивших часть государственной собственности. Произошло слияние власти с капиталом и обмен власти на собственность.

Два новых класса могут жить и процветать при наличии диктаторской власти, являющейся их гарантом. Здесь взаимно переплетающиеся процессы: названные классы возникают благодаря появлению в России диктаторской власти, а сама диктаторская власть существует потому, что опирается на них.

Субъективным фактором я считаю и явление, обозначенное как «коллективный Распутин». Пущенное в оборот Аманом Тулеевым, это понятие ёмкое. В своей книге «Расколотая власть» (М. 1995 г.) я подробно описал физиономию этого явления. Не буду повторяться, хочу лишь

отметить, что он состоит из трех кланов: свердловская мафия, по аналогии с брежневской днепропетровской мафией, силовики и часть интеллектуалов, которые в последнее время пришли в президентские структуры. Но главное – это власть силовиков, определяющая лицо «коллективного Распутина».

Можно согласиться с выводом Сергея Ковалева о том, что хрупкий мост доверия, возведенный с трудом между обществом и властью, вопреки столетней традиции, снова разрушен.

В современных условиях сталинизм имеет две составляющих его ветви, которые лишь на первый взгляд кажутся антиподами, а на самом деле произрастают от одного корня. О первой ветви здесь уже говорилось. Она на поверхности. Яркое представление о ней дает статья Косолапова в «Правде». Но Косолапов не одинок. За ним стоит целая гвардия. Наша задача – исследовать происхождение и состав этой гвардии, ее социальную «физиономию» и причины, по которым она считает XX съезд аномалией, серьезнейшей ошибкой, которую современные сталинисты якобы пытаются преодолеть.

Вторая ветвь, как это ни странно, представлена структурой современного президента России, им самим.

Я отдаю себе отчет, что современный сталинизм не копия или хрестоматийное повторение сталищины, абсолютно всех ее отрицательных последствий и особенно варварского отношения к человеку, его правам и свободам. Это вряд ли возможно после того, что пережило общество в 30-е и первой половине 50-х гг. К тому же приверженцы сталинских методов – на словах противники сталинизма, отрекаются от Сталина и его деяний.

В свете такой постановки вопроса следует попытаться сформулировать сущность сталинизма как общественно-политического явления России, ответить на вопрос, каковы его важнейшие истоки.

Если признать, что главное содержание революции – вопрос о власти, то можно считать, что сталинизм – это комплекс определенных идей по захвату и удержанию единоличной власти в рядах большевистской партии и в СССР для осуществления своих амбициозных планов. Эта цель тщательно маскировалась двумя, как бы мы сегодня сказали, популистскими прикрытиями: благом народа и верностью ленинизму.

Другой предварительный вопрос, также нуждающийся в прояснении, – возможность произрастания сталинизма после того, как XX съезд нанес ему, как думалось, сокрушительный удар. Однако, с одной стороны, этот замах оказался недостаточно мощным, чтобы покончить с проявлениями сталинизма. А с другой – осталась питательная почва для его гальванизации. И первое, и второе обстоятельства после XX съезда и Постановления ЦК КПСС от 30 июня 1956 года проявились в том, что руководство партии стало отступать от этих идей в сторону отказа от подлинной борьбы за десталинизацию.

Сошлюсь лишь на некоторые факты. Вскоре после съезда Н.С.Хрущев на приеме в китайском посольстве заявил, что Сталина в обиду давать никто не собирается. На июньском (1957 года) пленуме ЦК КПСС Н.С.Хрущев заявил, что Сталин был жертвой его ближайшего окружения, которое якобы изолировало его от народа и толкало на преступления. После отстранения Хрущева от власти начинается форсированное восстановление в партии сталинских методов руководства, принимаются меры, если не по реабилитации Сталина, то по восстановлению памяти о нем, что особенно усилилось при Брежневе и Суллове. Это был регресс, вызванный тем, что остались слабо измененными сталинский тоталитаризм в обществе и партии.

Наконец, нельзя сбрасывать со счетов личностный фактор в российском историческом процессе. Он всегда имел непомерное значение – как раз в силу тоталитарных традиций. Достаточно назвать имена некоторых царей и вождей – Иван Грозный, Петр Великий, Александр Освободитель, Ленин – Мечтатель и Строитель нового общества. Они революционеры и реформаторы, либералы и консерваторы – и часто все это в одном лице. Б.Н.Ельцин не то чтобы уже вписался в этот ряд, но его менталитет как руководителя страны и одновременно как личность, сформировавшуюся в условиях сталинизма, нельзя понять и объяснить без предыдущих рассуждений.

Внимательное чтение ельцинских «Записок президента» показывает, что Борис Николаевич фактически представляет и оценивает себя как мессию для России. Он, в частности, пишет: «Я уже сам начал верить, что нахожусь под чьей-то невидимой защитой» или – «Меня не покидало чувство, что нам все время помогает какое-то чудо».

Сталин, наверное, в глубине души тоже думал, что он мессия для России и даже всего мира. Но у него хватило ума об этом вслух не говорить, надеясь, что об этом скажут другие. И они говорили.

Далее. Сталин знал и не сомневался в том, что он человек сильный, может быть, сверхчеловек. Ельцин об этом заявляет во всеуслышание. Он говорит о своей воле, решительности, что особенно он решителен в экстремальных ситуациях. Его стихии – конфронтация, кризис, ураган. И эта решительность с особой силой, видимо, проявилась в Чечне.

Еще об одном. Напомню, что римский император Веспасиан, ощутив приближение смерти, заметил, что чувствует, как становится Богом. Сталин, еще будучи живым, чувствовал себя Богом. Порою кажется, что Б.Н.Ельцин, который говорит о себе только в третьем лице, глядя в небо, чувствует голос свыше.

Сталина и Ельцина, конечно, многое различает. Со всей определенностью надо сказать, и это к чести Ельцина, о ряде важных преобразований демократического характера. Не могут в России повториться 1937-й или начало 50-х годов с их варварством по отношению к человеку, нет и не может быть сговора с фашизмом, осуществляется на практике свобода политических убеждений (о чем, в частности, свидетельствует и мое выступление), некоторые принципы интернационализма и т.д.

В заключение хотел бы сказать еще о двух аспектах.

Первое. После того как Сталин стал секретарем ЦК, он понял, что руководить такой страной, как Россия, нельзя без достаточной теоретической подготовки. Он пригласил к себе представителя так называемой «Бухаринской школы» Яна Стэна и изучал произведения Гегеля, Фейербаха, Маркса, Энгельса. Уезжая из Кремля на дачу в Волынское, они целый день штудировали эти и другие первоисточники.

Стэн в дневнике писал, что Сталин более или менее хорошо усваивал вопросы материализма. Но когда дело дошло до диалектики и особенно законов единства и борьбы противоположностей, отрицания отрицания, у них и начались серьезные споры, так как Сталин из-за своего катехизисного мышления не мог никак их понять. Впоследствии Стэн вместе с другими представителями «Бухаринской школы» был расстрелян.

Я бы посоветовал и нашим руководителям изучать диалектику, ибо без этого быть во главе России невозможно.

Сталинизм существует в современной практике. Поэтому происходит на первый взгляд незаметная, но имеющая место реабилитация Сталина, а главное – повторение некоторых черт и особенностей сталинщины. Ответственность за это лежит и на той части демократов, которые обслуживают власть. Наша задача, всех здесь присутствующих, сделать все возможное, чтобы преградить дорогу новому изданию сталинизма. Это важное условие подлинной демократизации нашего общества.

Иорданский В.Б.

Тогда... и сорок лет спустя

Вероятно, в жизни миллионов людей XX съезд КПСС явился самым сильным потрясением середины века.

Сталин скончался тремя годами раньше. В Москве в дни его похорон стояла холодная, угрюмая погода межсезонья. Небо было затянуто тучами. Пронизывающий ветер гнал по московским улицам пыль и мусор, заставляя людей в бесконечной, идущей к Колонному залу очереди вжимать голову в плечи, туже затягивать шарфы. Доски объявлений заклеены плотными листами белой бумаги, что сразу же странным образом изменило облик города, внеся в атмосферу московских улиц и площадей тревожную, трагическую ноту.

Сотни тысяч людей шли в те дни к сталинскому гробу. Многие приезжали из провинции. Что тянуло их в Москву, какое чувство? Мне кажется, никому не удалось передать всей его сложности. Думаю, меньше всего в нем было любви. Но почитание, несомненно. И ощущение сиротства. Было также стремление высказать свою признательность, свою благодарность за то, что привел страну к победе, что справился с послевоенной разрухой. Горе многих казалось вполне искренним, хотя иных явно вело одно любопытство – первая возможность увидеть великого человека рядом, вблизи. А кого-то, вполне возможно, привела в толпу и ненависть.

Недели через две после похорон, в вильнюсском ресторане ко мне подсел молодой, изрядно выпивший парень со стаканом водки в ру-

ке. И сказал буквально следующее: «Умер тиран. Давай выпьем за наше грядущее освобождение».

Конечно, подразумевал он освобождение от гнетущего страха, который тысячами нитей опутывал советское общество.

Три прошедшие со дня кончины Сталина года мало что изменили в общественных настроениях. Даже начавшееся возвращение политзаключенных из лагерей не вызвало перелома: те молчали, разве что делясь с самыми близкими им людьми своими страшными воспоминаниями. Если в атмосфере страны и стала ощущаться, пользуясь выражением Ильи Эренбурга, «оттепель», то очень слабо. Ну а образ Сталина в народной памяти не утратил ничего из своего грозного величия.

И вдруг – доклад Хрущева на XX съезде...

Помню, первой реакцией было его отторжение. Этому благоприятствовали, в частности, содержащиеся в тексте крайности. Никто не мог поверить, что Сталин по глобусу планировал военные операции, как якобы, если верить слухам, утверждал Хрущев. Если бы доклад был доведен до широких слоев народа! С ним, однако, знакомили в основном членов партии. И он обрастал легендами, вызывая все большие сомнения. Смятение в умах усилилось после опубликования хрущевского выступления на Западе, когда появившийся там текст был объявлен фальшивкой, сфабрикованной ЦРУ. Такая, во всяком случае, шла молва. А в результате стали оспариваться и те факты, о которых рассказывали слышавшие или читавшие подлинный документ люди. К тому же еще было памятно сообщение об устранении Берии, который был объявлен чуть ли не иностранным агентом, чему мало кто поверил. Теперь многие так же отнеслись к обвинениям, выдвинутым против Сталина.

И сегодня, вспоминая о том времени, многие говорят, что Хрущев, решив выступить и рассказать правду о Сталине, действовал исходя из соображений внутрипартийной борьбы, стремясь укрепить свои личные позиции. Наверное, эти соображения не были ему чужды. Но не мог он не понимать, что глыба, которую он швыряет в застойное болото советской общественной жизни, вызовет неисчислимые последствия. Сознал он, конечно, и то, что в народе сразу же вспомнят о его личной роли в репрессиях, в проведении сталинской политики, в насаждении «культы личности». А если не вспомнят, то напомнят из-за рубежа. И бы-

стро. ЦРУ в начале шестидесятых годов сфабриковало брошюрку в оформлении публикаций Политиздата, содержащую фотографии выступлений Хрущева на собраниях с осуждением пресловутых «врагов народа» и их тексты. Стратеги «холодной войны» сразу же взяли на вооружение факты, всплывавшие в ходе разоблачения «культы личности».

Подобную реакцию не сложно было предугадать. И все же Хрущев не отказался от задуманного. Какое же соображение перевесило все остальные? Не было ли это скрытой формой покаяния? Такой мотив представляется вполне реальным. Он был человеком импульсивным, порывистым, гуманным, и память о жертвах сталинских репрессий не могла не лежать тяжелым камнем на его душе. Вероятно, к тому же дало знать чувство личной обиды на Сталина, в непосредственном окружении которого любили зло подшучивать над Хрущевым. Не мог не учитывать Хрущев и такого важного момента: его выступление на XX съезде в значительной степени снимало с партии ответственность за трагедию недавних лет. Конечно, все это – предположения, и сегодня приходится гадать, какой из мотивов перевешивал в его сознании. Тем не менее, доклад не был бы таким страстным, если бы не вложил Хрущев в него столько непосредственно своего, если бы не были задеты нравственные струны его личности. И задеты очень сильно.

Хрущева часто упрекают за то, что его выступление было поверхностным, половинчатым. Думаю, оно и не могло быть иным: это было всего лишь начало огромной интеллектуальной работы, которая и сегодня, сорок лет спустя, далека от завершения. Вообще эта критика бьет мимо цели. Ее авторы забывают, как правило, вполне сознательно, какое гражданское мужество требовалось, чтобы выступить против прочно укоренившихся в обществе взглядов. Да и нельзя было ждать, пока будет полностью осмыслено явление, которое сегодня называют «сталинизмом». Ждали бы и сегодня!

Многое искупил он своим мужественным поступком, многие прегрешения будут ему прощены за его дерзкое иконоборчество, за его ниспровержение десятилетиями внедряемых в народное сознание мифов, за освобождение людей от вечного чувства страха.

Такие жесты, как выступление Хрущева на XX съезде, важны не столько своим непосредственным воздействием на общество, сколько

вызываемым ими лавинным эффектом. Когда миновала первая реакция недоверия, потрясения и даже ужаса, напряженно заработала общественная мысль. Иной раз ей удавалось вырваться наружу, обычно же ее деятельность продолжалась подспудно, больше, впрочем, уже никогда не останавливаясь. Преодолевая мощное сопротивление консервативных сил, причем не только непосредственно в партии и государственном аппарате, но и среди достаточно широкой части интеллигенции, ее течение с годами набирало все большую мощь, вовлекая все новые и новые общественные слои. Попытки «заморозить» этот поток или направить его по ложному руслу, скажем, ограничив обсуждением пресловутого «культ личности», оказывались бесплодными. Власти метались, сознавая, что власть над умами от них ускользает. Хрущев лично разрешил публикацию «Одного дня Ивана Денисовича» Солженицына, но уже гениальные «Колымские рассказы» Шаламова в те годы света не увидели.

Одно специфически советское противоречие служило постоянным возбудителем работы общественной мысли: между масштабностью демократизации общества и ограниченностью политической демократии. За годы советской власти в стране произошла культурная революция, а в результате миллионы граждан все более болезненно воспринимали разрыв между своим видением, своим пониманием окружающей их действительности и возможностью реализовать свои идеи. И страх, и косность, и пассивность до поры до времени притупляли это противоречие. Но так могло продолжаться только до того момента, когда XX съезд поставил каждого советского гражданина перед необходимостью нравственного выбора.

Стало очевидным, что отсутствие в Советском Союзе политической демократии превращает каждого гражданина страны либо в невольного соучастника творившихся беззаконий, либо в их невольную жертву. Конечно, многие ограничились тем, что поплотнее зажмурили глаза. Но ширился и круг тех, кто не хотел мириться с подобным выбором. Явление диссидентства было только вершиной огромного айсберга: инакомыслие определяло интеллектуальную жизнь общества.

Можно лишь предполагать, каким путем пошло бы развитие Советского Союза, если бы компартия сумела возглавить этот великий исторический процесс. Но ее руководство было слишком консервативно,

слишком напугано и слишком беспомощно, чтобы рискнуть на столь смелый шаг. Когда Горбачев решился возглавить процесс нравственного обновления общества, было уже поздно. В конечном счете, утрата партией нравственного авторитета привела к тому, что борьбу за политическую демократию взяли под контроль правые силы. С самыми бедственными последствиями для судеб демократии в России.

Сегодня, когда безнравственность правит бал, а «троекуровщина» нагло и бесстыдно торжествует, называя себя «демократией», говорить о всепобеждающей силе нравственного начала в истории вроде бы бессмысленно. И все же... Компартия рухнула, когда утратила свой моральный авторитет, и начала возрождаться после того, как вновь обрела престиж объединения людей с чистыми руками. За то же время либералы превратились из общенациональной силы в выразителей интересов и защитников привилегий и власти блока коррумпированной части госаппарата, политических элит, нарождающейся квазибуржуазии и воротил преступного мира. Когда же либералы какое-то время попытались разыгрывать из себя некую оппозицию к власти, та похлопала их по плечу и, слегка пожурив, выразила надежду, что те в любом случае ее поддержат, заметив при этом: «Куда же они еще денутся?»

Естественно, что сегодня лидеры либерального движения все больше смахивают на собственные карикатуры.

Думается, можно с достаточной степенью точности сказать, когда вызванная XX съездом КПСС лавина новых идей и представлений, нравственных порывов и политического реформаторства исчерпала свой ресурс движения и остановилась. Это момент, когда на смену политике перестройки здания пришла политика его варварского сноса. Событие уже достаточно далекой истории, XX съезд тем не менее продолжает порождать в обществе споры, которые по-своему любопытны и поучительны.

Две статьи выделяются на общем фоне вспыхнувшей полемики. Одна принадлежит перу ведущего журналиста «Известий» О.Лациса, вторая подписана крупным публицистом коммунистического направления Р.Косолаповым.

Голос О.Лациса выделяется среди антикоммунистического хора, становящегося все более оглушительным. Его диатрибам чужда вульгарная прямолинейность, и прямолинейно он избегает говорить по-

охотнорядски, что столь характерно для подавляющего большинства его единомышленников. Впрочем, и его оригинальность вряд ли справедливо преувеличивать. Из привычного круга банальностей ему не удастся вырваться. Предвзятость – плохой поводыр.

Среди многих обвинений, брошенных автором коммунистам, главное состоит в том, что они попытались насильственным путем изменить естественный ход истории. Более того, ничему не научились и намерены повторить попытку. Вспоминая повесть братьев Стругацких «Трудно быть богом», он рассказывает, что ее герой пытался ненасильственным путем облегчить муки исторического прогресса на вымышленной планете. «Ненасильственно не получилось, – констатирует О.Лацис, – а насильственно вмешаться в историю описанные в романе люди будущего не захотели».

Думается, смешно видеть «вину» коммунистов в том, что они, возомнив себя богами, дерзнули насильственным путем повлиять на ход истории. Эту «вину» они разделяли со всеми, кто не может равнодушно взирать на несправедливость «естественного порядка вещей». Делили они эту «вину» и с теми, кто насильственно навязывал обществу этот «естественный порядок» и оберегал от изменений. Как это происходило, напомнила газета «Монд», почти день в день с появлением статьи О.Лациса рассказавшая о подавлении в июне 1848 года в Париже продолжавшихся три дня голодных бунтов. В ходе «диких по жестокости расправ» были убиты шесть тысяч человек, одиннадцать тысяч арестованы, четыре тысячи сосланы на каторгу без суда и следствия, сотни людей хладнокровно застрелены в камерах. Проспер Мериме писал тогда: «На мой взгляд, восстановить порядок во Франции, не разрушив до основания хотя бы Париж, будет невозможно».

Со стороны О.Лациса было бы только честно упомянуть, что учителями большевиков в школе практической политики были царские жандармы и столь любезные его сердцу западноевропейские либералы. И беда большевиков, пожалуй, в том, что они слишком хорошо усвоили их уроки, не сохранившие примеров милосердия и великодушия.

Есть в статье О.Лациса и любопытное высказывание-предостережение, несколько неожиданное у журналиста, оправдывавшего кровавые расправы октября 1993 года. Он пишет: «...государство, спо-

собное без вины убить одного, не принесет никакого счастья и остальным: оно будет только все больше и больше убивать». Об этом, действительно, забывать опасно.

Если известинский журналист вспомнил о XX съезде, ища, по всей видимости, повод нанести еще один удар по левой идее, то статья Р.Косолапова содержит критику съезда и хрущевского выступления на нем с позиций коммунистической ортодоксальности. Автор объявляет антипартийными действия главы партии. По его мнению, на съезде «хрущевская критика велась как бы со стороны. Она была по всей партии и каждому коммунисту, задевала, перехлестывая через край, несмотря на ритуальные поклоны, Ленина, теорию и практику научного коммунизма». Хрущев обвиняется в том, что вызвал к жизни силы, которые и привели страну к ее нынешнему катастрофическому положению.

Критиковать Хрущева и как личность, и как партийно-государственного деятеля не слишком трудно: импульсивная порывистость горячей натуры, увлекающийся характер часто его подводили. Но всю огромную грудю брошенных в него камней перевесит на чаше весов истории хотя бы тот факт, что он понял: если коммунисты не возглавят процесс обновления государства и самой партии, то дело социализма окажется под угрозой. И действовал в этом направлении. Его реформаторские усилия были неуклюжи, многие его начинания отдавали демагогией. И все же люди начали расправлять спины, дышать свободнее. Если бы преемники Хрущева более продуманно, более последовательно и упорно, без поспешных и суетливых импровизаций, продолжили его курс, то, вполне возможно, Советский Союз обрел бы второе дыхание. Но в партии восторжествовал трусливый и беспомощный консерватизм, о котором, кстати, автор не обмолвился ни словом. А как не вспомнить о том, что марксизм по самой своей природе несовместим с консерватизмом. Когда в сознании коммуниста торжествует консерватизм, он перестает быть марксистом.

Статьи Р.Косолапова и О.Лациса, на мой взгляд, позволяют отчетливо представить, как сложен, труден встающий перед современной Россией выбор. Нетерпимость либералов, забвение ими народных интересов, узкоклассовая ориентированность их курса скомпрометировали идею демократии. В то же время консерваторы среди коммунистов про-

должают подрывать доверие к социалистической идее. В обстановке яростного противоборства двух крайних сил искать третий путь, путь синтеза демократии и социализма – дело чрезвычайно трудное. Но, думается, именно он позволит левым вывести Россию из кризиса.

Абрамова Ю.А.

Жуков и XX съезд КПСС

Судьба крепко связала прославленного полководца и творца «оттепели». История их взаимоотношений, начавшаяся еще до войны и претерпевшая серьезные изменения в октябре 1957 года, подлежит отдельному исследованию. И один из аспектов его – оценка, которую дал Г.К.Жуков самому главному деянию Первого секретаря – развенчанию культа личности.

Жуков был делегатом съезда и в качестве министра обороны выступил с докладом. Маршал сообщил о сокращении армии, о развитии Вооруженных Сил, не упомянув при этом ни разу фамилии Сталина. Ничего удивительного в этом не было, если учесть, что все выступления по традиции просматривались заранее. Министр доложил о результатах политического и воинского воспитания личного состава, отмечая необходимость улучшения партийно-политической работы. Примечательно, что критика заняла больше места, чем похвала. Но крамолы в этом никто не увидел...

Впрочем, недоброжелатели у Жукова все же были. Так, судя по подсчетам счетной комиссии, при выборах в ЦК КПСС против маршала проголосовали два человека. Своеобразный рекорд, который «побил» только Г.М.Маленков. Кто были эти двое – высокопоставленные враги, плетущие сети интриг, или простые делегаты, – мы никогда не узнаем...

Жуков знал о сталинских репрессиях и из собственного опыта, и из материалов обвинительного заключения по делу Берии, распространявшихся с конца 1953 года среди партийного актива. Это объясняет реакцию министра обороны на развенчание Сталина. По воспоминаниям бывшего командующего Туркестанским военным округом генерала армии Н.Г.Ляшенко, после доклада к группе военных подошел Жуков, веселый, с сияющими глазами и сказал: «Наконец-то эту рябью..., – тут он

прибавил нецензурное выражение в адрес «отца народов», – вывели на чистую воду».

Но несмотря на столь бурное одобрение доклада, маршала не могла не насторожить попытка Н.С.Хрущева переложить вину за провал Харьковской операции 1942 года на Сталина. Кому, как не Георгию Константиновичу, были известны имена истинных виновников давней трагедии. Однако эта деталь не изменила отношения к самому выступлению.

Более того, министр обороны сразу после XX съезда приказал подобрать архивные материалы и составить справку о репрессиях в армии, а также о судьбе военнослужащих, попавших в плен и названных «предателями Родины». Их реабилитацию он считал своим долгом. Судя по всему, этот вопрос был уже оговорен на Президиуме ЦК и по данной проблеме предполагалось созвать в скором времени пленум, посвященный пагубному влиянию культа личности Сталина. Пленум мог стать вторым сокрушительным ударом по сталинизму. Но пленум не созвали, а подготовленная маршалом речь осталась на бумаге.

Конфликт между сторонниками прежних методов руководства и антисталинистами достиг апогея на июньском пленуме 1957 года. И достаточно жесткая позиция, занятая тогда Жуковым, сыграла не последнюю роль в разгроме «антипартийной группы». Маршал не только доказал причастность Маленкова, Кагановича, Молотова к массовым репрессиям, но и настоятельно потребовал «очистить руководство от таких людей».

Но даже после их удаления министр обороны не был до конца уверен, что опасность сталинистского реванша миновала. В начале октября 1957 г., отбывая в Югославию, у трапа самолета, Георгий Константинович бросил: «Вы там смотрите, ситуация совершенно нестабильная. Вы держите руку на пульсе. Чуть что, возьмем все в свои руки». Фраза весьма странная, если не сказать больше. Но говорит ли она о желании министра обороны захватить власть? На мой взгляд, нет. По всей видимости, маршалу казалось, что в его отсутствие будет осуществлена новая попытка сместить Хрущева и повернуть вспять только что начавшийся процесс десталинизации... Но слова расценили по-другому, и они явились одной из причин, пусть не самой главной, снятия Жукова в октябре 1957 года.

Несмотря на это, опальный маршал не изменил своего отношения к XX съезду. Уже в отставке, Георгий Константинович, оценивая сделанное Хрущевым, убежденно говорил: «Он совершил настоящий подвиг. Одно разоблачение палаческой сущности Сталина, ликвидация созданного им аппарата подавления, возвращение доброго имени тысячам незаконно репрессированных и погибших в сталинских застенках – одно это есть поступок, за который история навечно отметила Хрущева».

Аксютин Ю.В.

Новые документы бывшего архива ЦК

Прозвучавшее здесь утверждение о том, что мирное сосуществование, о котором говорилось на XX съезде КПСС, не соответствовало сути внешней политики послесталинского руководства и лишь прикрывало курс на глобальную конфронтацию, не совсем соответствует тогдашней действительности.

Да, Маленков не был поддержан своими коллегами, когда заявил 12 марта 1954 года, что новая мировая бойня при современных средствах войны означает гибель мировой цивилизации. Укоряя его за беспринципность в политике и беззаботность в вопросах теории, Молотов заявлял: «Не о «гибели мировой цивилизации» и не о «гибели человеческого рода» должен говорить коммунист, а о том, чтобы подготовить и мобилизовать все силы для гибели буржуазии». Вслед за этим, летом 1954 г. были скорректированы квартальные народнохозяйственные планы в пользу группы «А». Всеми был замечен и начавшийся год спустя поворот в сторону всемерной поддержки стран «третьего мира», заигрывание с Индией, поставки оружия Египту и Сирии.

Но в то же время Хрущев в немалой степени был озабочен социальной ценой конфронтации и понимал значение экономических связей с Америкой и Западной Европой. Вот почему мирное сосуществование было для него и его товарищей по Президиуму ЦК не риторикой. В нем они видели реальную выгоду, причем не только тактическую, но и стратегическую. Правда, надежды на подобную выгоду оказывались нередко завышенными. Так произошло, например, на встрече глав государств и правительств «большой четверки» летом 1955 г. в Женеве. Эйфория Хрущева и Булганина была тогда настолько велика, что ее не смогло ос-

тудить предупреждение Жукова о том, что Советскому Союзу надо держать порох сухим. Разделяя эту мысль, считая ее «справедливой», они в то же время считали возможным несколько ослабить бремя гонки вооружений.

Хрущев и Жуков отвергли новую судостроительную программу, предусматривавшую создание большого океанского флота, ядром которого должны были стать авианосцы. А так как главком ВМФ адмирал Кузнецов продолжал слишком горячо, «с криком», ее отстаивать, в декабре 1955-го его отправили в отставку. Это не означало, конечно, что руководство страны отказалось от мысли перевооружить военно-морские силы. Нет, оно решило сделать основой их могущества атомные подводные лодки. Они казались более эффективными и более дешевыми, чем авианосцы. Начавшаяся реконструкция судостроительной промышленности сопровождалась не только прекращением производства отдельных «изделий», но и сокращением рабочей силы.

Например, торпедные аппараты для эсминцев, в течение десяти лет составлявшие основную продукцию завода № 709 в Москве, в плане на 1956 год заняли всего лишь 15%. В связи с прекращением производства радиолокационных станций для крейсеров на заводе № 256 в Серпухове до 100 рабочих в первом квартале 1956 года оказались в простое. 616 человек (4,2% общей численности) оказались не у дел в результате сокращения военных заказов и на 10 предприятиях Министерства общего машиностроения, расположенных в Москве и Московской области; на одном только опытном заводе при НИИ-571 сверхплановая численность рабочих составила 272 человека, или 14,1% к плану, а занять их чем-либо другим оказалось невозможным из-за нехватки сырья.

Положение усугублялось и тем, что из-за отсутствия сырья только на текстильных фабриках Подмосковья лишними оказались 10.178 рабочих. По далеко не полным милицейским данным, в городах РСФСР к январю 1956 года насчитывалось около 75.000 безработных. Если в ноябре 1955 года с просьбой оказать содействие в трудоустройстве обратились в Президиум Верховного Совета СССР (то есть, как правило, в последнюю инстанцию) 1.640 человек, то в декабре – уже 2.224, а в январе 1956 года – 2.645. При этом тон некоторых писем отличался резкостью, порой озлобленностью: «Пишут про Америку, что за границей полно

безработицы, идут забастовки, – вопрошал некий Воронов из Москвы. – Но что же не пишут наши газеты про наше государство, где безработицы полно?»

Между тем при подготовке проекта отчетного доклада ЦК XX съезду КПСС эта проблема полностью игнорировалась. И даже вопросы, связанные с упорядочением пенсионного обеспечения, увязывались не столько с тем, что они волнуют широкие массы трудящихся, сколько с неблагоприятными отзывами иностранных делегаций. На конкретных примерах они доказывают, обращал внимание своих коллег Хрущев, что в ряде буржуазных государств пенсионное обеспечение поставлено лучше, чем в Советском Союзе. Пожелание было учтено, и в проект Отчетного доклада, представленный 28 декабря 1955 года, включили предложение: размеры пенсий должны быть увеличены.

Однако в опубликованном 15 января 1956 года проекте директив съезда по шестому пятилетнему плану об этом ничего не говорилось. Но десять дней спустя, заместитель министра транспортного машиностроения Я. Назаров, сообщая в ЦК об излишках рабочей силы на Коломенском паровозостроительном заводе, обращал внимание на то, что на этом предприятии, как и на других, подобных ему, много пожилых рабочих и поэтому повышение пенсий обеспечило бы им необходимый прожиточный минимум и они смогли бы оставить работу на заводах.

Оказалось ли это предложение своего рода «роялем в кустах» или же случайно попало в поле зрения сотрудников отдела партийных органов ЦК КПСС по РСФСР, участвовавших в подготовке отчетного доклада, но в том варианте проекта, что был разослан Хрущевым членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК 25 января, говорилось о мерах по повышению низких пенсий и снижению неоправданно высоких. Там же говорилось, что ЦК партии принял решение о переходе в шестой пятилетке на 7-часовой рабочий день для всех рабочих и служащих.

Эти новации сохранились в тексте, доработанном с учетом замечаний, высказанных на заседании Президиума ЦК 30 января, и разосланном его членам 4-5 февраля. Они были оглашены Хрущевым на самом съезде и повторены Булганиным в докладе о проекте директив по шестой пятилетке.

В бывшем текущем архиве ЦК КПСС, ныне Центре хранения современной документации, рассекречены материалы XX съезда (фонд 1, опись 2, ед. хр. 1-90), которые заставляют историков изменить многие свои представления. И первое, от чего приходится отказаться, – это от мифа, будто закулисная борьба вокруг того, читать или нет доклад о культе личности, длилась чуть ли не в ходе всего съезда и протекала в комнате отдыха, где в перерывах между заседаниями собирались члены Президиума ЦК. Этот вопрос был решен еще до съезда. В упомянутых мною делах XX съезда имеется выписка из протокола № 188 заседания Президиума ЦК от 13 февраля 1956 года: «Внести на Пленум предложение о том, что Президиум ЦК считает необходимым на закрытом заседании съезда сделать доклад о культе личности. Утвердить докладчиком т.Хрущева Н.С.».

В этих же делах находится и подлинник (за подписью Хрущева) протокола состоявшегося в тот же день пленума ЦК. Он небольшой, всего на четырех машинописных страницах, из коих первые две занимает перечисление присутствующих. Любопытно, что среди них находились и люди, чья партийная карьера уже закончилась своего рода опалой: бывший первый секретарь Ленинградского обкома Андрианов, бывший министр внутренних дел Круглов, бывший главком военно-морского флота Кузнецов, бывший секретарь ЦК Шаталин и другие.

Пленум открыл Хрущев. Он же один и говорил. Правда, весьма коротко:

– Нам нужно будет условиться о докладе, договориться. Повестка дня была утверждена в свое время пленумом, докладчики тоже были утверждены – все эти вопросы решены. Другие вопросы, связанные со съездом, мы будем решать на совете делегаций. Нам нужно договориться насчет доклада. Президиум рассмотрел этот доклад и одобрил. Как члены Пленума? Доклад идет не от Президиума, а от Пленума Центрального Комитета. Как, будет ли Пленум заслушивать доклад?

Речь пока что шла об отчетном докладе, который вроде бы должен был быть обсужден и одобрен Центральным Комитетом. Но намек был понят. И тут же раздались голоса:

– Одобрить! Завтра услышим!

Хрущев словно ждал эти реплики и подвел итог:

– Тогда будем считать, что доклад принимается Пленумом Центрального Комитета и поручается его сделать на съезде.

Микоян подхватил:

–Пленум доверяет рассмотрение доклада Президиуму ЦК.

Хрущев же продолжил:

– Есть еще один вопрос, о котором здесь нужно сказать. Президиум Центрального Комитета после неоднократного обмена мнениями и изучения обстановки и материалов после смерти товарища Сталина чувствует и считает необходимым поставить на XX съезде партии, на закрытом заседании (видимо, это будет в то время, когда будут обсуждены доклады и будет обсуждение кандидатов в руководящие органы Центрального Комитета: членов ЦК, кандидатов и членов Ревизионной комиссии, когда гостей никого не будет) доклад от ЦК о культе личности. На Президиуме мы условились, что доклад поручается сделать мне, первому секретарю ЦК. Не будет возражений?

Возражений не последовало, после чего Хрущев, объявив, что все вопросы, которые следовало на пленуме решить, решены, закрыл заседание.

Так что, повторяю, самое главное уже было predetermined. Далось это Хрущеву нелегко. Пришлось ему прибегать к самым разнообразным приемам, умело используя аппарат ЦК.

Так, 20 января 1956 года он получает и тут же рассылает своим коллегам по «коллективному руководству» письмо от члена партии с 1917 г., заместителя начальника политотдела ГУЛАГа А.В.Снегова: «Начиная с X по XVII съезд партии я присутствовал на всех съездах партии. На XVIII и XIX съездах я не мог присутствовать по известным вам причинам. Прошу предоставить мне возможность присутствовать на XX съезде, выдав мне постоянный гостевой билет».

Отказать такому заслуженному человеку было неудобно. Но вслед за этим на свет божий появляется список реабилитированных старых большевиков для приглашения на съезд из 12 человек, а затем другой – из 13 человек. Но не много ли будет «свидетелей обвинения»? И вот вносится предложение разбавить их другими ветеранами, не подвергавшимися репрессиям. 4 февраля заведующий Отделом партийных органов ЦК КПСС по союзным республикам Громов вносит предложение

пригласить на съезд в качестве гостей 25 человек и прилагает их список. Постоянные гостевые билеты на все заседания предполагалось выдать двадцати из них, в том числе Г.М.Кржижановскому, В.П.Антонову-Саратовскому, Е.Д.Стасовой, Г.И.Петровскому, С.С.Дзержинской, С.И.Гопнер, Л.А.Фотиевой. А из перечисленных в первых двух списках разовые гостевые билеты должны были получить лишь 5 человек, в том числе и Снегов.

Сохранилась в материалах съезда и записка, направленная Хрущеву 22 февраля, то есть в конце работы съезда, В.М.Андриановым: «Никита Сергеевич! Убедительно прошу Вас посоветовать, можно ли мне выступить на закрытом заседании съезда по Вашему докладу о культе личности и при этом... рассказать о Ленинградских делах в том виде, как я изложил на Ваше имя в записке и в нескольких словах сказал, будучи у Вас на приеме.»

Стал доступным для исследователей и тот текст проекта доклада «О культе личности и его последствиях», который Хрущев разослал членам и кандидатам в члены Президиума ЦК, а также секретарям ЦК 23 февраля, то есть на следующий день после еще одного заседания Президиума ЦК КПСС, на котором, очевидно, и решались окончательно последние вопросы, связанные с предстоящим оглашением доклада о культе личности. Подробный анализ этого документа еще впереди, мы же сейчас ограничимся лишь несколькими замечаниями, связанными с внесенной в него правкой.

Она довольно обширна и разнообразна, но сказать, кем именно сделана, пока что затруднительно. Например, в экземпляре, посланном Сулову, имеются подчеркивания и поправки, сделанные разными карандашами – красным, синим, фиолетовым и простым. В этом экземпляре, помимо сугубо редакционной правки, есть и довольно любопытные пометы. Например, синим, красным и фиолетовым подчеркнуты места, где рассказывалось об Эйхе, а тремя страницами ниже красным на полях начертано: «Вот и «отец родной». Там, где говорится о начале войны, синим отмечено: «Уроки на будущее». Синим же перед разделом о Ленинградском деле сделана надпись: «Поправление нац. прав народностей 1943-1944 гг. Карачаевцы, калмыки, ингуши и чеченцы». И синим же на полях заключительной части, где содержалось предупреждение о том, что «этот

вопрос мы не можем вынести даже за пределы съезда, а тем более в печать», добавлено: «Не обнажать язвы перед обывателем».

В экземпляре, poslanном Шепилову, содержатся предложения добавить к упоминанию о сидевших в тюрьмах Рокоссовском и Горбатове имя Мерецкова, «добавить, что англичане (Черчилль) заранее нас предупреждали + совпосольство (Деканозов) в Германии тоже предупреждало о готовящейся войне, дополнить фразу о том, что не Сталин, а партия в целом обеспечила победу в войне, словами о роли раб. класса, крест. интеллигенции, женщин, молодежи – сов. народа, тыла».

Пока высшее партийное руководство изучало проект доклада, некоторые из делегатов, проведавшие, что скрывает эвфемизм «культ личности», поспешили предложить свои услуги. 24 февраля маршал А.И.Еременко посылает Хрущеву записку: «Если Вы будете в своем докладе по особому вопросу касаться военных дел и если найдете нужным в той или иной степени коснуться Сталинградской битвы, то по этому вопросу докладываю настоящую справку». Суть ее заключалась в утверждениях, что решения Сталина по оперативно-организационным вопросам обороны города чуть ли не привели к падению Сталинграда и что если бы был принят план Сталина по разгрому войск Манштейна, то Манштейн, безусловно, выполнил бы свою задачу и освободил бы окруженных.

Прочитированные выше записки Андрианова и Еременко можно назвать первыми откликами на разоблачение сталинских преступлений, но не единственными, поступившими в президиум съезда еще до зачитания доклада. Еще 19 февраля поступила телеграмма от некоего Йозефа Галы из чехословацкого города Теплице: «Я не согласен с выступлением правого Микояна, которое является оскорблением светлой памяти Сталина, живущей в сердцах всех классово сознательных рабочих, и будет с радостью воспринято всей буржуазией». Напротив, руководители IV Интернационала, ссылаясь на ту же речь Микояна, требовали немедленно и публично признать невиновными жертвами сталинизма Троцкого, Зиновьева, Каменева и Бухарина. А 23 февраля свое мнение изложил узник Владимирской тюрьмы Василий Сталин. Не соглашаясь с нападками Микояна, он в то же время поддержал саму постановку вопроса как в отчетном докладе, так и в других выступлениях: «ЦК не мог не высказаться

по этому вопросу. Молчание было бы в ущерб делу. Полностью разделяю мнение, что распространение культа личности приводило иногда к серьезным упущениям в нашей работе, и считаю правильным, что ЦК решительно выступил против чуждого духу марксизма-ленинизма культа личности. Сказана – правда, вывод – справедлив. К такому личному мнению я пришел не сразу, а путем долгих раздумий. Трудным для меня был этот путь – путь внутренней борьбы и противоречий. Но какова бы ни была правда, хоть и горькая, – она лучше миража».

Однако правда оказалась настолько горькой, что многим ее вообще оказалось не по силам воспринять. XX съезд «был для нас катастрофой», признавалась одиннадцать лет спустя Л.А.Фотиева. Работая в свое время личным секретарем Ленина, она бегала к Сталину и передавала ему диктовки из политического завещания умирающего вождя. Теперь она пыталась найти оправдание своему давнему неблагоприятному поступку: «Сталин был для нас авторитет. Мы любили Сталина».

А кто из полутора-двух тысяч делегатов и гостей съезда – всей тогдашней политической элиты – мог бы поклясться, что не доносил и не требовал распять? Вот почему доклад о культе личности на закрытом заседании 25 февраля 1956 года вызвал у них шок. По многочисленным свидетельствам очевидцев, слова Хрущева словно повисали в угнетенной тишине, настороженности и напряженности. Тогдашний работник отдела пропаганды ЦК А.Н.Яковлев так описывал позже атмосферу того заседания: «Мы спускались с балкона и в лицо друг другу не смотрели. То ли от чувства неожиданности, то ли от стыда или шока».

Схожая атмосфера господствовала и на партсобраниях, где некоторое время спустя стали зачитывать доклад о культе личности и его последствиях. Приходили, рассаживались, слушали в гробовом молчании, потом поднимались и расходились.

Считалось и до сих пор считается, что в целом и в партийных кругах, и в народе разоблачение сталинских преступлений было встречено с пониманием и одобрением. Да, повсюду единодушно принимались резолюции, приветствующие и одобряющие решения XX съезда КПСС, в том числе и о культе личности. Да, кое-где не удалось избежать жарких дискуссий. Особенно там, где партийное начальство вконец растерялось. Так, в Литературном институте им.Горького первый секретарь правления

Союза писателей СССР А.Сурков, рассказывая об итогах съезда, признал «отставание литературы», сказал, что причины этого многообразны и сложны, но объяснить их и указать пути исправления не смог, или не захотел. Аудитория осталась неудовлетворенной, и нашелся смельчак, студент-заочник III курса, бывший краснофлотец Сергей Никитин, который открыто заявил об этом: «Доклад Суркова никуда не годится: одни общие фразы. В течение долгого времени нам давали вместо сахара и масла суррогат и покрикивали: «Да здравствует мудрый вождь товарищ Сталин!» Брали, что бросали со сталинского стола. Из нас делали рабов».

В зале поднялся шум, раздались реплики: «Хватит! Стыдно!» Однако Никитин продолжал: «То, что мне не дают высказаться здесь, говорит о выверте наизнанку старого способа в нынешних условиях. Один партизан говорил мне: «Обманывают русский народ, 250 граммов хлеба дают на трудодень». Я забросал его патриотическими фразами. В подобных случаях так все поступали. Одна свобода восхваляется, другой не допускается... У нас развелось столько охранников, что деваться некуда». Закончил он под возгласы: «Анархист! Ни стыда, ни совести!»

Если судить по сводным материалам, поступившим в ЦК, такие случаи не были единичными. И реагировали партийные верхи на подобные «отклонения» по-старому. Посыпались выговоры и даже исключения из партии с одновременным увольнением с работы. Атмосфера страха хоть и разрядилась, но не настолько, чтобы люди забыли о 1937 годе.

Писатель В.Каверин с сожалением констатировал: «Уже можно ходить на двух ногах, а многие еще ползают на четвереньках». Осужденный в 1948 г. за активное участие в Московской группе «Демократической партии» и освобожденный сразу же после XX съезда КПСС, А.И.Тарасов проездом на Кавказ остановился у родителей в столице. «В Москве, – вспоминал он позже, – меня больше всего поразила ностальгическая любовь народа к Сталину. Люди вспоминали его грандиозные похороны, море пролитых слез, испытывая даже восторг по поводу смертельной давки в толпе. «И сотни душ растоптанных сограждан траурный составили венок», – умилялся какой-то поэт. С тех пор я перестал верить принципу, что глас народа есть глас божий, и понятней стало, что каждый народ достоин своего правительства». Вспоминая смятение зимы 1956 года и споры на вечеринках, порой перераставшие в рукопашные

схватки, критик и прозаик В.Кардин замечает: «Инерция «культового мышления» владела нами, и было проблематично – останемся ли мы во власти этого мышления или начнем обретать новое. Задача решалась не голосованием, не постановлением общего собрания. Но каждым самостоятельно. Наедине с собой».

О том, насколько трудно происходил этот сдвиг в общественном сознании, свидетельствуют и результаты опросов, проведенных студентами исторического факультета Московского педагогического университета. В 1994 г. они опросили 59 очевидцев событий сорокалетней давности, а в 1995-м – 136. И что самое поразительное – около половины заявили о своем или неопределенном, двойственном отношении к тому, что стало им тогда известно о разоблачении культа личности, о растерянности и подавленности (18 человек в 1994 году и 29 в 1995 году), или утверждали, что остались абсолютно равнодушными, не обратили никакого внимания на это (9 и 36 респондентов соответственно). Из этой же половины как-то определившихся о своем одобрении заявили 12 и 31, т.е. 20,3% и 22,4%; а о неверии и неодобрении 19 и 40, т.е. свыше 32% и 29%.

Конечно, с точки зрения социологической науки, результаты этих опросов трудно считать репрезентативными. И тем не менее можно хотя бы поставить вопрос: а готово ли было советское общество к десталинизации? Не в смысле отказа от массовых чисток и репрессий, от кровавого террора, а от тоталитарного мышления, идолом которого стал образ «мудрого отца, учителя и друга».

Тогда становится понятнее, почему Хрущев, так много сделавший, чтобы его доклад о культе личности был оглашен на XX съезде КПСС, а затем стал известен всей партии (а это свыше 7 миллионов человек), да впридачу – комсомолу (т.е. еще не менее 18 миллионов), почему он вдруг остановился и даже стал предпринимать попятные шаги. Значительную, если не решающую роль тут сыграли не оппозиция его соратников, не советы китайских товарищей и не опасение даже, как бы события в СССР не стали развиваться по венгерскому образцу, а «сопротивление материала» совсем иного рода.

А в 1964-м он проиграл не только потому, что заговорщики оказались хитрее и изворотливее, но и потому, что «глас народа» оказался не

на его стороне. Вынос тела Сталина из Мавзолея не простили ему не столько номенклатурные сталинисты, сколько толпа, которую лишили предмета поклонения.

Данилов А.А.

***О границах «оттепели» и «преждевременности»
реформ***

Хочу поддержать мнение В.Л.Шейниса о том, что значение XX съезда в жизни и партии, и всей страны было столь же противоречивым, как и его решения. Поэтому, думается, при всей несхожести прозвучавших здесь крайних оценок и суждений, правы все, кто их высказал. Разумеется, правы лишь отчасти, так как нельзя смотреть на сложные вопросы лишь с одной стороны, заведомо отвергая иные точки зрения. Разные суждения родились не сегодня, в связи с переоценкой нашей истории. Они были, практически, с самого обнародования решений съезда, особенно материалов закрытого заседания.

Более того. В зависимости от политической конъюнктуры, как это, к сожалению, принято в нашей жизни, такие оценки менялись порой радикально. К примеру, Д.Ф.Устинов, как и многие в то время, славословивший в адрес XX съезда и лидера партии Н.С.Хрущева, в июле 1984 года на заседании Политбюро был более откровенен, заявив: «В оценке деятельности Хрущева я... стою насмерть. Он нам очень навредил. Подумайте только, что он сделал с нашей историей, со Сталиным. Не секрет, что западники нас никогда не любили. Но Хрущев им дал в руки такой материал, такие аргументы, которые нас опорочили на долгие годы». А в заключение этой тирады предложил к 40-летию Победы вернуть Волгограду имя «Сталинград». Подобные настроения имели и имеют место и в обществе в целом.

Хотелось бы кратко остановиться на том, как идеи XX съезда КПСС (особенно те, что прозвучали на закрытом заседании 25 февраля) были восприняты в обществе. Действительно, у большинства слушавших доклад Хрущева в трудовых коллективах, на партийных собраниях прозвучавшее вызвало шок. Но воспринята была и та новая атмосфера, которая не могла не выйти за пределы Кремлевского дворца. Во многих кол-

лективах люди восприняли не столько информацию, сколько настрой на критический анализ положения дел в обществе.

Открытые сегодня архивы свидетельствуют о том, что многие принялись не только осуждать культ покойного вождя, но и рассуждать о правильности или ошибочности экономической политики партии, ее внешнеполитического курса и т.д. Думаю, именно это и напугало руководство партии, заставило его с самого начала ограничить пределы критики Системы. Только в 1956 году ЦК направил в партийные комитеты на места три секретных письма, в которых требовал повесить бдительность и не допускать, чтобы критика культа личности переросла в «критику социалистических ценностей».

Показательно в этом отношении последнее из этих писем, принятое Президиумом ЦК по представлению комиссии Л.И.Брежнева в декабре 1956 года – «Об усилении политической работы партийных организаций в массах и пресечении вылазок антисоветских, враждебных элементов». Интересно не только то, что письмо было направлено после событий в Польше и Венгрии, но и то, что в качестве примеров «антисоветских вылазок» в нем были названы выступление К.Симонова, призывавшего ослабить партийный контроль за литературным творчеством, аналогичное выступление К. Паустовского и другие. Само упоминание об этом и жесткое требование «покончить» с такого рода проявлениями было однозначно воспринято как в партийном аппарате, так и в широких слоях как линия на свертывание критики сталинизма.

Заведующий отделом партийных органов ЦК КПСС по РСФСР В.Чураев писал лидерам страны: «Если раньше коммунисты (читай – партаппарат. – А.Д.), боясь, чтобы их не обвинили в зажиме критики, не давали должного отпора тем, кто допускал демагогические и антисоветские высказывания, то письмо ЦК внесло полную ясность в этот вопрос, вооружило партийные организации в их борьбе с демагогами, клеветниками и враждебными элементами». По-своему, но так же воспринял происходящее прораб на строительстве Куйбышевской ГЭС Зеленов: «Руководители партии и правительства что-то поднапутали с критикой культа личности Сталина, сначала осудили его, а теперь снова начали восхвалять». Конструктор Ярославского автозавода Киселев отмечал: «Письмо

зачитано таким тоном и такими намеками – или замолчите, или будем сажать. Неужели нас ничему не могла научить Венгрия?»

И репрессии в отношении тех, кто не понял пределов «оттепели», не замедлили последовать. Они, конечно, не носили такого массового и кровавого характера, как при Сталине. Но тем не менее, были весьма ощутимы для тех, на чьи головы обрушились. Значительный размах приняло исключение из партии, в том числе и коммунистов, которые только что были в ней восстановлены после возвращения из мест заключения. Особое беспокойство партийного руководства вызывали (редкие, правда) случаи коллективной «незрелости» целых партийных коллективов. На том же Ярославском автозаводе в партийной организации отдела главного технолога из 56 коммунистов лишь 17 голосовали за осуждение критического выступления одного из членов партии, остальные были против или воздержались. В информации в руководящие партийные структуры докладывалось, что «таким образом, партийное собрание оказалось не на высоте, проявило гнилой либерализм и не дало необходимой политической оценки антисоветского выступления». В результате были наказаны и все члены партийного руководства не только этой, но и вышестоящих парторганизаций.

В другом случае, когда с критической позицией выступавших солидаризовалось партбюро, оно немедленно было распущено решением горкома партии, а все «зачинщики» исключены из партии (виной всему послужил невинный вопрос одного из рабочих: «Каков прожиточный минимум советского человека?»). Таких примеров было немало. И особенно много в деятельности творческих союзов и конкретных деятелей культуры. В ряде мест начали применять далеко не партийные меры воздействия против вольнодумцев. В многочисленных информациях Ф.Р.Козлова из Ленинграда отмечалось, что кроме исключения из КПСС активно использовалось выселение из Ленинграда тех, кто всерьез воспринял установки XX съезда партии.

В их числе оказались и ветераны партии, многие годы проведенные в сталинских застенках. Одна из них – М.И.Черняк, член партии с 1915 года (восстановлена в КПСС в 1955 году) – заявила на партийном активе Дзержинского района Ленинграда, что Сталин уничтожил лучшие партийные кадры, ее крупнейших деятелей (привела примеры с Троцким,

Зиновьевым, Бухариным, Каменевым). Этого было достаточно, чтобы вновь оказаться за пределами партийных рядов и быть насильственно выселенной из Ленинграда. Такая же участь постигла и других ветеранов КПСС, лишь недавно вернувшихся после заключения и названных за их критический настрой «недобитками». Это еще раз говорит, что все было намного сложнее, чем мы можем сегодня представить. Ясно одно – пределы гласности, критики Сталина существовали. Как справедливо отмечал В.М.Межуев, это была критика Сталина, но не сталинизма, которого как явление тогда мы еще не осознали. Для этого потребовалась перестройка второй половины 80-х годов.

И два слова о судьбе реформаторов в нашем Отечестве. Судьба эта не только счастлива, но и глубоко трагична. Счастлива тем, что эти люди сумели преодолеть существовавшие тогда предрассудки, опасения, сомнения и провести хотя бы часть из задуманного в жизнь, а в силу этого оказаться на гребне политической жизни и общественного признания. Трагична в том, что в силу известного консерватизма (или традиционализма) основной части населения реформы всякий раз оказывались как бы «преждевременными», а общество к ним готово не было. Сопrotивление же им и их действиям было всегда колоссальным. Можно, конечно, вспоминать и напоминать о том, чего не сделали или не смогли сделать Александр II, С.Ю.Витте, П.Д.Святополк-Мирский, П.А.Столыпин, Н.С.Хрущев, М.С.Горбачев. Но давайте не забывать и помнить, а также уметь быть благодарными им за то, что они все же сделали для нашей страны и для нас. Это, думается, будет не только правильно, но и по-человечески справедливо. Тем более что с каждым новым реформаторским шагом мы обретаем новые грани исторического опыта, получаем уроки демократического развития, приближаем лучшее будущее нашей страны.

Логинов В.Т.

Проблема регионализации СССР после XX съезда

Административно-командная система, сложившаяся в период индустриализации, стала исчерпывать свои возможности уже в конце 30-х годов. В частности, отраслевой принцип управления экономикой, приемлемый в период создания и становления новых отраслей про-

мышленности, становился все более нерациональным. И отголоски данной проблемы звучали еще на XVIII партийной конференции.

Великая Отечественная война (1941-1945 годов), с ее потребностью в жесткой централизации и мобилизации всех человеческих и материальных ресурсов, а затем и годы восстановления народного хозяйства, дали системе как бы «второе дыхание». С завершением восстановительного периода она вновь стала проявлять симптомы упадка. После смерти Сталина, когда Хрущевым были проведены всесоюзные совещания работников промышленности, где впервые состоялся весьма откровенный обмен мнениями, это стало вполне очевидным. Еще раньше, сентябрьский пленум ЦК КПСС 1953 года зафиксировал кризисное состояние сельского хозяйства.

Превращение страны в «единый военный лагерь» в 1941-1945 годах и сохранение такого положения в последующие годы окончательно свели федеративный принцип построения государства к чистой формальности. Без санкции Москвы руководители областей и республик – как союзных, так и автономных – не могли решить ни одного мало-мальски значительного вопроса.

Принципы управления и организации народного хозяйства начинают подвергаться жесткой критике. В 1957 году на февральском пленуме ЦК КПСС указывалось, что отраслевой принцип управления порождает «нарушение нормальных территориальных связей между предприятиями разных отраслей промышленности, расположенными в одном экономическом районе», мешает «широкому осуществлению специализации и кооперирования производства, затрудняет комплексное развитие хозяйства экономических районов, республик, краев и областей», приводит к «недоиспользованию производственных мощностей предприятий», «распылению строительных организаций», «нерациональным перевозкам грузов» и т.д.

Н.С.Хрущев предпринял попытку уйти от жесткого централизма в управлении народным хозяйством, ибо централизм стал явным тормозом экономического развития, действительно сковывавшим на местах всякую инициативу.

Из Москвы в самые удаленные концы страны потоком шли бесчисленные указания и директивы. Они предписывали и определяли

буквально все: нормативы расхода металла и энергии на заводах, количество душевых рожков в рабочих бытовках, сроки и способы искусственного осеменения скота... Бюрократия превращала в проблему любой пустяк.

В мае 1957 года в Ленинграде на совещании работников сельского хозяйства секретарь Великолукского ОК партии заявил, что руководству надо уделять больше внимания решению проблемы подъема урожайности капусты. Последовала реплика Хрущева:

– Какая проблема? Капусту сажать? Крестьяне сажают капусту лет двести с лишним, и они никогда не считали, что это проблема. Просто надо вырастить хорошую рассаду, посадить ее вовремя и поливать. Я видел, как эту проблему решала моя бабушка. Если эту проблему мы будем решать так, как моя бабушка решала, тогда и проблемы не будет, а будет капуста.

Этот эпизод, как мне кажется, свидетельствует о том, что меры, предпринятые Хрущевым после прихода к власти, не были спонтанными и менее всего могут быть оценены как акты волюнтаризма. Судя по всему они вынашивались и обдумывались задолго до этого. Иными словами, когда в 1957 году возникли совнархозы, они действительно отражали объективную потребность в регионализации СССР, перенося решение многих экономических проблем на местный уровень.

Если бы подобного рода реорганизация являлась проблемой сугубо экономической или административной, то, вероятно, она решилась бы гораздо проще, исходя из чисто прагматических соображений. Однако за всеми разговорами о «формах управления» стояли также и интересы сугубо политические. Точнее говоря – вопрос о власти.

Дело в том, что в сталинские времена партийные секретари республик, краев и областей, являвшиеся членами ЦК, располагали крайне ограниченной самостоятельностью, а стало быть, и весьма относительной стабильностью своего положения. В этом смысле они напоминали командиров воинских соединений, которые могли проявлять инициативу лишь неукоснительно выполняя любые приказы вышестоящего начальника. Опыт XVII съезда ВКП(б), большинство де-

легатов которого было репрессировано, а после войны – «Ленинградское дело», свидетельствовали о том, что функционеры этого ранга могли в любой момент лишиться не только места, но и головы.

После смерти Сталина, после июльского и сентябрьского пленумов ЦК 1953 года и особенно после XX съезда в 1956-м, прежний страх стал постепенно исчезать. Это проявилось в 1957 году в эпизоде с «антипартийной группой» Молотова, Маленкова, Кагановича и др., когда впервые – вопреки традициям – вопрос о судьбе генсека был окончательно решен не на Президиуме, а прежде всего голосами членов ЦК – секретарей обкомов, краев и республик.

Естественно, что с ростом их «самосознания» и влияния росли и политические амбиции. Каждому из секретарей хотелось стать полновластным «хозяином» в своей вотчине. Словом, стремление к регионализации управления страной отразило не только объективную экономическую потребность, но и интересы местных «элит».

На февральском пленуме 1957 г. эта идея была сформулирована в тезисе: отраслевое управление «ограничивает возможности местных партийных, советских и профсоюзных органов в руководстве хозяйственным строительством, сдерживает их инициативу в мобилизации сил», а посему «центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством должен быть перенесен на места».

В постановлении пленума по обсуждавшемуся вопросу, в частности, говорилось: «При новой структуре управления хозяйством будут созданы лучшие условия для вовлечения широких кругов рабочих, инженерно-технической интеллигенции и других слоев общества в активную деятельность по управлению предприятиями, отдельными отраслями промышленности и всем народным хозяйством. Перестройка руководства промышленностью и строительством еще полнее раскроет возможности действительно творческого участия в управлении хозяйством наших партийных, советских, профессиональных и комсомольских организаций».

Управление промышленностью по территориальному принципу на базе определенных экономических районов позволит улучшить использование местных ресурсов для развития промышленного производства, коренным образом упорядочить дело специализации и коо-

перирования производства, шире использовать местную инициативу как для роста объема промышленного производства, так и для улучшения качественных показателей работы промышленных предприятий».

Именно в тот период складывается то идеологическое клише, которое будет использоваться в качестве мотивировки и легитимизации любых перемен на протяжении нескольких десятилетий вплоть до конца 80-х годов. Суть его состояла в том, что, во-первых, данная реформа является восстановлением «ленинских принципов» (отсюда и воскрешение старого названия – совнархозы), а во-вторых, любые изменения осуществлялись в стране не потому, что выявились те или иные недостатки системы и обострились те или иные ее противоречия, а только потому, что «сложились новые условия».

Именно так и была сформулирована цель реорганизации на февральском пленуме ЦК КПСС 1957 года: все, что было раньше – прекрасно, но теперь надо «искать более гибкие формы управления народным хозяйством, полнее учитывающие особенности данного этапа развития».

В передовой статье газеты «Правда» 17 февраля 1957 года по этому поводу указывалось: «С развитием промышленности, с гигантским увеличением масштабов общественного производства все настойчивее выдвигается вопрос, идти ли и дальше в области организационных форм руководства промышленностью по линии еще большего дробления технического, экономического и административного управления, создавая в центре все новые и новые специализированные министерства и ведомства, или же искать более гибкие формы управления народным хозяйством, полнее учитывающие особенности данного этапа развития».

Новая структура управления должна базироваться на сочетании централизованного государственного руководства с повышением роли местных органов... Центр тяжести оперативного управления промышленностью и строительством должен быть перенесен на места, в основные экономические районы, ближе к промышленным предприятиям и стройкам».

7 мая 1957 года на VII сессии Верховного Совета СССР Хрущев выступил с докладом «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством».

В начале доклада Хрущев отметил, что обсуждение данного вопроса приняло поистине всенародный характер. С 30 марта по 4 мая проведено более 514 тысяч собраний, свыше 2 млн. 300 тыс. человек выступили со своими замечаниями и предложениями по вопросам улучшения руководства промышленностью и строительством. В центральных и местных газетах выступили более 68 тысяч человек.

Далее Хрущев сказал: «Одним из крупных недостатков является наличие ведомственных барьеров. ...Приведу такой пример. В прошлом году Министерство строительства предприятий металлургической и химической промышленности завезло в Красноярский край из Карелии сборные дома площадью около 20 тыс. кв.м. Большое количество сборных домов завезло в Красноярск Министерство из Кировской области. В то же время Министерство лесной промышленности и Министерство строительства предприятий нефтяной промышленности вывозили из Красноярского края в другие районы детали сборных домов на 170 тыс. кв.м жилой площади. И в этом году организации Министерств, возглавляемых министрами тт. Райзером и Дыгаем, по-прежнему везут сборные дома в Красноярский край, а Министерства, которыми руководят тт. Орлов и Кортуннов, везут дома из Красноярска в центральные районы.

Это напоминает картину из пьесы Островского «Лес».

Помните диалог двух актеров – Счастливецва и Несчастливцевва, встретившихся в пути:

– Куда и откуда? – спрашивает Несчастливцев.

– Из Вологды в Керчь-с, Геннадий Демьяныч. А вы-с?

– Из Керчи в Вологду.

Так и в этом случае:

– Куда и откуда вы везете сборные дома? – спрашивают одни министры других.

– Из центральных районов в Красноярский край. А вы?

– Из Красноярска в центральные районы страны. (Оживление в зале)».

По поводу огромного количества рассылаемых инструкций Хрущев сказал: «Сам факт реорганизации не убьет бюрократизма как такового, бюрократы не исчезнут с лица земли. Поэтому нужно не ослаблять, а во много крат усиливать борьбу против всякого рода бюрократических извращений. И эта борьба будет тем успешнее, чем больше будут вовлечены в это важное дело широкие массы трудящихся... Приближение аппарата управления к массам даст возможность массам больше воздействовать на аппарат управления».

Говоря о взаимоотношениях совнархозов с областными советами, Хрущев счел нецелесообразным подчинение СНХ исполкомам облсоветов, как это предлагали некоторые.

«...Расширение прав республик благотворно скажется на экономике каждой республики в отдельности и всей страны в целом. Широкие права, предоставляемые республикам в хозяйственном строительстве, будут способствовать еще большему развитию инициативы и творческой активности масс, расцвету материальных и духовных сил всех наций и народностей Советского Союза, дальнейшему укреплению дружбы между народами нашей страны.

...Могут появляться тенденции к автаркии. Об этом забывать не следует».

10 мая 1957 года Верховный Совет СССР принял закон «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством», упразднивший ряд министерств и предписавший союзным республикам приступить к созданию совнархозов. В конце мая – июне прошли сессии Верховных Советов республик, на которых это решение и было выполнено.

Всего в 1957 г. в СССР совнархозы были образованы по 105 экономическим административным районам: в РСФСР – 70, в УССР – 11, в Казахстане – 9, в Узбекистане – 4, в остальных 11 союзных республиках – по одному.

Однако надежды местных лидеров – и прежде всего первых секретарей обкомов – на то, что реформа укрепит их независимость от центра и расширит властные полномочия, оказались иллюзорными. Не берусь судить о том, сознательно или интуитивно решал данную

проблему Хрущев, но на первом месте для него стояла экономическая целесообразность.

Экономический район во главе с совнархозом, как правило, не совпадал с областными границами. Поэтому создание, к примеру, Ленинградского совнархоза сводило к минимуму возможности вмешательства в экономику секретарей Псковской и Новгородской областей, которые вошли в данный экономический район.

Если добавить к этому, что были ликвидированы сельские райкомы, а их функции переданы парткомам территориальных сельскохозяйственных управлений, то станет очевидным: положение прежней областной номенклатуры, как сказали бы сегодня, местных «элит», если и не пошатнулось, то во всяком случае серьезно изменилось.

Иными словами, вопреки ожиданиям региональных секретарей, создание совнархозов – не теоретически, а вполне реально – поколебало абсолютную власть обкомов КПСС, в значительной мере оттесняя их от практического решения экономических вопросов. Ситуация еще более обострилась в 1962 году, когда произошло укрупнение совнархозов.

Мысль о необходимости укрупнения экономических районов прозвучала в докладе Хрущева на ноябрьском (1962г.) пленуме ЦК КПСС. Он, в частности, сказал: «...надо обобщить более чем пятилетний опыт работы совнархозов. Как вы знаете, есть крупные СНХ, но есть и мелкие совнархозы, не имеющие ни развитой промышленности, ни перспективной сырьевой базы.

В настоящее время в РСФСР, например, имеется 67 совнархозов. Значительная часть из них являются сравнительно небольшими. С тем чтобы сосредоточить хозяйственное руководство промышленностью и строительством в крупных экономических районах, республиканские организации признали целесообразным укрупнить ныне действующие совнархозы и образовать 22-24 совета народного хозяйства укрупненных экономических районов.

...Создание укрупненных совнархозов будет способствовать преодолению местнических тенденций, попыток строить замкнутое хозяйство, получать побольше материальных ресурсов и средств на

капитальное строительство даже тогда, когда это не вызывается необходимостью в ущерб государственным интересам.

...Крупные совнархозы надо наделить широкими правами, не опекать их по мелочам, не сдерживать инициативу, а наоборот, всячески содействовать ее развитию.

...Функции реализации годовых планов, чем Госплан занимается теперь, нужно возложить на Союзный Совет народного хозяйства (СНХ СССР)».

Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 25 декабря 1962 года на территории Российской Федерации вместо существовавших ранее экономических административных районов были образованы новые:

Верхне-Волжский – с включением в него Владимирского, Ивановского, Костромского и Ярославского экономических административных районов (ЭАР); **Волго-Вятский** – с включением в него Горьковского, Кировского, Марийского, Мордовского и Чувашского ЭАР; **Восточно-Сибирский** – с включением в него Иркутского, Читинского и Бурятского ЭАР; **Дальневосточный** – с включением в него Сахалинского и Приморского ЭАР; **Западно-Сибирский** – с включением в него Новосибирского, Омского и Томского ЭАР; **Западно-Уральский** – с включением в него Пермского и Удмуртского ЭАР; **Коми; Красноярский; Кузбасский** – с включением в него Кемеровского и Алтайского ЭАР; **Ленинградский** – с дополнительным включением в него, помимо Псковского и Новгородского, Вологодского ЭАР без лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности; **Московский городской; Московский** – с включением в него Калининского, Московского, Рязанского и Смоленского ЭАР; **Мурманский; Нижне-Волжский** – с включением в него Астраханского и Волгоградского ЭАР; **Приволжский** – с включением в него Пензенского, Саратовского и Ульяновского ЭАР; **Приокский** – с включением в него Брянского, Калужского, Орловского и Тульского ЭАР; **Северо-Восточный** – с включением в него Магаданского и Якутского ЭАР; **Северо-Западный** – с включением в него Архангельского и Карельского ЭАР и лесной, бумажной и деревообрабатывающей промышленности Вологодского ЭАР; **Северо-Кавказский** – с

включением в него Ростовского, Краснодарского, Ставропольского, Дагестанского, Кабардино-Балкарского, Северо-Осетинского и Чечено-Ингушского ЭАР; **Средне-Волжский** – с включением в него Куйбышевского, Башкирского и Татарского ЭАР; **Средне-Уральский** – с включением в него Свердловского и Тюменского ЭАР; **Хабаровский** – с включением в него Амурского и Хабаровского ЭАР; **Центрально-Черноземный** – с включением в него Белгородского, Воронежского, Курского, Липецкого и Тамбовского ЭАР; **Южно-Уральский** – с включением в него Курганского, Оренбургского и Челябинского ЭАР.

Таким образом, всего в Российской Федерации было создано 24 новых экономических района. Коми, Красноярский, Мурманский и Московский городской экономические районы остались без изменений.

Совершенно очевидно, что подобного рода «укрупнение» экономических районов затронуло интересы уже не отдельных областных руководителей, а всего «корпуса секретарей», составлявших главную опору ЦК.

Затронут был и сам принцип государственного строительства, ибо все автономные образования, сформированные ранее в РСФСР по национальному признаку, включались в единые территориально-экономические районы наряду с обычными российскими областями. А поскольку, как правило, области эти по своему промышленному потенциалу превосходили автономные республики, то, естественно, государственный статус их фактически снижался.

Так, Волго-Вятский ЭАР с центром в Горьковской области «поглотил» Марийскую, Мордовскую и Чувашскую республики, а Северо-Кавказский ЭАР с центром в Ростове-на-Дону – Дагестан, Кабардино-Балкарию, Северную Осетию и Чечено-Ингушетию.

Впрочем, «корпус секретарей» и это мог бы пережить, но Хрущев покусился и на статус союзных республик.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 февраля 1963 года был образован Среднеазиатский экономический район. В Указе, в частности, говорилось:

«В интересах дальнейшего успешного развития экономики советских республик Средней Азии, совершенствования управления на-

родным хозяйством и учитывая предложения партийных и государственных органов Узбекской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР о создании единого органа по руководству промышленностью республик Средней Азии, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Образовать Среднеазиатский экономический район на базе экономических административных районов Узбекской ССР, Киргизской ССР, Таджикской ССР и Туркменской ССР.

Для руководства промышленностью в Среднеазиатском экономическом районе создать Совет народного хозяйства...»

Никто, естественно, не мог дать гарантий, что подобного рода «объединению» не подвергнутся Грузия, Армения и Азербайджан или Литва, Латвия и Эстония. Тем более что экономическая эффективность регионализации не оспаривалась в тот момент даже ее скрытыми противниками.

В постановлении ноябрьского (1962 года) пленума ЦК особо указывалось, что «пятилетний опыт деятельности советов народного хозяйства показал, что крупные совнархозы более квалифицированно управляют отраслями промышленности, обладают большими возможностями для маневрирования материально-техническими ресурсами, располагают лучшими условиями для концентрации, специализации и кооперирования производства».

Вся пресса столь же единодушно отмечала, что с созданием крупных совнархозов стали более полно использоваться местные ресурсы, сократились нерациональные перевозки грузов. На местах укрупнились строительные тресты и организации. Углубились специализация и кооперирование предприятий в пределах ЭАР. Усилилась мобилизация внутрипроизводственных резервов и т.д.

Создание совнархозов снизу доверху по всей стране объективно означало новый подход к устройению государства. Конечно, это не был переход к системе штатов или кантонов, но прогрессивность подобного шага несомненна. В противовес прежнему (потенциально взрывоопасному) делению СССР на республики исключительно по национальному признаку возникла единая система органов управления, базировавшихся на крупных экономических районах, часто не

совпадавших со старыми административно-территориальными границами.

Таким образом, были затронуты интересы всей партийно-государственной номенклатуры, ибо ликвидация министерств и формирование совнархозов вели к обновлению и омоложению управленческих кадров, к массовым перестановкам с «насиженных мест».

Все это неизбежно вызывало недовольство старой номенклатуры, а позднее и неприятие любых перемен вообще. В конечном счете оно и привело к вынужденной отставке Хрущева и постепенному свертыванию реформ.

Надо сказать, что при ликвидации совнархозов партийные идеологи столкнулись с определенными трудностями. Упрекнуть Хрущева в самом тяжком грехе – отступлении от «марксизма-ленинизма» оснований не было. Да и само время, наступившее после XX съезда, требовало более рациональных объяснений. Поэтому на первое место поставили «нарушение сложившихся экономических связей разных районов». Такое нарушение действительно имело место, но на смену прежним связям, носившим сугубо ведомственный характер, должны были прийти новые. И переход к ним был болезненным.

Приводились и другие доводы в пользу упразднения совнархозов. Среди них «трудности проведения единой государственной технической политики в масштабах отраслей», «раздробленность руководства отраслями промышленности» и «задержка в развитии отраслевой специализации».

Совершенно очевидно, что односторонний территориальный подход к совершенствованию управления народным хозяйством действительно не мог обеспечить успеха. Но все аргументы подобного рода приводились лишь для того, чтобы перечеркнуть реформу и восстановить все прежние отраслевые министерства.

О проблемах регионализации СССР и о главной причине – ущемлении интересов республиканских и местных «элит» – при этом не было сказано ни слова. Наоборот, в ход запустили уничижительное словечко «местничество», которое вообще надолго сняло вопрос о расширении прав регионов.

Любопытно, что когда Косыгин в конце 60-х годов попытался продолжить реформы (расширяя права низового экономического звена – предприятий – за счет сужения прав возродившихся министерств и местных партийных и советских органов власти), он также потерпел поражение.

Таким образом, Хрущев вовремя подметил не только саму проблему регионализации СССР, но и предложил ее действительно реформистское решение, которое вполне могло вывести Союз на новые принципы государственного строительства. Отказ от крупных ЭАР и совнархозов лишь углубил в последующие годы назревавшие противоречия и стал одной из причин распада государства.

Мурарка Дэв (Индия)

XX съезд КПСС и мир

Годовщина XX съезда – достойный повод поразмыслить о его последствиях для всего мира и, в частности, для коммунистического, социалистического и социал-демократического движений, тем более что существует тенденция оценивать его в чисто советском (российском) внутреннем контексте. Между тем следует подчеркнуть, что его внешнее воздействие было даже сильнее и привело к более значительным последствиям в глобальном масштабе.

Это тем более парадоксально, что ни на подготовительном этапе, ни в тексте доклада Хрущева не уделялось ни малейшего внимания внешним факторам, за исключением упоминания о разрыве с Тито. Хрущев и его коллеги, как сторонники, так и противники, были озабочены внутривнутриполитическими аспектами таких вопросов, как крайняя жестокость, аморальность и несправедливость действий Сталина, страдания советских граждан в лагерях и тюрьмах в тот период, а также растущие требования их освобождения и реабилитации со стороны родственников. Руководство должно было учесть и борьбу за власть в верхах, и другие личные политические соображения.

Не менее важно и то, что представители зарубежных коммунистических партий не были даже допущены на закрытое заседание съезда, не говоря уже о каких бы то ни было предварительных консультациях.

Только после съезда содержание доклада было доведено до сведения правящих и некоторых крупных и авторитетных западных компартий.

Такое небрежение было неслучайным. Оно объяснялось пережитками типично сталинского синдрома. Хотя на словах интернационализм был общепринятой нормой межпартийных отношений, на деле Москва привыкла к безропотной сговорчивости зарубежных компартий, как правящих, так и неправящих. Поэтому в процессе принятия решений хрущевское руководство даже не задумывалось о последствиях съезда для зарубежных товарищей, а последствия эти были самыми серьезными.

Авторитет Сталина был совершенно непререкаем для подавляющего большинства партий. Их руководители по своему происхождению принадлежали к радикальным и при этом хорошо социально устроенным слоям своих обществ. Им была свойственна революционная романтика. Они легко приспособились к сталинизму, который Троцкий проницательно окрестил «сифилисом рабочего движения». В общем и целом их понимание рабочего класса и приверженность его делу были поверхностными и отстраненными. Их интересовало не столько руководство рабочим классом, сколько господство над ним. Многие из этих лидеров дошли до рабского поклонения Сталину, которое отразилось на их политике. Поэтому эти партии были коммунистическими по названию и сталинистскими по духу. По сравнению с европейскими компартиями коммунисты стран «третьего мира» были еще сговорчивее в отношениях с Москвой.

Коммунисты всего мира, за некоторым исключением, волею неволей были вынуждены согласиться с развенчанием Сталина: выбора у них фактически не было, ибо идола разбили в самой «Мекке». Но при этом непоправимый урон был нанесен нравственному и политическому авторитету Москвы. Его начали ставить под сомнение. Поэтому по пути, предложенному Хрущевым, пошли скрепя сердце, с огромной неохотой и возрастающими опасениями.

«Закрытый» доклад фактически создал напряженный и непреодолимый внутренний кризис в каждой коммунистической партии. Отреагировали они по-разному. Но многим из них не удалось избежать логических последствий десталинизации и сопряженных с ней вопросов. Проще говоря, она лишила коммунистические рассуждения их нравственной ос-

новы. Все усилия, направленные на то, чтобы отделить коммунизм от сталинизма, закончились политическим и психологическим провалом.

Наблюдались три элемента кризиса. Во-первых, внутривнутрипартийная борьба между теми, кто хотел отмежеваться от сталинского наследия и кого впоследствии назвали ревизионистами, и теми, кто хотел и дальше действовать в сталинском духе. В конечном итоге это привело к расколу во многих партиях, некоторые из которых сблизилась с Китаем и считали, что сохранили верность сталинскому наследию, в то время как ревизионисты остались верны Москве, хотя и чувствовали при этом определенную неловкость. Такие трещины в отношениях, как мелкие, так и крупные, несомненно ослабили коммунистическое движение в мировом масштабе.

Как ни парадоксально, в течение некоторого времени именно оппозиция Китая по отношению к десталинизации сплачивала коммунистические партии. Коль скоро они были союзниками Москвы, им приходилось оказывать ей всемерную поддержку. А это означало, что на каждом съезде слышался боевой клич – громить КПК. Такой массовый положительный отклик, даже несмотря на то, что в основе его лежали тактические соображения, заглох при Брежнев, когда Москва втихую дала обратный ход. Однако при этом КПСС, в отличие от КПК, не стала официально реабилитировать Сталина.

Во-вторых, по идеалам и идеологии коммунизма был нанесен удар извне. С этого момента начались не только брожение среди коммунистов, но и непрерывные нападки на них со стороны их идейных противников, которые ухватились за деяния Сталина и оценивали все через их призму. Перед коммунистами встала неразрешимая дилемма: если они, несмотря на все, что выплыло на свет, будут сохранять верность сталинизму, то нравственная почва ускользнет у них из-под ног. Конечно, можно было бы стерпеть и это, что некоторые и сделали. Говорят, что один из крупных лидеров коммунистического движения в Азии сначала снял портрет Сталина со стены у себя в кабинете, но потом поставил его портрет поменьше у себя на столе.

Если бы они, напротив, перестроились и отмежевались от сталинизма, то их сочли бы идейно непоследовательными. К ним начали бы относиться с насмешкой и еще большим скептицизмом. Хуже того: во

многих случаях провозглашенный ими ревизионизм оказался «липой», он отдавал махровым сталинизмом. Пример этого – ревизионизм брежневского типа, с которым солидаризировались многие коммунистические партии. В конце концов многим ревизионистским партиям пришлось либо самораспуститься, либо приблизиться к социал-демократическим нормам. И снова случилось так, что многие европейские партии ушли в сторону, а в «третьем мире», как это ни мрачно, сталинизм для многих сохранил свою привлекательность.

Третий элемент кризиса – расхождение между реальным идеологическим характером этих партий и тем, что декларировалось. Всегда утверждалось, что их идеология восходит к марксистскому и, в меньшей степени, к ленинскому мышлению. Возможно, что вначале так оно и было. Но в ходе их развития эта идеология обросла толстой коркой сталинизма. Марксизм настолько растворился в сталинизме, что стал практически незаметен и проявлялся только в камуфлирующих лозунгах.

Так случилось потому, что в партиях, оказавшихся под влиянием Москвы, начался интеллектуальный застой. Исключением были лишь итальянская и китайская компартии. Но это было особое исключение. Китайцы предложили свою альтернативу сталинизму – маоизм. Итальянцы вели борьбу на высоком интеллектуальном уровне, стараясь найти альтернативу сталинизму внутри коммунизма, полагаясь в основном на труды Антонио Грамши и практическую политику Пальмиро Тольятти. В конце концов они даже порвали с брежневским ревизионизмом, став во главе «еврокоммунизма», прожившего короткую жизнь и исчезнувшего, как дым. Остальные давно забросили чтение Маркса и даже Ленина и в интеллектуальном плане ограничились искаженными пророческими высказываниями товарища Сталина, которые воспринимались некритически. Так гнет Москвы привел к тому, что большие и малые коммунистические партии превратились в коллектив идейных неучей, что было характерно для КПСС при Сталине и после него.

Большинство коммунистов не понимали, а если и понимали, то игнорировали тот факт, что их лояльность Москве и связи с ней имели не только идеологический характер. Сталин и его преемники в основном свели их до уровня простого орудия своей внешней политики как до начала «холодной войны», так и во время нее. Многие из них настолько от-

кровенно разрешили использовать себя в этом качестве, что к ним перестали относиться как к серьезным политическим организациям. И во многих случаях простые люди смотрели на них как на партии, покорные Москве. Колониальная хватка КПСС в отношении партий в странах «третьего мира» усугублялась их финансовой и иной зависимостью от Москвы, хотя и европейские компартии не были полностью свободны от нее. Противники коммунистов внутри стран и за рубежом открыто и успешно использовали эти противоречия.

Важно также отметить, что воздействие XX съезда было гораздо шире, нежели просто влияние на компартии. Разоблачение Сталина по аналогии сказалось на всем спектре марксистских и социалистических идей. Следовательно, медленно, но неизбежно, даже социалистическим и социал-демократическим партиям пришлось отказаться от своих марксистских истоков, даже несмотря на то, что они всегда враждебно относились к советскому типу коммунизма как таковому. Отчасти это объяснялось и тем, что сталинисты сумели настоять на том, что они были единственными истинными марксистами, за что и ухватились противники марксистских идей.

Эти противники упорствовали и продолжают упорствовать, объявляя сталинистскую интерпретацию марксизма единственно правильной. Они отказываются видеть водораздел, отделяющий марксизм от сталинизма, утверждая, что «марксизм, по крайней мере в некоторых своих интерпретациях, продолжает оставаться выражением эпохального критического мышления», что в «марксовой теории присутствует богатейшая и сложнейшая гуманистическая основа и достаточно общая и глубокая критика каждого отчужденного общества; причем эти элементы и сейчас сохраняют свое значение и правоту и являются необходимым условием для всей современной радикальной критической теории и практики». Однако стало очень модно говорить, что марксизм вообще не имеет отношения к действительности. Такое отрицание создало философский вакуум. И его нельзя заполнить обожанием тэтчеризма, которое сейчас бытует в России. Этот вакуум может быть заполнен только вновь обретенным, т.е. заново осмысленным и интерпретированным марксизмом, и в конце концов может оказаться, что такой марксизм не имеет ничего общего с коммунистическим наследием.

Вполне справедливым будет утверждение, что коммунисты за пределами Советского Союза сами виноваты в том положении, в котором оказались после XX съезда. Все не так просто. Проводя параллель с современными процессами, можно сказать, что сталинизм стал неким религиозным культом, и, попав под его влияние, от него нельзя было освободиться, не поставив при этом под угрозу свое существование. Этот топор был занесен Москвой. Одной только попытки было достаточно, чтобы погибнуть. XX съезд мог бы освободить их от этого, что он и сделал. Но, к сожалению, сделано это было очень плохо.

В действительности съезд предусматривал не истинную идеологическую свободу, а лишь ее ограниченную модификацию. В силу внутривнутриполитических факторов, пространство для маневра в послесъездовский период десталинизации не расширилось, а сузилось. Важную роль в этом сыграли некоторые влиятельные лидеры европейских компартий, обеспокоенные возможными последствиями этого процесса и не желавшие дальнейших разоблачений деятельности Сталина. Они оказывали негативное давление на Москву и добились своего.

Не менее важно и то, что сталинистский подход Москвы к зарубежным компартиям сохранялся. Первым поражением стала неудачная попытка Хрущева, несмотря на драматическое личное вмешательство, предотвратить возвращение в большую политику Владислава Гомулки в качестве польского лидера. Это выявило падение престижа и авторитета Москвы. Советское политическое вмешательство в Польше породило протесты в Венгрии. А его неудача превратила их в восстание.

Венгрия – первые постсталинские массовые беспорядки, которые обычно трактуются как следствие десталинизации. Однако на деле все было наоборот. Венгерские события объяснялись тремя главными причинами. Во-первых, десталинизация внутри СССР носила ограниченный характер, несмотря на свое глубокое освободительное воздействие на людей, подвергшихся репрессиям и продолжавших жить под их мрачной тенью. Во-вторых, Москва действовала нелогично, отказывая другим компартиям в праве проводить десталинизацию даже в таких ограниченных масштабах. Эта смесь вялой десталинизации внутри страны и утверждения сталинизма в неприемлемых формах за рубежом оказалась взрывоопасной. В-третьих, в сознании восточноевропейцев опыт репрес-

сий был более свежим; они с большей энергией ухватились за возможность либерализации, угрожая политической хватке коммунистов. Все это позволило коммунистам в национальном и международном масштабе затянуть петлю, вначале замедлив темпы реформ, а затем перейдя к длительному периоду застоя, семена которого, посеянные после XXII съезда, продолжали прорастать в эпоху Брежнева. Чехословакия была последним затянувшимся вздохом XX съезда до тех пор, пока перестройка не открыла шлюзы потоку перемен.

Все это никоим образом не означает, что XX съезд был ошибкой. Его главный недостаток заключался в том, что его идеи не получили дальнейшего развития. Потенциал съезда не был реализован, а уроки венгерских событий не только не были усвоены, но и извращены. Не представляя XX съезд в романтических красках, необходимо тем не менее признать, что он создал новую реальность. Следовало разделить сямских близнецов – загнивающий сталинизм и дискредитированный коммунизм. Эту необходимую операцию, хотя и неуклюже, провел съезд, что и явилось эпохальным достижением.

В свете нынешнего возрождения коммунистов в России было бы нелишне обратить внимание на их враждебное молчание по поводу 40-летней годовщины XX съезда в феврале; проведение памятных мероприятий в очередную годовщину смерти Сталина в марте; ярую ненависть их лидеров и рядовых членов партии в отношении съезда, который они считают первым актом предательства идей коммунизма. Если они думают, что проблемы России можно решить путем реставрации неосталинизма, то они не усвоили урок истории. Кроме того, они игнорируют опыт советской экономики, которая терпит крах начиная с 70-х годов, ибо формы, в которых развивались производительные силы, стали превращаться в оковы, создавая предпосылки для неизбежной социальной революции, как и предсказывал Маркс. Она произошла путем перестройки, нравятся кому-то ее формы или нет, и затем сменилась неоформленной контрреволюцией правых. Коммунисты не в состоянии развязать этот узел или решить возникшие проблемы, двигаясь вспять. Это принесет им лишь новые неудачи и создаст еще более глубокий кризис.

Им не следует питать иллюзий относительно их будущего руководства почти несуществующим международным коммунистическим

движением, хотя некоторые партии, не имеющие особого веса, могут добиваться их расположения. Влияние КПСС на эти партии в прошлом было результатом особого положения СССР как сверхдержавы. Сейчас все изменилось, ибо в обозримом будущем Россия будет по-прежнему оставаться на периферии евро-американского мира, имея сугубо декоративное и номинальное присутствие, предоставленное ей в качестве «конфетки» в организациях, управляемых Западом и в интересах Запада. Иначе быть не может, несмотря на нынешних российских правителей, политиков и аморальную, одряхлевшую интеллигенцию, которая злопыхательски блажит по поводу своего величия, уникальной судьбы и роли в мире, проявляя тем самым пережитки шовинистического безумия.

Медведев В.А.

Судьбы отечественной реформации

Хотел бы поделиться некоторыми соображениями, может быть, не столько рационально-научного, сколько эмоционального характера, относительно драматических судеб нашей отечественной реформации.

Как и многие из присутствующих, я отношу себя к тем, кто своим политическим рождением и прозрением обязан хрущевской «оттепели», реформаторскому движению, которое выросло из XX съезда партии, как российская реалистическая литература из гоголевской «Шинели», а русская классическая музыка – из «Камаринской» Глинки.

Я с большим интересом прослушал выступления историков, их скрупулезный анализ исторических событий, в которых рождался XX съезд, «секретный» доклад Хрущева, с описанием малоизвестных деталей и тонкостей, интерпретацией мотивов, которыми он руководствовался в острой борьбе вокруг сталинского наследия в руководстве партии.

Хотел бы в связи с этим сказать следующее: какие бы трактовки мотивов действий Хрущева мы ни давали сегодня, они не могут поколебать того факта, что XX съезд положил начало глубокому повороту в общественно-политической жизни страны, открыв шлагбаум тому процессу отечественной реформации, который оказал, если не решающее, то очень мощное воздействие на весь последующий ход исторических событий. Не могу согласиться с замечанием Виктора Шейниса о том, что

этот процесс затронул лишь верхушечный слой явлений общественной жизни.

Правда, выпустив «джинна», Хрущев через какое-то время, по-видимому, или сильно напугался, или оказался под очень мощным консервативным давлением. Реформаторские тенденции стали притормаживаться и загоняться в тупики различного рода реорганизациями. Но процесс, как говорится, пошел.

Не был он остановлен даже в условиях брежневской полусталинистской реакции, свидетельством чего может служить экономическая реформа 1965 года. Она дала стимул развитию прогрессивной экономической мысли, появлению целой плеяды экономистов нового поколения. Но на практике, к сожалению, потерпела неудачу, ибо не отвечала политической направленности и психологии того времени, была загублена партийным и хозяйственным аппаратом. Кроме того, реформа Брежневу была просто «не по зубам». Его обуревала ревность к Косыгину. А окончательно дверь для экономических изменений захлопнулась после событий 1968 года в Чехословакии, когда реакция приняла уже совершенно открытые формы.

Тем не менее дух реформации сохранялся в сознании общества и даже некоторой части кадров партии. Он проявлялся на страницах литературно-художественных журналов и в песнях популярных бардов, на подмостках театров и в специальных научных дискуссиях, не говоря уже о диссидентстве, которое было реакцией на откат от хрущевской «оттепели» и к искоренению которого Брежнев и Андропов приложили так много усилий, но так и не смогли достичь этой цели.

Думаю, вряд ли кто-нибудь возьмется оспаривать утверждение о том, что перестройка, начатая в середине 80-х годов, была продолжением реформации. Она начиналась не на пустом месте, но, конечно же, отличалась своими особенностями, отвечала острейшим вызовам своего времени и представляла более развернутую и осмысленную программу действий. К сожалению, в силу драматического стечения обстоятельств, объективных и субъективных причин, допущенных ошибок она потерпела поражение и привела к установлению того режима, в условиях которого мы живем.

Сейчас у меня нет возможности дальше развивать эту тему; недавно в связи с 10-летием начала перестройки у нас был обстоятельный разговор на сей счет. В заключение хочу поставить один вопрос: кого же сегодня можно считать наследником и проводником реформации, кто же является продолжателем этого движения? Его потенциал колоссален, его корни неистребимы, оно не может сойти с исторической сцены и быть вычеркнутым из общественно-политической жизни. К сожалению, приходится констатировать малоутешительный вывод о том, что, по сути дела, реформаторское движение оказалось дезорганизованным, рассеянным, атомизированным.

Назвать наследниками реформации ельцинскую группу было бы издевательством над здравым смыслом. Произошло явное перерождение этих людей под популистскими лозунгами разрушения всего, что было, овладение властью, а затем ее сохранение. Так называемые радикальные демократы полностью дискредитировали себя антинародной политикой развала Союза и шоковых реформ.

Какая-то часть реформаторских сил, не находя выхода своим настроениям и энергии в нынешнем политическом спектре, замкнулась в более узких интересах, образовала основу для небольших партий и движений левоцентристской направленности. Часть пошла за КПРФ, внутри которой, судя по документам и выступлениям лидеров, идет перетягивание каната между партийным фундаментализмом и реформаторским реализмом.

Думаю, в общественно-политической жизни не избежать полосы острых противоречий, конфликтов и потрясений до тех пор, пока реформация не объединит свои силы и не получит возможность для широкого и активного выхода на политическую арену. Хотел бы призвать присутствующих к тому, чтобы всем нам поразмышлять о том, как сделать, чтобы семена, брошенные 40 лет тому назад, не только дали добротные всходы, но и полностью преобразили нашу многострадальную землю.